

Материалы ежегодного семинара 2010–2014 гг.

Традиционные практики урегулирования конфликтов

Межрегиональный общественный центр
«Судебно-правовая реформа»

Институт государства и права Российской академии наук

Традиционные практики урегулирования конфликтов

Материалы ежегодного семинара 2010–2014 гг.
(сборник)

Москва-2014

**Межрегиональный общественный центр
«Судебно-правовая реформа»**

Институт государства и права Российской академии наук

Традиционные практики урегулирования конфликтов

Материалы ежегодного семинара 2010–2014 гг.

(сборник)

Москва-2014

УДК 316.28:340.01(082)

ББК 67.4+60.5

Общественный центр «Судебно-правовая реформа»

Издательская лицензия ЛР № 030828 от 3 июня 1998 г.

Сайт общественного центра «Судебно-правовая реформа»: www.sprc.ru

Традиционные практики урегулирования конфликтов / Материалы ежегодного семинара 2010–2014 гг. (сборник). – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. – 252 с.

Ежегодный семинар, посвященный традиционным практикам примирения, проводится Институтом государства и права РАН совместно с центром «Судебно-правовая реформа» с 2010 года.

Семинар носит междисциплинарный характер, в докладах рассматриваются этнографические, исторические, правовые, политические и культурологические аспекты образа жизни и мировосприятия различных народов и связи этих аспектов жизнедеятельности людей со способами разрешения конфликтов.

В данном сборнике представлены некоторые доклады с семинаров (2010–2014 гг.), впервые напечатанные в журнале «Вестник восстановительной юстиции» №№ 7–11.

Составитель сборника Антон Коновалов

Выпускающий и литературный редактор: Путинцева Н.В.

Компьютерная верстка: Фролова А.Ю.

Корректор: Корепанова К.М.

ISBN 978-5-901075-37-1

Содержание

Людмила Карнозова. Традиционные практики разрешения конфликтов: восстановление мира в общине 5

Людмила Карнозова. Научно-теоретические семинары, посвященные традиционным практикам урегулирования конфликтов и роли примирения в них (2010 – 2014): краткий обзор 12

СЕМИНАР 2010 г.

Леонид Земцов. Примирение в крестьянской юстиции России 60-х – 90-х гг. XIX в. 23

Надежда Ефремова. Институт примирения в истории российской юстиции (дореволюционный период) 43

СЕМИНАР 2011 г.

Михаил Кудрявцев. Вопросы примирительных процедур в Соборном Уложении 1649 года 55

Ирина Бабич. Возрождение института медиаторства в горских сообществах Северного Кавказа в советские и постсоветские годы (1950–2000 гг.) 65

Макка Албогачиева. Примирительные комиссии в Ингушетии: история и современность 92

Залпа Берсанова. Обычай кровной мести и практика примирения в современной Чечне 115

СЕМИНАР 2012 г.

Наталья Новикова. Круги правосудия на севере Канады 124

Евгений Афанасьев. Традиции урегулирования конфликтов в цыганском праве 139

Надежда Ефремова. Примирение в истории права: сравнительный анализ моделей 152

СЕМИНАР 2013 г.

Эльвина Ерофеева. Переговоры Сан-Андрес: восстание сапатистов 1994 г. в Чиापасае и опыт медиации в конфликтах с участием коренных народов 164

СЕМИНАР 2014 г.

Хайбула Магомедсалихов. Маслаат в социальных конфликтах у горцев Дагестана: исторический опыт и современная прикладная актуальность 191

Максим Кудрявцев. Традиционные формы примирения в обычаях русского народа (из истории общинного самоуправления в России)..... 213

Надежда Ефремова. Тема примирения в фольклоре и литературе..... 240

Об авторах..... 250

Традиционные практики разрешения конфликтов: восстановление мира в общине¹

Идея альтернативы, которая предлагается восстановительным правосудием, восходит к общинным способам разрешения конфликта, направленным на примирение и достижение соглашения между сторонами². Во главу угла здесь ставится ценность совместной жизни людей.

«Так, многие черты народного права германцев, которые, на западный взгляд, являются признаками слабости, выглядят признаками силы в глазах людей незападных культур. Отсутствие движений за правовую реформу, сложной юридической машины, сильной центральной законодательной власти, сильной центральной судебной власти, независимого от церковных воззрений и эмоций свода законов, систематической юридической науки – все это лишь одна сторона медали. А вот другая: ощущение целостности жизни, взаимосвязи права со всеми сторонами жизни, ощущение того, что правовые учреждения и процессы, как и правовые нормы и правовые решения, составляют неотъемлемую часть вселенской гармонии. Право, как искусство, как миф и религия, как сам язык, было для народов Европы на ранних этапах их истории отнюдь не способом применения правил для определения вины и вынесения приговора, не средством разделения людей на основе набора принципов – право было

---

¹ См. также: *Карнозова Л.М.* Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М.: Проспект, 2014. С.56–62.

² См.: *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1994. С. 10–16; *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования: Пер с англ. М.: Изд-во МГУ; Издательская группа ИН-ФРА-М – НОРМА, 1998. С. 83–92.

средством удержать людей вместе, оно было инструментом примирения. Право воспринималось прежде всего как процесс посредничества, способ общения, а не как процесс создания норм и принятия решений»³.

Как показывает Норбер Рулан, основатель Французской ассоциации юридической антропологии, современные исследования развенчивают наши твердые убеждения, будто в первобытных обществах царило насилие и что только с появлением государственных судебных институтов удалось уйти от мести, «благодаря чему стало возможным сдержанное насилие». Исследования заставляют задуматься: «А не является ли это вечное насилие придуманным позже, при рождении государства, воображаемым представлением, чтобы узаконить монополию правосудия и применение силы, которое оно предусматривает?... как показывают этнографические исследования, к мести прибегали редко, а сами традиционные общества стремились к строгому ограничению проявлений насилия. Однако, поскольку это далеко не соответствовало идеологии миссио-неров и представителей государства, то они в принципе резко осуждали месть»⁴. Несудебные способы разрешения конфликтов в «элементарных» («полуэлементарных», «полусложных») обществах, фактически образуют систему: месть – переговоры – посредничество⁵. Ценность совместной жизни, которая лежала в основе древних и более поздних обычаев разрешения конфликтов, побуждала противоборствующие стороны к поиску мирного исхода ситуации. Угроза возмездия, безусловно, существовала, но ее можно рассматривать и как способ побуждения к миру. «Смысл и функция возмездия часто

---

³ Берман Г.Дж. Указ. соч. С. 87.

⁴ Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов: Пер. с фр. М., 1999. С. 172.

⁵ Рулан Н. Указ. соч. С. 161–163.

отражали философию компенсации. Вся система основывалась, в первую очередь, на необходимости компенсации пострадавшим и восстановления взаимоотношений. Обычно это вело к переговорам, результатом которых должно было стать признание преступником его ответственности и обязательств»⁶. Эти черты общинного правосудия заставляют сегодня людей в самых разных странах обращаться в прошлое в поиске образцов для процедур миротворчества, способов ответа на преступления, основанных на переговорах и посредничестве.

Традиционные формы разрешения конфликтов, присущие обычному праву, бытуют и сегодня, в том числе и на территории России, и их исследование и освоение этого опыта имеет большое значение для развития примирительных практик. Изучение традиционных практик открывает новые пласты в понимании социальных форм урегулирования конфликтов и механизмов ответственности, раскаяния и прощения – столь важных в рамках концепции восстановительного правосудия.

Один из уроков, которые можно извлечь из изучения традиционных практик, состоит в том, что раскаяние обидчика и принятие им ответственности непременно предполагают наличие опоры и поддержки; в традиционных обществах это происходит в виде разделения ответственности – с семьей и общиной. Выражение этой общей ответственности облечено в освященные веками обряды, которые символизируют сожаление о совершенном проступке (преступлении) и предлагают определенность форм, в которых должно произойти заглаживание вреда.

---

⁶ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер с англ. / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 123.

При всем разнообразии социальных структур и обычаев, мирное разрешение конфликтов и споров, переговоры, компенсация, примирение и прощение – все это мы находим в истории любого народа.

Но неверно было бы предполагать, что древние способы ответа на деяния, выходящие за пределы принятых правил, ограничивались только переговорами, посредничеством и мирным разрешением споров (а месть применялась как исключительная альтернатива) и лишь становление национальных государств привело к формированию публичного права и публичного наказания. По некоторым категориям деяний – тем, что угрожали самому существованию общины, применялись *публичные наказания*; их целью было не возмездие, а защита общины.

Как показано в работе Генриха Оппенгеймера, который исследовал обширный материал из истории разных народов, нельзя представить развитие правосудия как процесс, имеющий в качестве источника «единое право, в котором заключались в недифференцированном виде право гражданское и уголовное»⁷. Гражданское и уголовное право возникают из самостоятельных источников, «и скорее напоминают две реки, текущие по параллельным руслам, причем одна река, в известных местах, посылает свои рукава в другую»⁸. Деяния, которые сегодня являются уголовными преступлениями, были таковыми не всегда. Первыми преступлениями были те, что в соответствии с господствовавшими взглядами ставили в опасность все общество, «подвергая его риску мести со стороны внешних врагов или мира духов, риску навлечения скверны греха посредством приведения в дви-

---

⁷ Оппенгеймер Г. Историческое исследование о происхождении наказания. М., 2012 (репринтное издание: СПб., 1914). С. 78.

⁸ Там же. С. 78.

жение как бы механических тайных сил»⁹. Автор приходит к выводу, что главным источником возникновения публичных наказаний был страх, а мотивом – забота об общем благе, а вовсе не месть. «Мечь, – пишет Оппенгеймер, – является источником не наказания, а права возмещения посредством гражданского иска деньгами или действиями, и подлежит не уголовной, а гражданской юрисдикции»¹⁰. Так что сторонники теории мести, которые говорят, что в официальном правосудии государство просто поставило себя в качестве субъекта наказания на место потерпевшего, уводит нас от исторического понимания происхождения наказания.

К преступлениям, караемым в примитивных обществах, относятся: чародейство, противоестественные пороки, измена, святотатство, преступления против половой нравственности, отравление, нарушение охотничьих правил трибы¹¹.

«Древнейшими формами наказаний являлись уничтожение преступника вместе со всем, что ему принадлежало, или изгнание его из страны. Целью этого было изъятие из общества того, кто являлся источником опасности, пока он оставался в среде людей. Наказание вначале было мерой социальной гигиены. Страдания, которые вызывало применение наказания, были побочным результатом, специально не имевшимся в виду, и они не причинялись сознательно с тем расчетом, чтобы превысить степень, необходимую для достижения главной задачи наказания»¹².

Именно религиозные идеи, страхи и чувства были главным источником определения того или иного деяния в каче-

---

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ Там же. С. 6.

¹² Там же. С. 80.

стве преступления и необходимости публичного наказания. К примеру, по отношению к *колдунам* применялись акты полного уничтожения: сам колдун, а также его семья и родственники предавались смерти, «такая санкция, искорящая все, что связано с виновным, сразу наводит на мысль, что она продиктована желанием устранить заразу, передаваемую через прикосновение или по наследству»¹³. *Изменник* приравнивается к врагу общины, и с ним поступают так, как с побежденным противником: его убивают, а жена и дети либо тоже погибают, либо обращаются в рабство, имущество конфискуется.

Итак, деяния, наносящие вред общине в целом, карались жестоко; целью соответствующих санкций была защита общины от опасностей, которые, как представлялось, ей грозили. По мере исторического и правового развития перечень деяний, которые рассматривались как угроза обществу, менялся и расширялся. Государственное право взяло на себя полномочия по реагированию на деяния, которые причислены к преступлениям против общества (убийства, кражи, грабеж, разбой, государственные преступления и т.д. и т.п.). И, в конце концов, государственные формы реагирования на противоправные деяния стали доминирующими и привели к такому отчуждению людей от собственных конфликтов, что возникло стремление вспомнить прежние формы урегулирования посредством переговоров, возмещения ущерба и примирения¹⁴.

---

¹³ Там же. С. 30.

¹⁴ *Кристи Н.* Конфликты как собственность // Восстановительная ювенальная юстиция / Сост. А.Ю. Коновалов. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2007. С. 40–58; *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер с англ. / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002; *Пранис К., Стюарт Б., Уеджс М.* Круги примирения: от преступления к сообществу / Пер. с англ. под ред. Р.Р. Максудова, Л.М. Карнозовой, Н.В. Путинцевой. М. МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2010.

Естественно, сегодня речь идет не о возвращении к старым формам, а о выделении тех принципов, которые вытекают из ценности совместной мирной жизни людей, и использовании для их реализации традиционных практик в качестве прототипов¹⁵. В последние десятилетия можно говорить о некой мировой тенденции, проявляющейся в повышенном интересе к традиционным способам урегулирования споров и конфликтов и их увязывании с системами официальной юстиции. Понятно, что формирующиеся новообразования не тождественны древним механизмам – мы живем в другом обществе: в обществе мегаполисов, где господствует разделение труда, индивидуализм и взаимное отчуждение; в городских поселениях, как правило, отсутствуют или весьма слабы местные сообщества, а, следовательно, наказание не нарушает жизненного уклада социальных групп; мы живем в обществе с развитыми правовыми институтами и вряд ли сможем согласиться с тем, чтобы пренебречь завоеванными гарантиями прав человека и основных свобод. Однако базовые принципы восстановительного правосудия восходят к древнейшим ценностям совместной жизни людей, и в современных его практиках находят место возрожденные обычаи, связанные с использованием переговоров и примирительных процедур.

Наш интерес к традиционным практикам вылился в своего рода исследовательский проект, который реализуется в серии семинаров, организованных Институтом государства и права РАН и общественным центром «Судебно-правовая реформа».

---

¹⁵ Максудов Р.Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012; Коновалов А.Ю. Школьные службы примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / под ред. Л.М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012; Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). – М.: Проспект, 2014.

Научно-теоретические семинары, посвященные традиционным практикам урегулирования конфликтов и роли примирения в них (2010–2014): краткий обзор

С 2010 года Институтом государства и права РАН совместно с общественным центром «Судебно-правовая реформа» ежегодно проводятся семинары по традиционным практикам разрешения конфликтов и роли примирения как в обычном праве, так и в официальной юстиции. Семинары носят междисциплинарный характер, в докладах и обсуждениях рассматриваются этнографические, исторические, правовые, политические и культурологические аспекты образа жизни и мировосприятия различных народов и их связи со способами разрешения конфликтов.

Эти семинары, посвященные традиционным формам урегулирования конфликтов, роли примирительных процедур в обычном праве и их месту в официальной юстиции, выполняют важнейшую задачу в реализации программы, направленной на укрепление культурного фундамента современных медиативных практик и восстановительного правосудия.

Семинар **2010 года** был посвящен анализу роли российских традиций примирения в истории дореволюционной отечественной юстиции.

Как известно, большую часть населения дореволюционной России составляло крестьянство. В рамках общинного самоуправления примирительным процедурам урегулирования конфликтов отводилась важная роль. Законодательные же институты примирительных процедур и мирового

соглашения начали формироваться в России с конца XIV в. В докладах были освещены как общие вопросы эволюции института примирения в российской юстиции, который постепенно уступал место карательному государственному правосудию¹, так и более развернуто показана роль примирения сторон в обычно-правовой судебной системе второй половины XIX – начала XX веков в деятельности сельских судов, а также созданных реформой 1861 года волостных судов².

На семинаре 2011 г. большой блок докладов был посвящен традициям разрешения конфликтов народов Северного Кавказа и Средней Азии и их роли в настоящее время³.

Обычаи до сих пор играют в этих регионах гораздо более существенную роль, нежели государственное право, люди предпочитают обращаться не в официальные инстанции, а следовать традиционным процедурам. У народов Северного Кавказа сохраняются обычаи кровной мести. Кровная месть жестко регламентирована, она осуществляется тогда, когда не удается достичь примирения, так что роль примирения чрезвычайно велика. Ядро примирения – заглаживание вре-

---

¹ Об институтах примирения в истории русского права см.: *Ефремова Н.* Институт примирения в истории российской юстиции (дореволюционный период) // *Вестник восстановительной юстиции.* Вып. 7. М., 2010. С. 35–40; она же. Традиция примирения в истории обычного права и законодательства России (дореволюционный период) // *Вестник восстановительной юстиции.* Вып. 8. М., 2011. С. 16–23; она же. Примирение в истории права: сравнительный анализ моделей // *Вестник восстановительной юстиции.* Вып. 9. М., 2012. С. 71–75; *Кудрявцев М.* Вопросы примирительных процедур в Соборном Уложении 1649 года // *Вестник восстановительной юстиции.* Вып. 8. М., 2011. С. 24–27.

² *Земцов Л.И.* Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60-е – 80-е гг. XIX века). Воронеж, 2007; он же. Примирение в крестьянской юстиции России (60-е – 90-е гг. XIX века) // *Вестник восстановительной юстиции.* Вып. 7. М., 2011. С. 41–49.

³ Публикации докладов см.: *Бабич И.* Возрождение института медиаторства в горских сообществах Северного Кавказа в советские и постсоветские годы (1950–2000 гг.) // *Вестник восстановительной юстиции.* Вып. 8. – М., 2011. С. 28–39; *Албогачева М.* Примирительные практики в Ингушетии: история и современность // Там же. С. 40–49; *Берсанова З.* Обычай кровной мести и практика примирения в современной Чечне // Там же. С. 50–53.

да, которое имеет разные формы в зависимости от местных обычаев. Процедура предполагает совершение определенных обрядов извинения, прощения, а также ритуалов, отражающих связь общины с предыдущими и будущими поколениями, с Богом и вечностью. Обряды и ритуалы погружают событие примирения и прощения в связь времен, вводят в разрешение конфликтов трансцендентное начало.

В настоящее время примирение инициируется и поощряется властями республик, на местах активно действуют примирительные комиссии для разрешения конфликтов между кровниками.

На материале обсуждений отчетливо выявилось концептуальное различие двух типов культур по отношению к понятиям вины и ответственности и, соответственно, форм разрешения конфликтов и ответа на преступление. Современная западная урбанистическая культура является продуктом разобщенного социума, для которого, в отличие от общинной культуры, тесные горизонтальные связи, близость, коллективность не образуют фундамента. Урбанистическая культура зиждется на безличных функциональных связях, формальном «вертикальном» социальном контроле, она центрируется на атомизированном индивиде и индивидуальной ответственности, а в уголовном праве – на индивидуальной вине и наказании. Основной же социальной единицей в жизни народов Северного Кавказа и Средней Азии является община (семья, тейп, род). Отсюда – коллективная вина и коллективная ответственность. Любое преступление – это причинение вреда общине. И ответственность за преступление несет община (семья), к которой принадлежит виновный. Кровная месть либо прощение при достижении примирения адресовано общине, в ритуалах примирения виновник даже не всегда участвует, он отвечает перед своей семьей, родом. Община, в свою очередь, берет ответственность за его исправление. Посрамление перед общиной в

случае нарушения установленного порядка является мощным инструментом воздействия на виновного, а стыд («воссоединяющий», по Брейтуэйту⁴) – психологическим механизмом «ресоциализации».

В семинаре 2012 г. рассмотрение традиционных практик примирения, являющихся неотъемлемой составляющей обычаев, было увязано с анализом их взаимодействия с действующей системой государственных органов правосудия⁵. Подобное сопряжение традиционных практик с официальным правосудием в ряде стран становится важнейшим моментом государственной политики.

Участники семинара отметили значимость изучения традиций разных народов, актуальность этой проблематики с учетом тех проблем и конфликтов, которые возникают в районах проживания разных диаспор на территории Российской Федерации. Подобные конфликты происходят не только в среде взрослых, нередко они встречаются и в школах, и педагоги оказываются перед ними абсолютно бессильными. Сегодня нет специалистов или общественных структур, которые могли бы профессионально работать с межнациональными (межконфессиональными, межкультурными) конфликтами.

Помимо указания на важность формирования компетентности в области разрешения межнациональных конфликтов, на семинаре 2012 г. были сделаны и другие содержательные выводы. Так, ряд докладов дает основание для выделения двух типов медиации: *медиация, основанная на ценностях*, и *медиация, основанная на интересах*. Первый тип характе-

---

⁴ *Брейтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение: Пер. с англ. / Под общ. ред. М.Г. Флямера. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

⁵ *Ерофеева Э.* Вопросы индийского правосудия в Гватемале и Южной Мексике // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 9. – М., 2012. С. 34–58; *Новикова Н.* Круги правосудия на Севере Канады // Там же. С. 59–64. *Афанасьев Е.* Традиции урегулирования конфликтов в цыганском праве // Там же. С. 65–70.

рен для внутриобщинных практик разрешения конфликтов, когда люди объединены не просто совместным проживанием, но и общей жизненной философией, миропониманием, понятием справедливости – *общими ценностями* в плане не только материальной, но и духовной организации жизни, а также нормативными представлениями о взаимоотношениях. Именно общие ценности оказываются фундаментом для выработки консенсуса в решении проблем и урегулировании конфликтов. Но это относится именно к «предсказуемым» общностям, то есть тем, где эти ценности действительно выполняют регулятивную и нормативную функцию. Трудно представить себе медиацию, основанную на общих ценностях, между аборигенами народов Севера и промышленными корпорациями (доклад Н.И. Новиковой «Охотники и нефтяники: проблемы взаимодействия обычного и корпоративного права»). В данном случае, скорее можно вести речь о «медиации интересов». В том и другом типе медиации организуется диалог между участниками (сторонами), но выстраивается он на разных основаниях.

Приведенное различие может относиться и к более широкому классу ситуаций, с которыми имеют дело медиаторы, – и в рамках восстановительного правосудия, и школьной, и семейной медиации, и пр. Так что изучение традиций урегулирования конфликтов и примирения у разных народов оказывается не только полезным в плане получения знаний о разных культурах и традициях и выработки процедур для разрешения межнациональных конфликтов, но и обогащает наше понимание медиации как таковой и способствует *дифференциации самих медиативных практик*. В то же время судебное или иное юридически значимое примирение (если иметь в виду такие современные правовые семьи как континентальная и англосаксонская) индифферентны к такого рода различиям, и их роль в примирительных способах разрешения споров и конфликтов состоит, скорее, в том,

чтобы поощрять медиацию и закреплять ее результаты в решениях официальных органов.

В семинаре 2013 г. «Традиционные практики примирения и современность: медиация в политически значимых конфликтах» продолжалось исследование темы связи традиционных практик урегулирования конфликтов с современностью.

Как правило, тема политической медиации обсуждается в контексте проблематики посредничества при урегулировании международных конфликтов. Этот тип медиации обладает определенными особенностями в сравнении с общими принципами и чертами медиации между частными лицами. В данном же семинаре основное внимание было сосредоточено на внутривнутриполитических конфликтах; тема является мало проработанной и представляет большой интерес.

В докладах и дискуссиях обсуждались вопросы особенностей медиации в политически значимых конфликтах, а также общие вопросы медиативного метода. Так, в частности, в дискуссии по докладу Э. Ерофеевой («Восстание индейцев-сапатистов в 1994 г. в Чиапасае и соглашения Сан-Андрес: опыт медиации в конфликте с участием коренных народов»⁶) было отмечено, что обстоятельства, которые обычно рассматриваются аналитиками как *препятствующие* нормальной медиации (смена правительственных игроков, политические маневры и пр.), являются *собственными характеристиками политической ситуации*. Поэтому устройство медиации для подобных ситуаций должно быть адекватно характерным особенностям самой ситуации. Кроме того, участниками семинара был поставлен вопрос о сложных формах и технологиях разрешения политически

---

⁶ Ерофеева Э. Переговоры Сан-Андрес: восстание сапатистов в 1994 г. в Чиапасае и опыт медиации в конфликтах с участием коренных народов // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 10. – М., 2013. С. 40–51.

значимых конфликтов и о том, можно ли здесь говорить о медиации в точном смысле.

Были отмечены и черты, которые, как правило, выделяются в литературе по политической медиации: большое число участников конфликта, необходимость представительства – участники переговоров являются представителями определенных социальных или политических групп; сложность соблюдения принципа конфиденциальности, участие международных наблюдателей. Как показали доклады, для внутривнутриполитических конфликтов сложность медиационной процедуры усугубляется дисбалансом власти между сторонами (если одна из сторон обладает властными полномочиями и институтами), а также сложностью соблюдения медиаторами принципа нейтральности, поскольку медиаторы так или иначе могут быть захвачены общественными конфликтами.

В обсуждениях также были затронуты вопросы о важности включения примирительных процедур с участием публичных субъектов в нормативные документы, об использовании медиации для реагирования на протестные движения. Отмечена необходимость медиативных компетенций у публичных субъектов и муниципальных служащих и использование соответствующих навыков в практике разрешения конфликтных ситуаций в рамках собственных полномочий (безотносительно к специальным упоминаниям об этом в законе).

Обращено внимание, что конфликт власти (или промышленных корпораций) с коренными народами – это не локальное столкновение, а определенная точка в историческом процессе со множеством слоев, действующих лиц и интересов. Как история может быть «упакована» в медиацию? В подобных конфликтах сталкиваются не просто «интересы», а картины мира, способы идентичности, ценности. Но, с другой стороны, остается задача общежития, где в равной

степени важно сохранение культуры, непосредственно связанной с образом жизни, и экономическое выживание и развитие, требующее изменений и модернизации.

В дискуссиях выявился и ряд вопросов, существенных не только для обозначенной области, но и для медиативного способа в целом, а именно:

- границы нейтральности медиатора;
- учет культурных традиций и различий: как работать с различными картинками мира и ценностями;
- «дискуссионная» модель медиации, если в конфликте много участников и/или сторон

и др.

Обсуждая перспективы использования примирительного способа разрешения конфликтов, участники семинара пришли к выводу о необходимости развития медиативного метода, методологической и методической разработки его приложений к различным областям жизни, а также укрепления сообщества медиаторов. Кроме того, важное место отводится образовательной составляющей формирования культуры разрешения конфликтов, которая не должна ограничиваться только подготовкой медиаторов в рамках отдельной профессии: необходимо формирование медиативных компетенций в самых разных областях деятельности, прежде всего, управленческой, педагогической, юридической.

Если семинар 2013 г. фокусировался на современности, на проблематике политической медиации и анализе возможностей привлечения традиционных примирительных практик для урегулирования конфликтов, где в качестве одной из сторон выступают государственные структуры, то **семинар 2014 г.** снова обращает нас к обычаям и традициям – горцев Дагестана, мордвы, русского народа, а также к социальным дискурсам, в которых закрепляются доминирующие представления тех или иных групп о способах реагирования на преступления и формах урегулирования конфликтов. Такие

представления находят свое отражение в фольклоре и художественных произведениях⁷.

Помимо докладов в рамках семинара состоялась дискуссия по теме «Социальные контексты способов разрешения конфликтов». Основной вопрос касался того, как сегодня применяются примирительные формы урегулирования конфликтов, прототипами которых служат традиционные практики. В России программы восстановительного правосудия используются в реагировании на преступления и правонарушения несовершеннолетних, для разрешения конфликтов в школе и в семье. Как все это работает, как совмещается с атмосферой, доминирующими практиками и дискурсами нынешнего общества?

Современные восстановительные практики урегулирования конфликтов и ответа на преступления и правонарушения предполагают опору на традиции. Однако в процессе складывания примирительного способа важно осмыслить идеи, ментальные основы традиционных практик примирения и их отличие от современных доминирующих дискурсов. Основной философии традиционных практик (и в обществах, где они бытуют по сей день) является вопрос, *как жить дальше вместе*. И это иное, нежели *идея индивидуальной ответственности*. Поэтому попытка включения традиционных практик в современные контексты может привести к ошибке ментальных оснований: сегодня мы живем не только в иной политической и экономической ситуации, нынешние формы урегулирования конфликтов базируются на иных социальных дискурсах и общественных ценностях.

---

⁷ Магомедсалихов Х. Маслаат в социальных конфликтах у горцев Дагестана: исторический опыт и современная прикладная актуальность // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 11., 2014. С. 55–63; Кудрявцев М. Традиционные формы примирения в обычаях русского народа (из истории общинного самоуправления в России) // Там же. С. 64–74; Ефремова Н. Тема примирения в фольклоре и литературе // Там же. С. 75–78.

Это нашло свое закрепление в доминирующих институтах. Как подчеркнул Р.Р. Максудов, сегодня нам нужно ставить вопрос о новом синтезе индивидуального и общественного. Попытку такого синтеза можно найти в идее и практике восстановительного правосудия.

Понимание указанных различий означает, что «сами по себе» примирительные практики не могут быть механически «пересажены» или «внедрены» в современное общество без специальных, в том числе образовательных усилий. Среди участников семинара было много представителей образовательных учреждений, заинтересованных в создании школьных служб примирения, в использовании таких форм, как медиация, круги сообществ и других практик, которые ориентированы на некарательное разрешение конфликтов и криминальных ситуаций. Участники семинара обратили внимание на трудности принятия людьми и коллективами, к примеру педагогическими, подобных форм, поскольку карательное сознание и дисциплинарные практики являются само собой разумеющимися отнюдь не только в правоохранительной сфере.

Можно привычно говорить, что «нынешнее общество не готово», а можно подходить иначе и ценности мирного сосуществования разных групп и людей конвертировать в задачи сферы образования. Складывание культуры человеческого взаимодействия, которая задавала бы осмысленные пределы состязательным формам коммуникации, ориентир на то, чтобы жить вместе (а школа является сообществом, где, например, ученики в течение многих лет достаточно плотно взаимодействуют друг с другом), ценности заглаживания вреда, совместного обсуждения и решения сложных проблем, урегулирования конфликтов и примирения является на сегодняшний день важнейшей задачей как в *трансформации правовых парадигм, так и педагогических*. Школа должна не только давать знания о законах природы, не

только навыки работы с носителями информации, но и формировать навыки совместной жизни людей.

На сегодняшний день у членов Всероссийской ассоциации восстановительной медиации накоплен многолетний опыт в этой области, так что такой вывод оказывается не декларативным, а вполне практическим, хотя задача остается очень сложной.

* * *

Семинары подтвердили важное культурное и практическое значение темы традиционных способов урегулирования конфликтов и роли примирения. Ее актуальность повышается в связи со становлением в нашей стране практики медиации и с необходимостью конструирования новых форм разрешения конфликтов с учетом исторического опыта в этой области и бытующих до сегодняшнего дня традиционных практик. Тема требует дальнейшего изучения, и мы надеемся на продолжение этого интереснейшего погружения в историю и традиции миротворчества.

Ниже публикуются некоторые доклады прошедших семинаров.

Леонид Земцов

Примирение в крестьянской юстиции России 60-х – 90-х гг. XIX в.

В России второй половины XIX – начала XX в. параллельно существовали две правовых системы. Одна основывалась на писаном законе, другая – на крестьянском обычном устном праве. Первая находилась во второй половине XIX в. в стадии становления после издания документов 20 ноября 1864 г., отражала важнейшие принципы, выработанные наукой. Вторая охватывала значительную часть населения страны (по данным переписи 1897 г., крестьянство составляло 77,1 % населения России), существовала в бесписьменной среде, опиралась на народные обычаи. Многие в содержательной части устного народного права отражала известная русская поговорка: «Что ни город, то норы, что ни деревня – то обычай».

Очевидно, что многонациональный характер страны не позволяет ко всему крестьянскому населению применить исследуемое явление, но в великорусских губерниях крестьянство составляло свыше 90 %, и можно предположить, что распространена была обычная правовая система на несколько десятков миллионов человек. В ее рамках действовал волостной суд, разбиравший гражданские дела и судивший проступки крестьян.

Если изучению крестьянского суда уделялось в дореволюционный период пристальное внимание¹, то своеобраз-

---

¹ *Зарудный М.И.* Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874; его же. Опыт исследования местного крестьянского суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1874. № 2; его же. Незавершенный еще вопрос русской

зию содержания народного обычного права, его применению при решении дел в ходе судебного заседания – гораздо меньше². В советской же историографии обычное право начали изучать только с конца 80-х гг., хотя способам распределения земли в общине как одному из проявлений устного права всегда уделялось достаточно внимания³. Значительное количество газетных и журнальных статей, отдельных изданий подводили итоги внимательному изучению народного суда и обычного права, но полярно противоположные оценки сохраняются вплоть до настоящего времени.

В современных условиях принципы достижения справедливости в народной среде, уровень правовой культуры и процессы ее развития вызывают дополнительный интерес. Это связано с тем, что и в нашей стране претворяются в жизнь новые подходы к осуществлению правового регу-

---

общественной жизни (крестьянский суд) // Там же. № 3; *Ефименко А.А.* Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. Сб. ст. М., 1884; Чепурный К. Ф. К вопросу о юридических обычаях:

устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии // Киевские университетские известия. 1874. Сентябрь, октябрь, ноябрь; *Мордовцев Д.* Как народ сам себя судит // Дело. 1874. № 1; Скоробогатый П. Очерки крестьянского суда. М., 1882; *Бразоль Г.Е.* Об упразднении волостных и сельских судов. Харьков, 1886; *Левонтьев А.* В поисках за обычным правом // Русское богатство. 1894. № 11; его же: Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1909; и мн. др.

² *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. I. Собственность, обязательство и средства судебного охранения. СПб., 1877; Т. II. Семейные права, наследство и опека. СПб., 1879; *Соловьев Е. Т.* Гражданское право: очерки народного юридического быта. Вып. 1–2. Казань, 1888–1893; *Качоровский К.* Народное право. М., 1906 и др.

³ *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М., 1992; *Траит А. М.* Опыт и некоторые результаты статистической обработки документации волостных судов (на примере эстонских) // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. *Тарабанова Т. А.* Состав волостных судов // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. 1993. № 2; ее же: Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993; *Миранов Б. Н.* Социальная история России. Т. 1–2. СПб., 1999; *Шатковская Т.В.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. № 11–12; ее же. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону, 2000; *Вронский О. Г.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999; и др.

лирования жизни граждан. На первый план выдвигается человек, подходы с точки зрения антропологии права, восстановительного правосудия с приоритетом примирения, медиация⁴. Они требуют обоснования не только исходя из общечеловеческих принципов содержания и отправления правосудия, развивающихся в иной социокультурной среде, на Западе, но и как элементов, присущих историческим традициям русского народного обычного права. Необходимо посмотреть, не являются ли привлекаемые ныне методики попыткой приложить западноевропейское лекало к углам российской истории.

Для рассмотрения данного вопроса мы имеем возможность привлечь достаточно полный комплекс источников. Интерпретационный анализ нами применяется к конкретным решениям волостных судов – их сохранилось достаточно, в том числе и опубликованных⁵. Большое значение имеет привлечение и неопубликованных материалов в виде «Книг для записи решений волостных и третейских судов», хранящихся в провинциальных архивах.

Нами привлечены представленные в т. 1 «Трудов...» сведения о 82 волостных судах всех уездов Тамбовской губернии и Солнцевского суда из Раненбургского уезда Рязанской губернии. Кроме того, в нашем распоряжении оказались книги записи решений волостных судов Данковского и Раненбургского уездов Рязанской губернии, сохранившиеся в Государственном архиве Липецкой области⁶. Эти материалы позволяют рассмотреть ряд вопросов, касающихся мента-

---

⁴ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 2002; Медиация – искусство разрешать конфликты. М., 2004; Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002; Максудов Р., Коновалов А. Школьные службы примирения. М., 2009; и др.

⁵ См., например: Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1–6. СПб., 1873. Далее: «Труды ...»

⁶ Государственный архив Липецкой области (ГАЛЮ). Ф. 206, 245.

литета российского крестьянства, его правовой культуры, организации и деятельности суда.

В дальнейшем мы остановимся только на выяснении распространенности «миролюбивых соглашений» крестьян, предусмотренных законом усилий суда по примирению сторон⁷, и выясним, по каким делам (только ли по спорам) делались попытки примирения, долю дел, закончившихся примирением сторон. Это позволит определить, насколько характерно для крестьянства было стремление мирного решения спорных проблем между односельчанами, общую настроенность крестьян на мирный или насильственный способ решения возникавших жизненных проблем, в том числе и вне своего общества и сословия. Эти данные послужат основанием для выводов о возможности реализации в современной России восстановительного правосудия с его акцентом на примирение, которое отвечает национальным традициям русского народа.

Функционирование народного суда как явления, санкционированного государством, происходило в новой истории России с середины XIX в., хотя привлечение отдельных социальных групп к отправлению правосудия – явление в прошлой истории давнее, а с середины XVIII в. – постоянное. В законодательных актах второй половины XVIII в., ориентированных на отдельные группы мастеровых, экономических, удельных и государственных крестьян, главной целью выборных, которым предлагалось осуществлять судебные функции, называлось примирение сторон.

В XIX веке передача суда выборным была связана с известной реформой управления государственными крестьянами П.Д. Киселева. В ее рамках в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. были созданы Устав о благоустройстве в казенных

---

⁷ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Ст. 107 // Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954.

селениях и Сельский судебный устав. В волостях государственных крестьян создавались крестьянские суды – сельская и волостная расправы. Созданные выборные судебные органы (возглавляли которые представители сельской и волостной власти) разбирали как споры и тяжбы, так и мелкие проступки в своей среде. В законодательных актах утверждались традиционные принципы деятельности крестьянского самосуда, необходимость обращения к обычному праву. Одной из важных особенностей в подходах к решению дел народным судом являлся закрепленный государством приоритет примирительного завершения судебных случаев.

Для всего крестьянского сословия волостные суды были созданы реформой 1861 г. – в соответствии с «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Законодатель считал необходимым сохранить в реформируемой России на некоторый, по его мнению, не очень значительный, период времени элементы сословности, одним из которых и являлся отдельный крестьянский суд, ориентированный на традиционное мировосприятие крестьянства. В интересах защиты крестьян от помещичьего произвола и обеспечения самостоятельности в решении их внутренних проблем все крестьянское самоуправление (и суд в том числе) создавалось только из местных крестьян. Состав суда (от 4 до 12 человек) избирался на волостном сходе, на каждом судебном заседании должны были присутствовать не менее трех его членов. Таким образом, судейский корпус рекрутировался из обычных крестьян, которые при рассмотрении дел оперировали мирскими представлениями о справедливости и совсем не знали писаного законодательства.

Суд имел право рассматривать споры и тяжбы с величиной иска не более 100 рублей, а также судить мелкие проступки крестьян. Ведению его подлежали только дела местных крестьян, но, по желанию тяжущихся, допуска-

лось участие лиц иных сословий, если дело касалось крестьян волости. За проступки суд имел право приговорить виновного к общественным работам (до 6 дней), штрафу (до 3 рублей), аресту (до 7 дней) или телесным наказаниям (до 20 ударов).

Примечание 2 к ст. 93 «Общего положения ...» признавало факт наличия судов, ранее созданных по местным обычаям, и подтверждало их законность с тем только, чтобы избирала судей «вся волость». Многие современники, публицисты и исследователи, как сторонники, так и, в большей степени, противники официального крестьянского волостного суда указывали на то, что последний не является единственной формой народной юстиции. Действительно, существовало большое число различных по форме местных судилищ: семейных, соседских, стариков, третейских, старосты, сельского схода, добросовестных, выборных и т. п., что не было тайной и для столичных чиновников, любой помещик знал о правовом быте своих крестьян, да и в печати 60-х гг. об этом много писалось. Многочисленные факты о существовании сельского суда представлены в работах известного юриста и исследователя народной юстиции М. И. Зарудного⁸.

Итак, было ясно, что в деревне рядом с волостным судом существует крестьянский обычный суд. Наличие сельских судов по всей территории России, хотя и различных по форме, вполне объяснимо: исторически – как связь с традициями обыденной крестьянской жизни на протяжении столетий, социально-психологически – как выражение недоверия казенному суду, а в юридической сфере – как отражение стремления решить несложные противоречия крестьянской жизни быстро, дешево и общественно значимо.

Властные структуры также принимали во внимание факт существования сельского самосуда. При подготовке Уставов

---

⁸ Зарудный М. И. Указ соч.

1864 г. обсуждался вопрос о соотношении создаваемой мировой юстиции с уже действовавшими законными волостными и неформальными сельскими судами. Рассматривалось мнение Государственного совета от 28 апреля 1862 г., в котором утверждалось, что мировой судья «не может вполне заменить тех мелких судов, которые останутся, как и теперь, не в виде самостоятельного суда, а в виде предварительной местной расправы...». И далее приводились сведения о суде стариков по ряду губерний (Пензенской, Саратовской, Нижегородской и др.). 25 мировых посредников Калужской губернии считали, что «знаком заслуженного уважения к вековому народному обычаю было бы оставление в своей силе юрисдикции крестьянских судов...; и теперь, несмотря на учреждение волостного суда, крестьянские обычные суды продолжают действовать по местам вне покровительства закона. Несомненно, что и волостные, и крестьянские суды требуют лучшей организации, основанной на разумных обычаях и явлениях народной жизни»⁹.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого нами периода в различных слоях русского общества и в правительственных структурах существовало представление о сознательной воле законодателя, ориентированной на сохранение сельских судилищ. Совершенно очевидно понимание и государственными мужами, и местными деятелями не только факта наличия сельской неформальной юстиции, но и признание ее значения. Следовательно, функционирование сельских судов принималось как терпимое или даже необходимое, поскольку считалось, что они выполняют определенную задачу в среде крестьянского населения, хотя и требующую улучшения. Их существование отвечало

---

⁹ Цит. по: РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Справка III. Соображения составителей судебных постановлений 20 ноября 1864 г. по вопросу об отношениях волостных судов к общим судебным учреждениям. Л. 247 об. – 249.

представлениям власти о необходимом составе обычно правовой системы в деревне. Крестьянский мир после отмены крепостного права, передачи государственных крестьян в ведение общих учреждений стал саморегулирующейся единицей при минимуме внешней власти, поэтому снятие внутренних противоречий путем активизации общественного мнения стало необходимым.

Статус некоторых сельских судов в соответствии с «Положениями ...» 19 февраля приобретал существенный налет официальности и действительно отвечал духу законов 1861 г. Сельский староста имел право разбора различных обстоятельств деревенской жизни при отправлении своей должности не только в силу традиции, но и в соответствии со ст. 64 Общего положения. Но чаще всего исполнение им судебно-полицейских функций не было единоличным, а сопровождалось организацией и поддержкой общественного мнения в лице соседей, добросовестных или схода и т. д., и представляло, таким образом, коллективную форму суда.

Очевидно, что официальными, с точки зрения крестьян, являлись судебные действия не только старосты, но и схода. Ведь их разбирательство и решение споров односельчан в присутствии избранных миром добросовестных и других должностных лиц вполне соответствовали ст. 99 и 100 «Общего положения...». Эти статьи предусматривали возможность вместо волостного суда по всем делам (кроме проступков) обращаться к третьейскому суду, «не стесняясь никакими формами»¹⁰.

Последнее «нестесняющее» утверждение закона вполне можно применить ко всем тем крестьянским судилищам, которые бытовали в селах и деревнях России, поскольку они могут быть отнесены к своеобразной форме третьейского суда по совести.

---

¹⁰ Общее Положение ... // Указ. соч. Ст. 99, 100.

При ответе на вопросы о возможных судебных действиях в селе крестьяне практически в каждой из волостей говорили о коллективных судебных действиях в сельском обществе: прямо в волостной суд «никогда не обращаемся, так как в каждом селении есть свой суд сельского старосты со стариками»¹¹.

В 60-х – 80-х гг. XIX в. практически в каждой из волостей крестьяне сохраняли коллективные судебные действия в сельском обществе. В их совместных решениях сказывалась склонность русского крестьянина к мирскому, коллективному решению дел: «Что мир порядил, то Бог рассудил». По мнению самих крестьян, свой суд в селении (прямо не разрешенный законом!) – дело хорошее. В результате «до волостного суда доходит самое незначительное число дел»¹². Обратим внимание на это крестьянское замечание для того, чтобы понять, почему в волостном суде рассматривалось не очень большое количество дел.

Сложилась ситуация, при которой волостной суд выступал по отношению к сельской юстиции как вторая инстанция, имевшая право пересмотреть дело по существу. Более точно можно сказать, что волостной суд не имел права пересматривать решения той части структуры, которая не была формально признана законодательством. Но так как крестьяне не были знакомы с писаным правом, очевидно, что за короткий промежуток времени сложился правовой обычай, основа которого была заложена властью через создание волостного суда. У крестьян постепенно формировалось представление, что при решении споров, тяжб и проступков помимо сельского общества можно обращаться в суд, который, оказывается, стоит выше мира и имеет возможность по-другому решить спорный вопрос.

¹¹ «Труды ...» Т. 1. С. 252.

¹² Там же. С. 517.

Обыденность ситуации очевидна в протоколе заседания суда Воейковской волости. Судьи (при полном согласии всех участников процесса и без всяких оговорок) разбирали жалобу крестьянина Ивана Борисова волостному правлению «на судей того же сельца», которые несправедливо его оштрафовали. Волостной суд рассматривает дело и решает: так как Иван Борисов «несправедливо принес жалобу», то его еще дополнительно подвергнуть штрафу на 2 руб¹³. «Судьи того же сельца», как можно предположить, – это или специально выбранные, или соседи, или волостные судьи, избранные от данного общества. Подобного свойства дела и обращения в суд присутствуют в каждой волости.

Многочисленные свидетельства, встречающиеся в «Трудах ...», позволяют утверждать, что основной формой решения спорных дел на уровне сельского общества было заключение мировой, т. е. снятие претензий, часто взаимных, и подтверждение того, что ни одна из сторон не будет обращаться в суд. По словам крестьян, староста и старики «не судят, а мирят» (3 заявления), «мирят» (29 случаев), «мирят сельские сходы» (12 случаев) – «всякое дело сначала староста со стариками старается помирить...»¹⁴. Таким образом, в 45 волостях в 83 случаях заявлено о примирительных действиях уже в сельских обществах. Отсутствие опровержений другими крестьянами такой практики позволяет предположить ее всеобщую распространенность. Тем более, что в других волостях «разбирали» или «решали дела» на уровне сельского общества, что, очевидно, означало не только наличие суда, но и осуществление примирительных действий местными стариками или должностными лицами. Для того чтобы закрепить примирение сторон, крестьяне употребляли письменные свидетельства. Интересно то об-

---

¹³ Земцов Л. И. Волостной суд в России. 15.11.1864. № 21. С. 72.

¹⁴ «Труды...» Т. 1. С. 57.

стоятельство, что нет одинаковой формы как для записи мировых решений, так и для их наименования – это и «миролюбивая запись», и «мировая запись», и «мировая сделка». Разница в наименованиях не отражает отличий в содержании¹⁵; скорее, своеобразие связано с употреблением названий тем или иным писарем, так как во многих случаях тот или иной почерк определяет и специфику названий мировых записей.

Именно на сельском уровне крестьянская юстиция ранее всего исчерпала свой потенциал – уже к концу 80-х гг. Ее действия часто бывали пристрастны и, по мнению некоторых современников, осуществлялись «пьяной толпой», были подвержены влиянию богатеев, старост, горланов, пустограев, крикунов, мироедов, влиятельных стариков, кабатчиков, водки и, во многих случаях, далеки от выражения народной справедливости. Заметим некоторую долю истины в таких утверждениях.

Ограничиваться только утверждениями о том, что «внутриобщинные отношения строились на основах крестьянской этики, крестьянского понимания правды и справедливости», значит приукрашивать человеческую природу и игнорировать выдающееся значение крестьянского мира: умение при всех противоречиях обыденной жизни строить взаимоотношения на основе общего согласия.

В активную мирскую жизнь в конце 80-х гг. вступили домохозяева, чье мироощущение сформировалось вне крепостного бесправия, они в большей степени понимали значение «закона», его носителей и ориентировались на это. У них складывалось несколько иное представление о справедливости, перестал устраивать главный способ решения

---

¹⁵ Встречаются и исключительные явления. Примером может служить оформленная как миролюбивый акт (от 13 июля 1871 г.) «разводная записка». Другого пути избавиться от семейной тираннии женщина просто не нашла. См.: *Назарьев В.* Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи // Вестник Европы. 1872. № 2. С. 619.

дел – примирительный исход и способы решения дел стариками, мирской сходкой и ее представителями, постоянные магарычи как форма юридического закрепления принятого решения и «оплаты за труд».

Но примирение сторон было необходимым элементом обсуждения дел и в волостном суде. Это соответствовало воле законодателя в соответствии со ст. 107 «Общего положения»: «Судьи, по выслушании тяжущихся сторон, стараются склонить их к примирению».

В каждом волостном суде, по словам крестьян-судей, они старались помирить истца и ответчика: «... в этом больше и суд-то происходит»¹⁶. Из 83 судов, материалы которых приведены в т. 1 «Трудов ...», только в двух не ясен ответ крестьян на вопрос: мирят ли в суде? В остальных – однозначно: мирят. Предложения судей тяжущимся «кончить дело миром» звучат почти в каждой записи решений суда. Мало того, в некоторых уездных мировых съездах основанием для ликвидации решения волостного суда являлось «непредложение примирения»¹⁷.

Сложность в подсчете количества заключенных мировых соглашений заключается в том, что во многих волостных судах законченные миром дела не вносились в книги записей решений. По нашим подсчетам, из 83 волостных судов ответ на вопрос о записи мировых в книгу дан в 52 случаях; он положителен в 17 волостях, отрицателен – в 26, а в 9 вносились в книгу только «самые важные» полюбовные сделки или в которых «присутствует какое-либо условие».

В «Книге записи решений волостных и третейских судов» Солнцевской волости Раненбургского уезда Рязанской губернии приведены несколько «миролюбивых записок», следовательно, заключение мировой было делом волост-

---

¹⁶ «Труды...» Т. 1. С. 211.

¹⁷ См.: *Земцов Л. И.* Крестьянский самосуд. Воронеж, 2007. С. 59.

ного суда. Миротворительные решения касались не только проступков, но и споров вокруг наиболее важных для крестьян проблем хозяйственной жизни.

Тексты мировых сделок показывают, что полюбовное решение дела предусматривало вовсе не христианское прощение, а, в первую очередь, возмещение убытка со стороны того, кто очевидно для всех являлся виновным. Подобного свойства подход к мировому разрешению дел вполне соответствует нормам современного восстановительного правосудия, когда примирение жертвы и преступника дополняется теми или иными формами компенсации принесенного вреда¹⁸.

Кроме различных способов возмещения ущерба, намеченных в ходе решения дела в суде, виновный, а иногда и обе стороны вместе, благодарили стариков, волостных судей, старшину, старосту традиционным способом: «Если удастся помирить, то стороны ставят магарычи и распивают их с выборными и со старостой ...»¹⁹, «где мир, там и вино, магарычи пьют все»²⁰.

Достаточно широко было распространено представление, что если дело внесено в книгу, то уже мириться нельзя²¹. Однако часто встречаются записи уже решенных дел, а затем на полях – приписка: «Решение прекращено миром» или: «Дело это кончено миром». Нет однозначного решения и о возможности примирения в случае проступка, особенно кражи. Одни считают, что «если мирятся и по краже – то и Бог с ним, что его судить», «прощеное дело чего судить», мирим «по любому делу», таких (из имеющихся 65 ответов) – 35, другие – «в кражах никогда не мирят» – 28, в двух волостях «не было случая», т. е. краж²². Как отметил еще в

¹⁸ Зер Х. Указ. соч. С. 230–233.

¹⁹ «Труды ...» Т. 1. С. 612, 623.

²⁰ Там же. С. 694.

²¹ Там же. С. 21.

²² Там же. С. 58, 117, 211, 354 и др.

прошлом веке один из публицистов, для «нашего крестьянина-судьи ... формальное право не имеет смысла», он «считает себя вправе как наказать преступника, так и простить его ...», в таком подходе проявляются «наши настоящие национальные особенности»²³. Примирительный исход приветствовался при любом содержании дела, при любых спорах, тяжбах и проступках. Такой вывод позволяет сделать просмотр большого количества решений волостного суда.

Приведем подсчет дел, законченных миром и внесенных в «миролюбивые записи», в Солнцевской волости Раненбургского уезда Рязанской губернии. Просмотрев книги нескольких волостей, мы пришли к выводу, что именно в Солнцевской волости писарь в первой половине 70-х гг. наиболее последовательно записывал дела этого рода в книгу. В 1871–1875 гг. волостной суд рассмотрел 163 дела. Из них 20 (12,3 %) закончились миром или мировые по их содержанию записаны в книгу решений суда и утверждены волостными судьями. Среди этих 20 дел 11 спорных (из-за имущества, земли, денег, дважды – споры наемных работников и нанимателей) и 9 – проступки (драки и оскорбления)²⁴. Из последних только в одном случае истец, примирившийся с ответчиком, не требовал денежного возмещения. Из 20 случаев 13 представляют собой просто запись мировой сделки, а в 7 случаях рядом с записью протокола судебного заседания с вынесенным уже решением на полях сделана приписка: «Дело это кончено миром», т. е. судьи этой волости не считали предосудительным на первый план выставлять мировое соглашение, несмотря на уже принятое и записанное в книгу решение. Приоритеты крестьянских представлений вполне понятны: главное не судебное решение, а мир и согласие между односельчанами.

---

²³ Б-в И. Юридические воззрения народа // Исторический вестник. 1887. № 7. С. 167, 168.

²⁴ Подсчитано нами по: ГАЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 98.

Подсчитаны и 545 решений по Воейковской волости. Из них мировые заключены в 22 делах (4,1 %). Казалось бы, меньше, чем в соседней Солнцевской волости. Но в 38 случаях (7 %) писарем записано: дело кончено «по согласию», или «по добровольному согласию». В большинстве случаев это означает, что дело завершено без вмешательства исполнительной власти. В таком подходе очевидно и примирение, ведь без него крестьяне без принуждения не соглашались на исполнение решения суда. При этом завершение дела «по согласию» происходило не на основе судебного приговора, а в несколько иной форме, скорее всего, смягченной для виновного. На наш взгляд, это несколько иное выражение факта примирения, и тогда им закончилось 11,1 % всех дел, что близко к их доле в Солнцевской волости²⁵.

В Красносельском волостном правлении Ярославской губернии велась книга записи жалоб, предназначенных для разрешения в волостном суде. Здесь доля примирившихся в 1883 г. составила 28 % (из 179 жалоб в 50 случаях указан итог – примирились), а в 1886 г. в Займищенской волости Пошехонского уезда той же губернии из 126 жалоб завершились миром 31 (24,6 %). Больше число мировых связано со спецификой источника – ведь некоторое число жалоб заканчивалось примирением еще до разбора в волостном суде, в момент записи дела в книгу волостного правления²⁶.

Складывается впечатление, что при учете действия обеих ступеней обычно-правовой системы минимальная доля дел, заканчивавшаяся примирением, составляла одну треть всех разбираемых конфликтов, а в отдельных территориях она была существенно больше.

Таким образом, в органах крестьянского самоуправления, в первую очередь, в деятельности судей волостного

²⁵ Подсчитано нами по: *Земцов Л. И.* Указ. соч. С. 64–386.

²⁶ Подсчитано нами по: Государственный архив Ярославской области. Филиал в г. Рыбинске. Ф. 393. Оп. 2. Д. 78.

суда проявлялись некоторые черты менталитета русского крестьянства. Подкрепленное силой общественного мнения представление о важности полюбовного разрешения спорных дел и проступков было достаточно широко распространено среди крестьян и объединяло обе ступени обычно-правовой системы. Примирительное разрешение значительной доли дел являлось выражением принципиальных национальных подходов великорусского крестьянства. Достижение согласия на основе примирения являлось тогда и, скорее всего, может являться и сегодня наилучшим исходом из несложных гражданских дел и при рассмотрении проступков.

Такое решение никак не ущемляло производственные возможности крестьянства, напротив, содействовало снятию противоречий и созданию благоприятного общественного климата для мирского сосуществования и продолжения хозяйственной деятельности.

Подобного свойства подходы к решению дел в рамках обычного права сохранились и в следующем законодательном акте, пересмотревшем многие стороны деятельности волостного суда, – «Временных правилах о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках» (12 июля 1889 г.).

В этих «Правилах» сохранился ряд утверждений, характерных для традиционного судопроизводства: о решении дел по совести и о разборе тяжб и споров между крестьянами, особенно дел о разделе крестьянского наследства на основе местных обычаев (ст. 25). Точно так же, как и в Положении от 19 февраля, предусматривался приоритет примирения (ст. 26) по спорам и тяжбам, но отмечалась возможность мировых и по некоторым проступкам: ст. 35 «Правил...» требовала при разрешении последних руководствоваться статьями Устава о наказаниях, «налагаемых мировыми судьями». Статья 20 Устава определяла, что некоторые проступки «не

влекут за собой наказания в случаях примирения обиженного или потерпевшего убыток с виновным в проступке лицом». Статья 22 Устава, названная среди тех статей, которыми необходимо руководствоваться волостным судьям при вынесении решений, также утверждала, что наказание, определенное приговором, отменяется вследствие примирения обиженных, что закрепляло достаточно распространенное в крестьянстве примирение после вынесения судебного решения²⁷.

Использование примирения как наилучшего исхода при возникновении проблем во взаимоотношениях с соседями связано с общим принципом мирской жизни крестьянина – решением проблем через достижение общего согласия. На сельском сходе после длительного обсуждения согласие обычно достигалось. Крестьянину было присуще убеждение в правомерности только общего, мирского, коллективного решения дела. Этого можно было достигнуть только путем взаимных уступок, компромисса.

Один из наблюдателей крестьянской жизни так пишет о причинах единогласного решения сходов: «Я много раз присутствовал на сельских сходах и каждый раз был очевидцем единогласного решения схода. Это единогласие достигалось тем, что меньшинство, если не убедится доводами, добровольно уступает большинству, чтобы быть заодно со всеми. Случалось иногда, – продолжает автор, – что при всех стараниях схода уломать меньшинство, единогласие на сходе не достигалось, в таком случае мир откладывал дело до другого раза, пока все члены общины не придут к единогласному решению»²⁸. Такая направленность в действиях схода была

---

²⁷ Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках // Сборник узаконений о крестьянских и судебных учреждениях, преобразованных по закону 12 июля 1889 г. СПб., 1890. С. 125–169.

²⁸ Красовский В. Э. Ундровская община (Симбирской губернии) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины в России. СПб., 1880. С. 371.

отражением общих принципов взаимоотношений крестьян.

Многочисленные рассказы современников о сельских сходах обычно сведены к описанию процесса достижения общего согласия. Действительно, достаточно большая доля дел в крестьянских волостных судах о «взятии за грудки», вырванных бородах, порванных рубахах, побоях, оскорблениях во время сходов связана с достижением согласия на сходе. Это, однако, не мешало прийти к тому решению, которое устраивало всех. Точнее будет сказать – не устраивало никого; каждый уходил со сходки с убеждением о не самом лучшем, но мирском решении. Именно поэтому народные поговорки обозначали убеждение не только, «Что мир порешил, то Бог рассудил», но и что «Мужик умен, да мир дурак» и т. п. Но в ходе обсуждения достигалось самое главное – компромиссное решение вопроса. Это и было высшим проявлением справедливости.

Необходимость выработки согласованного решения и понимание только такого исхода дела были столь велики, что деревенский староста требует «высшей меры» – наказания розгами крестьянину, который своим поведением на сходе «сквернословит» и тем самым расстраивает «единогласие крестьян»²⁹.

Мир, сельский сход воспитывал своих членов во вполне определенной системе ценностей, формировал правовую культуру на основе народных ценностей. Один из исследователей высказал в конце XIX в. верную мысль: «У нас часто слышатся обвинения народа в грубости, невежестве и редко отыскиваются, даже при добром желании, верные средства для уничтожения их наиболее ярких проявлений. Говорят, например, о жестокости, проявляемой крестьянами при самосудах; о пьянстве (магарычах) при каждом договоре, после каждого решения дела в волостном суде; о не-

---

29 ГАЛО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 28. 28. 06. 1870. № 166.

вежественном непонимании народом преступности многих деяний вроде, например, рубки чужого леса, потравы и т. д.; о неясности, с нашей точки зрения, многих постановлений крестьянских судов, даже в том случае, когда суды эти действовали вполне беспристрастно, без подкупа и т. д. Но все это получит иное освещение, когда ему найдется разумное объяснение из данных, слагавшихся иногда веками»³⁰. «Разумное объяснение» находится в народном обычном праве с его приоритетом мирских ценностей, трудового начала, примирением и т. п.

Таким образом, волостной суд решал дела на основе народной «правды», правды-справедливости. Подкрепленное силой общественного мнения представление о важности полюбовного решения спорных дел и проступков было достаточно широко распространено среди крестьян, оно было проявлением ментальных характеристик русского человека, устремленных к мирному разрешению конфликтов.

Складывается убеждение, что данный тип разрешения проблем присущ человеку вообще, и проявлялся, прежде всего, в рамках небольших коллективов. «Общинное правосудие, – пишет Х. Зер, – ставило на первое место поддержание добрых отношений, примирение. Тем самым, форма общинного правосудия гораздо точнее отражала подлинное положение вещей ...»³¹. Недаром Священное писание подчеркивает приоритет того права, которое существует в человеке: «Потому что не слушатели закона праведны перед Богом, но исполнители закона оправданы будут, Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон. Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах: о чем свидетельствует совесть их...» (Рим. II. 13–15).

³⁰ Фидиттов А. Народное обычное право как историче-ский материал // Русская мысль. 1886. № 9. С. 70–71.

³¹ Зер Х. Указ. соч. С. 127.

Ряд действий власти в начале XX в., грандиозные социальные перевороты существенно изменили направление формирования правовой культуры. Только сейчас начинают восстанавливаться некоторые из тех принципов, которые когда-то лежали в основе обычного права. Время покажет, будут ли восприняты забытые нами подходы, отражающие давние принципы народной правовой культуры, или проповедь насилия как главной преобразующей силы, господствовавшей десятки лет, изменит содержание ценностных приоритетов народа.

Институт примирения в истории российской юстиции (дореволюционный период)

В современных условиях поиска путей совершенствования отечественного правосудия немаловажное значение имеет опыт становления и развития его организации. Этой теме посвящена обширная историография. Одной из проблем в создании надлежащей модели правосудия является гармонизация соотношения частного и публичного права в процессе разрешения конфликтов. В этой связи весьма интересным является институт примирения, к которому на протяжении всей истории человечества, вероятно, еще до возникновения государственного суда, обращались люди. Учитывая многогранность этой проблемы, выберем один из ее аспектов – исторические этапы и формы примирения с потерпевшим в российском дореволюционном уголовном процессе в контексте признания его носителями государственной власти.

Как известно, в уголовном процессе преобладает публичное начало, что обуславливает включение его в сферу публичного права. Это, однако, не исключает наличия в нем и частного начала, которое в различные эпохи, характеризующиеся особенными социально-экономическими и идеолого-политическими условиями в целом, а также пропорциональностью соотношения защищаемых правом частного, общественного и государственного интересов в частности, получает большее или меньшее значение. История уголовного процесса в отечественной и зарубежной юстиции начиналась с господства в нем частного начала и нераздельностью видов процесса, иначе говоря, совпадением

уголовного с гражданским. Главной целью юридической ответственности, в том числе наказания, было возмещение вреда – морального, физического или материального.

Институт примирения встречается уже в памятниках древнерусского права. Так, уже по Русской Правде (XI–XII вв.) виновный за причинение смерти другому лицу (без отягчающих обстоятельств) привлекался к уплате штрафа (виры) и к головничеству – возмещению ущерба родственникам убитого. Тем самым преступник избавлял себя от кровной мести со стороны последних. По-видимому, члены семьи убитого, принимая плату и отказываясь от мести, фактически прощали убийцу и примирялись с ним.

Исследователи полагают, что и другие случаи примирения с потерпевшим при наличии воли последнего известны во времена Русской Правды, однако его формы законом не регламентировались. Псковская Судная грамота (по мнению И.Д. Мартысевича, между 1462–1471 г.¹) уже прямо говорит о прощении или примирении. Например, Псковская Судная грамота в ст. 80 предусматривала возможность примирения сторон – «решения дела миром» в случае драки. Об этом говорилось так: «промеж себе прощение возьмут», – вследствие чего преступник освобождался от наказания.

Возможность решать дело миром предусматривалась ст. 37 Псковской Судной грамоты и на завершающей стадии процесса: если в ходе судебного поединка – «поля» бойцы «толко прощение возьмут, ино приставом по 3 деньги, а князю продажи нет, оже истец чего не возможет»². Таким образом, в случае мировой сделки пошлины уплачивались в половинном размере, тогда как полный – это 6 денег в пользу пристава. Штраф в пользу князя в этом случае не упла-

---

¹ См: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984–1994. Т. I. М., 1984. С. 329 (далее – Российское законодательство...).

² Российское законодательство. С. 339, 335.

чивался, т. е. ответственность не наступала, наказание не устанавливалось.

Следует заметить, что судебный процесс по желанию тяжущихся мог быть прекращен на любой стадии: пред «полем», в ходе «поля». Вместе с тем Псковская Судная грамота выделяет перечень преступлений, по которым освобождение от ответственности, в том числе и на основании примирения, не допускалось. В статье 7 было установлено: «А крим(с)кому татю и коновому и переветнику и зажигающему тем живота не дати³». Следовательно, за наиболее тяжкие преступления: кражу из Кремля, конокрадство, измену и поджог – безальтернативно назначалась смертная казнь.

Аналогичная изложенной в ст. 80 Псковской Судной грамоте норма содержалась в Двинской уставной грамоте (1397–1398 гг.), причем примирение сторон происходило до обращения в суд.

В статье 3 предусматривалось: «А учинится бои в пиру, а возмут прощение, не выида ис пиру, и наместником и дворяном не взяти ничего; а вышед ис пиру возмут прощение, ине наместникам дадут по кунице шерстью»⁴. Во втором случае указанного деяния (при обращении к судье) речь идет о начальной стадии процесса, следовательно, об освобождении от наказания ввиду примирения можно говорить только до вынесения судебного решения, однако пошлина судье полагалась. Размер штрафа, предусмотренный этой статьей, составлял половину стоимости иска. По мнению Е. А. Симоновой, это «свидетельствует о материальной природе рассматриваемых норм» и об отсутствии уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных субъектов⁵.

---

³ Там же. Т. I. С. 332.

⁴ Там же. Т. 2. М., 1985. С. 181.

⁵ См.: Симонова Е. А. Примирение с потерпевшими в российском законодательстве и теории. // Под. ред. Б. Т. Разгильдяева. Саратов, 2004. С. 49.

Так же и Судебник 1550 г. допускал примирение сторон до начала «поля» – судебного поединка. Эта процедура уже облагалась особой пошлиной: «А досудятся до поля, да не став у поля, да помирятся, и боярину, и дворецкому, и казначею, и дяку, и подьячему, и неделщику пошлин полевых не имати» (ст. 9)⁶. А в ст. 10, предусматривавшей примирение после начала поединка, – «А у поля став помирятся», порядок взимания пошлин не был регламентирован⁷, однако на практике пошлина взималась с обеих сторон: «Стояв у поля истец с ответчиком да помирятся, и им (недельщикам) с обеих пошлин имати 10 денег»⁸.

И предыдущий Судебник 1497 г. предусматривал примирение сторон как до обращения в суд, так и после начала судебного разбирательства, однако примирение считалось действительным только после утверждения его судьей и было также возмездным. Так, в ст. 53 Судебника 1497 г. было установлено: «А кто кого поимает приставом в бою, или в лае, или в займех и на суд ити не восхотят, и они доложат судии, помирятся, а судьи продажи на них нет, опроче езду и хоженного»⁹. Таким образом, наказание не назначалось, а уплата пошлин, связанных с началом дела, предусматривалась. Так, например, размер вознаграждения неделщика за проезд от Москвы до других населенных пунктов устанавливался в ст. 30 Судебника 1497 г. и составлял в зависимости от расстояния от 8 рублей (до Двины и Колмогор) до 10 алтын (до Дмитрова).

Вместе с тем в указанных памятниках права устанавливался круг дел, примирение по которым не допускалось, причем исторически перечень их расширялся. Например, в ст. 8 Судебника 1497 г. было установлено: «А доведут на

⁶ Российское законодательство. Т. 2. С.98.

⁷ Там же.

⁸ ААЭ Т. 1. № 225. С. 278 // Цит. по: Российское законодательство. Т. 2. С. 133.

⁹ Российское законодательство. С. 61.

кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное лихое какое дело, и будет ведомо лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити из его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе»¹⁰. Очевидно, что в случае деяний, предусматривавших безальтернативное наказание – смертную казнь, исключалось примирение. При этом перечень деяний, исключавших освобождение от высшей меры наказания, не был исчерпывающим, поскольку под «лихим делом» понималось любое деяние, посягнувшее на государством установленный порядок, а «ведомо лихой человек» – это рецидивист, т. е. уже совершивший ранее «лихое дело».

В следующем царском Судебнике 1550 г. перечень таких деяний и оснований увеличился: «розбой, или душегубство, или ябедничество», или «подписка» (подделка документов), или «иное какое лихое дело», или «ведомой лихой человек», подсудные суду боярина (ст. 59), или «татьба» и «иное какое лихое дело, опричь розбоа», подсудное наместнику или волостелю (ст. 60). Виновному назначалось наказание – смертная казнь, а возмещение приказных убытков и расходов (в случае суда боярина) было возможным лишь при наличии истцова «статка», но в пользу судей и должностных лиц суда (боярин, дьяк, недельщик) «не имати ничего» из имущества казенного. Это положение, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, свидетельствовало о том, «что центральные суды гораздо ранее, чем провинциальные, потеряли все свойства кормлений»¹¹. Так, судьям – наместникам и волостелям и их тиунам – все еще полагалось вознаграждение в том случае, если после удовлетворения истца что-либо остается у «лихово статка» (ст. 60). При этом, как отмечал Б. А. Романов, закон запрещал судьям искать своих доходов

---

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Памятники русского права. Выпуск четвертый. М., 1956. С. 301.

¹² См.: Судебники XV–XVI вв. М.-Л., 1952. С. 250–251.

на истце при отсутствии у казенного ответчика имущества¹². А по мнению В. Н. Татищева, хотя разрешение судьям возмещать расходы за счет «статка» осужденного поощряло их должностное рвение, но в то же время на практике наносило «великий вред», поскольку «сребролюбивый судия, забыв закон божий, для своей корысти невинного осудит»¹³.

И хотя к XVII в. все еще сохранялись частные начала процесса, однако тенденция к их ограничению проявилась отчетливо. Так, в боярском приговоре от 23 февраля 1645 г. о прекращении дел о поличном в случае неявки в суд обвинителя в недельный срок было установлено: «Буде кто приветчи с поличным, а о указе бить челом не учнет неделю, и тем отказывать против того же государева указу, хто х кому, приставя и не учнет искать неделю»¹⁴.

Как установил Л. Н. Лянго, уже 9 июня 1645 г. был издан Указ о запрещении заключать мировые с разбойниками помимо суда, за нарушение которого к истцу (потерпевшему) применялись штрафные санкции – «и... татем и разбойником Указ чинить по прежнему Уложению, хто чего доводится; а исцом за то пеня чинить, смотря по делу»¹⁵.

О примирении говорилось и в Соборном уложении. Так, например, в ст. 121 оно предусматривалось до начала процесса – «до совершения судных дел» и в ходе процесса, до его окончания – «до вершенья судного дела». В первом случае истцы и ответчики должны были представить суду «мировые челобитные за своими руками» (т. е. подписью). Если же они этого не сделают, то необходимые пошлины следовало взыскать с поручителей. Обязательность пошлин

---

¹³ См.: *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 311.

¹⁴ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты // Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. С. 222 // Цит. по: *Лянго Л. Н.* Примирение с потерпевшим, его уголовно-правовое и процессуальное значение: исторический анализ // Проблемы права и социологии. Межвузовский сборник научных статей. Волгоград, 2002. Вып. 2. С. 20.

¹⁵ Там же. С. 215 // Цит. по: *Лянго Л. Н.* Указ. соч. С. 20.

сохранилась со времен Судебников: ст. 4 Велико-княжеского и ст. 9 Царского. Кроме того, ст. 154 Соборного уложения запрещала повторный пересмотр дела, завершеного примирением сторон, предусматривая за повторный иск телесные наказания: «бить батоги, чтобы ему и иным таким, на то смотря, неповадно было так делать»¹⁶. Интересная норма содержалась в ст. 184 Соборного уложения: в случае совершения «обиды» группой лиц потерпевшему примирение последнего с одним из обидчиков не освобождает от суда остальных¹⁷. Следовательно, лица, связанные единством ответственности, могут выступать в деле самостоятельно. Признание иска одним из соответчиков не предрешает, таким образом, исхода дела в целом. Так же как и Судебники, Соборное уложение не допускало примирения с «лихими» людьми, совершившими тяжкие уголовные преступления, например, разбой.

В законодательстве Петра I примирение стало исключением, зато правилом стал донос. Основанием для исключения были деяния, осуждение за которые возможно было лишь по частному обвинению. Так, например, ст. 170 Артикула Воинского, утвержденная 26 апреля 1715 г., предусматривала случай примирения, придавая ему значение смягчающего вину обстоятельства и не освобождавшего от наказания. В официальном толковании к статье говорилось: «Ежели невинной супруг за прелюбодеющую супругу просить будет, и с нею помиритца... то мочно наказание умалить»¹⁸. Интересно, что равным указанному смягчающему вину основанию было то, что «прелюбодеющая сторона может доказать, что в супружестве способу не может получить телесную охоту утолить»¹⁹.

---

¹⁶ Российское законодательство. Т. 3. М., 1985. С. 117, 126.

¹⁷ Там же. С. 132.

¹⁸ Российское законодательство. Т. 4. М., 1986. С. 360.

¹⁹ Там же.

Так же как и в законодательстве предшествующего «московского периода», были установлены составы, примирение по которым не допускалось, список их возрастал: это и измена, и умышленное убийство, и другие тяжкие преступления.

В законодательстве Екатерины II в духе просветительских гуманистических идей было предусмотрено примирение по особым категориям дел, подсудным Совестному суду, однако это уже относилось лишь к гражданским спорам, где примирительный порядок был регламентирован и предусматривал возможность участия посредников²⁰.

Вместе с тем положения о примирении уголовного законодательства Алексея Михайловича и Петра I оставались действующими. Однако в условиях изменения взглядов законодателя на сущность преступления и определением его не только как вреда, причиненного частному или публичному правоохраняемому интересу, но и как посягательства на верховную абсолютную волю неограниченного во власти монарха, выраженную в законе, наказание стало осуществляться в интересах, прежде всего, публичных, а не частных, вследствие чего сфера примирения стала сужаться. К тому же, как отметил А. Ф. Бернер, примирение стало возможным «тем реже и исключительнее, чем чаще и обильнее сделалась повинность доноса»²¹.

Аналогично характеризовал ситуацию и классик российской уголовно-правовой доктрины А. Лохвицкий: «Преступление потеряло частный характер; оно признается поэтому нарушением общественного интереса; преследуется общественной властью и помимо жалобы или желания потерпев-

---

²⁰ См.: Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г. ст. 400 // Российское законодательство. Т. 5. М., 1987. С. 275–276.

²¹ Бернер А. Ф. Учебник уголовного права (прим., прилож. и доп. Н. Неклюдова). Часть Общая. СПб., 1867. Т. 1. С. 907.

шого лица. Это одно из важнейших отличий между новой и старой эпохой уголовного права»²².

Исключением из этого правила были деяния, преследования и наказания за которые были возможны по заявлению частного лица: против чести и достоинства, семьи и нравственности и некоторые другие.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. примирение оставалось еще возможным до исполнения приговора. Со временем перечень составов, возбуждение дела по которым зависело от жалобы потерпевшего, менялся, регулирование дел частного обвинения было отнесено к уголовно-процессуальному законодательству.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 160 предусматривало отмену наказания в случае примирения обиженного с обвиняемым²³. Это распространялось на дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего (частному обвинению), такие как: нанесение легких ран, письменная клевета, обольщение незамужней женщины торжественным обещанием на ней жениться, жестокое обращение мужа с женой и, наоборот, прелюбодеяние, упорное неповиновение детей родителям, плагиат²⁴.

Однако, согласно ст. 162, отмена приговора о наказании по основанию примирения была возможна лишь до исполнения приговора и за исключением ряда преступлений: оскорбление подчиненными начальства, изнасилование и обольщение, самовольное лишение свободы, противозаконное вступление в брак²⁵.

Таким образом, к середине XIX в. по общему правилу преступления наказывались без учета воли частных лиц –

---

²² Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. Т. 1. С. 226 // Цит. по: Симонова Е.А. Указ. соч. С. 51.

²³ Примирение обиженного с обидчиком рассматривалось как одно из обстоятельств, «погашающих наказание» (п. 2 ст. 16. Уложения 1845 г.)

²⁴ См. об. этом: Л. Н. Лянго. Указ. соч. С. 21.

²⁵ См.: Российское законодательство. Т. 6. М., 1988. С. 323.

потерпевших, поскольку обиженным признавалось не частное лицо, а общество в целом²⁶. Также Н. Д. Сергиевский, говоря о более позднем периоде, отмечал, что «всякое нарушение права отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное, поэтому всякое причинение вреда в наше время мыслится, как преступное деяние против всего общества, хотя бы оно нарушало ближайшим образом только интересы частного лица»²⁷.

Определенные изменения в отношении процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого произошли в связи с утверждением начал нового, более прогрессивного суда в ходе либерально-демократической судебной реформы 1864–1899 гг. Однако модернизация, в частности, уголовного процессуального права не повлекла существенного обновления материального уголовного права, в сущности своей сохранившего архаический карательный характер.

Так, по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в 1864 г. примирение допускалось и после вступления приговора в силу (ст. 22). Примирение предусматривалось в случаях, установленных ст. 18, 19 указанного закона за совершение следующих преступлений: кража, мошенничество, присвоение чужого имущества между супругами, а также между родителями и детьми (по жалобе потерпевшего), против чести и прав частных лиц и некоторых других²⁸.

Также и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. в качестве одного из оснований прекращения судебного преследования в отношении обвиняемого было установлено примирение с обиженным (п. 3 ст. 16)²⁹. Примирение допускалось по делам частного обвинения «при посягательствах

---

²⁶ См.: Учебник уголовного права / Сост. В. Спасович. СПб., 1863. Т. 1. С. 313.

²⁷ Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. СПб., 1904. С. 52.

²⁸ См.: Российское законодательство. Т. 6. М., 1991. С. 397.

²⁹ Там же. С. 121.

на права известного частного лица без особого посягательства на безопасность общества» (ст. 2)³⁰.

Примирение с обиженным рассматривалось как одно из условий, устранявших наказуемость, но процессуальная сторона имела в нем существенное значение. Это же было предусмотрено и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Однако и в этом случае для освобождения от наказания виновного (не применения наказания) требовалось «изъявление воли потерпевшего»³¹.

В конце имперского периода примирение потерпевшего обидчиком как основание, погашающее наказание, стало носить характер редкого исключения, допускалось лишь в так называемых «исковых» или «неофициальных» преступлениях. Уголовное преследование здесь ставилось в зависимость от воли пострадавшего, поскольку в них «элемент частный до того преобладает над общественным, что за вычетом из них частного элемента, в остатке получится столь маловажная вина в отношении к обществу, что и карать ее не стоит», полагал В. Спасович³².

Подводя итог, следует сказать, что институт примирения в российском дореволюционном уголовном процессе характеризуется следующими чертами: 1) примирение выступало как основание освобождения от наказания либо для смягчения его; 2) примирение призвано было удовлетворять частный интерес, но вместе с тем обеспечивало и общественный интерес, защита которого возлагалась на публичные судебные органы, освобождаемые от соответствующей

---

³⁰ Там же. С. 253.

³¹ См. подробнее: *Симонова Е.А.* Примирение с потерпевшим в российском законодательстве и теории // Под ред. Б.Т. Разгильдяева. Саратов, 2004. С. 46–54; Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. // Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984–1994. Т. I–VI – указанные памятники права; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1904. С. 165.

³² См.: *Симонова Е.А.* Указ. соч. С. 53; Учебник уголовного права / Сост. В. Спасович. 1863. Т. 1. С. 314.

обязанности волей частных лиц; 3) в целом примирение с потерпевшим – это исторически сложившееся частное начало в публичном праве, известное не только российской правовой системе.

Таким образом, при некоторых различиях в основаниях, последствиях, процедуре примирения общими оставались, прежде всего, наличие и выражение воли на то со стороны потерпевшего и эффект института – умиротворение участников конфликта. И в современной юриспруденции большое число специалистов рассматривают примирение преступника с потерпевшим как наиболее приемлемую альтернативу уголовному наказанию. Сторонники такой точки зрения обосновывают ее следующим образом: «...государство не должно без особой на то надобности вмешиваться в личные отношения граждан. У каждого гражданина должно остаться право самому решать вопрос о необходимости обращения в суд за защитой своих прав либо о прекращении судопроизводства на любой стадии процесса, когда конфликты между людьми могут быть решены и без вмешательства государственных органов»³³.

Примирение с потерпевшим так же, как и приговор суда, разрешает конфликт, однако другим способом, и, следовательно, способствует правосудию, являясь при этом частной альтернативной его формой, что вполне соответствует актуальной задаче гуманизации уголовного права и процесса.

---

³³ Лянго Л.Н. Примирение с потерпевшим, его уголовно-правовое и процессуальное значение: исторический анализ // Проблемы права и социологии. Межвузовский сборник научных статей. Волгоград, 2002. С. 22.

Михаил Кудрявцев

Вопросы примирительных процедур в Соборном Уложении 1649 года

Соборное Уложение 1649 года (или Уложение царя Алексея Михайловича) представляет собой не только важный памятник истории отечественного права, но и вершину эволюционного развития законодательства допетровской Руси. Этот документ, справедливо именуемый историками «кодексом феодального права»¹, охватывает все стороны жизни Московского царства XVII века от царского дворца и храма до корчмы. Названный правовой акт стал краеугольным камнем российской правовой системы, долгие годы оставаясь ее фундаментом и субсидиарным источником. Значение его столь велико, что именно этот документ открывает первый том Полного собрания Законов Российской Империи (Собрание первое, 1649–1825 гг.), изданного в 1830 году. Соборное Уложение продолжало действовать почти два века и составляло основу правовой системы России до тех пор, пока его не заменил Свод законов Российской Империи, вступивший в силу с 1835 года. Необходимо упомянуть и о том, что Соборное Уложение 1649 года стало первым отечественным правовым актом, опубликованным типографским способом тиражом 2 тыс. экземпляров. Этот документ содержит в том числе и ряд статей, посвященных примирительным процедурам, призванным заменить судеб-

---

¹ См.: Маньков А.Г. Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л., 1980; Тарановский Ф. В. История русского права. М., 2004. С. 111–176.

ную тяжбу обоюдным «полюбовным» разрешением спора без участия государственной администрации.

Соборное Уложение 1649 года предусматривает три вида примирительных процедур. К их числу относятся: 1) примирительная отсрочка, 2) мировое соглашение, 3) третейский суд.

1. Примирительная отсрочка. Институт отсрочки судебного разбирательства по инициативе сторон был известен и более раннему отечественному законодательству (Судебникам). Для этого любой из тяжущихся мог направить в суд так называемую «отсрочную челобитную». За каждой из сторон спора признавалось право ходатайствовать об отсрочке рассмотрения дела, чтобы представить дополнительные доказательства, особенно те из них, которые находятся в «дальних имениях» и «в других городах», а также по иным уважительным причинам. Однако ст. 108 главы X («О суде») Соборного Уложения 1649 года наполняет институт отсрочки судебного разбирательства новым смыслом, предусматривая особую его разновидность – примирительную отсрочку. В соответствии с этой нормой стороны спора получили право, договорившись друг с другом, до начала судебного разбирательства их дела по существу направить в суд совместную «отсрочную челобитную» для того, чтобы им до суда «меж себя сыскиватися», то есть попытаться решить дело миром, по обоюдному согласию, без участия судебной власти.

Применить данную форму примирительной процедуры тяжущиеся могли по своему добровольному волеизъявлению. При этом судья не обязывался побуждать участников спора к досудебному примирению, а соответствующие процедуры не были обязательны хотя бы потому, что в этом случае дело не рассматривалось в суде по существу, а достигнутое соглашение не утверждалось судом. По этой причине соответствующая судебная инстанция и государственная

казна теряли исковые пошлины, а чиновники – причитающиеся им «кормы» и «проести». Само же дело, по которому предоставлялась примирительная отсрочка, даже не «записывалось» в бумаги соответствующего приказа, так как примирение сторон исключило бы необходимость судебного разбирательства, им следовало лишь уведомить соответствующую инстанцию о достигнутом соглашении до окончания примирительной отсрочки.

Если же стороны не примирились в течение предоставленной им отсрочки судебного разбирательства, они обязаны были в установленный срок предстать перед судом, который рассматривал их дело по существу. При этом неудача примирительной процедуры сама по себе не влекла негативных последствий для участников спора, за исключением разве что потери потраченного на нее времени и вызванного этим затягивания судебного разбирательства. В целях обеспечения своевременной явки истца и ответчика на суд по истечении предоставленной им для примирения отсрочки в приказе составлялись так называемые «срочные отписные» бумаги, а на руки тяжущимся выдавались срочные памяти – документы с указанием срока вызова в суд.

В случае же когда предоставленная отсрочка истекла, а одна из сторон неудавшейся примирительной процедуры не явилась в суд в установленный срок по причине, не относящейся к уважительной, и не послала вместо себя доверенное лицо, она считалась проигравшей дело. По истечении недели другой стороне как выигравшей дело выдавалась бессудная грамота (заочное судебное решение без рассмотрения дела по существу)². Примирительная отсрочка рассмотрения дела не применялась лишь в отношении «крепостных

---

² В обычных случаях к проигрышу дела приводила трехкратная неявка на суд, а по делам, отсроченным по иным основаниям, кроме примирительных процедур – двукратная.

дел», то есть споров по сделкам, оформляемым письменными документами, удостоверяемыми в установленном государством порядке с уплатой «печатных» пошлин³.

2. Мировое соглашение. Вторым видом примирительных процедур, предусмотренных Соборным Уложением 1649 года, было мировое соглашение. В соответствии со ст. 121 главы X «О суде» этого документа, стороны могли «помириться» друг с другом в любой момент до завершения судебного разбирательства по их делу. Для того чтобы узаконить достигнутое мировое соглашение, тяжущиеся должны были принести в суд подписанные ими мировые челобитные, заплатить пошлины с полученного по мировому соглашению, а также оплатить прочие судебные расходы. Стороны обязывались информировать суд о достигнутом между ними мировом соглашении, с тем, чтобы суд не рассматривал повторно уже решенное сторонами полюбовно дело, а также в целях соблюдения фискальных интересов государства и чиновников, «кормящихся от дел».

При этом пошлины с мирового соглашения брались в полном объеме. Необходимо отметить, что в ст. 38 действовавшего ранее Судебника Ивана III 1497 года предусматривалась возможность брать с заключенных истцом и ответчиком мировых соглашений пошлины в половинном размере по сравнению с исковыми пошлинами (причем с обеих сторон в сумме, а не с каждой из них). Это правило хотя и вступало в некоторое противоречие с фискальными интересами государства и уменьшало «кормление» его чиновников, тем не менее стимулировало истцов и ответчиков к заключению мировых соглашений. К сожалению, эта интересная практика не была воспринята Соборным Уложением 1649 года.

---

³ Однако и в этом случае у сторон оставалась возможность либо воспользоваться другими видами примирительных процедур, либо совершить новацию обязательства и заключить новую крепостную сделку по тому же вопросу на согласованных измененных условиях.

3. Третейский суд. Необходимо отметить, что в главу XV «О вершенных делах» Соборного Уложения 1649 года была включена отдельная ст. 5, посвященная третейскому суду, выделенная в этой главе как самостоятельный раздел с особым названием. Следует подчеркнуть, что именно Соборное Уложение 1649 года впервые в отечественной истории закрепляет процедуру третейского суда в качестве альтернативного внесудебного способа разрешения споров. Структура названной главы данного документа дает основание думать, что появление норм о третейском суде в тексте этого законодательного памятника явилось результатом учета предложений «выборных людей», которые были внесены в подготовленный правительством текст, зачитывавшийся на Земском Соборе.

Введение Соборным Уложением 1649 года института третейского суда стало важным шагом в развитии отечественного законодательства о примирительных процедурах. Статья 5 главы XV названного документа, регулирующая вопросы третейского производства, предоставила истцу и ответчику возможность заключить между собой «полюбовное» соглашение о передаче своего спора на рассмотрение третейского суда, о том, что они «пойдут на суд перед третьих» и будут «их третейского приговору слушати», оформив его в виде третейской записи. При этом каждый из тяжущихся избирал своего третейского судью («третейя»). Эти двое третейских судей и решали дело по существу. Таким образом, рассматриваемая процедура существенно отличалась от современной третейской процедуры, предусмотренной Федеральным законом «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ⁴, где судей обязательно должно быть нечетное число⁵, а спор может разбираться и единолич-

⁴ Российская газета, 27 июля 2002 г.

⁵ Необходимость нечетного числа медиаторов для решения спорного дела большинством голосов арбитров была признана только Уставом о банкротстве 1740 г.

но. Эти двое третейских судей и решали дело по существу, оформляя принятое ими решение *третейским приговором*.

Заключение третейского соглашения в соответствии с нормами Соборного Уложения 1649 года по общему правилу лишало стороны возможности оспаривания вынесенного третейскими судьями «приговора» по делу. Отказавшийся от исполнения третейского решения подлежал наказанию, а кроме того, отвечал перед третейскими судьями за «бесчестье». Этим создавались повышенные гарантии для репутации арбитров, по сути такие же, как и для государственных судей.

Соборное Уложение 1649 года позволяло обжаловать третейские решения в государственные судебные учреждения – приказы лишь в одном случае – при несогласии избранных сторонами третейских судей, дающих по делу противоположные «приговоры». Для этого в третейскую запись должна была включаться специальная оговорка «с государевой пеней». Если избранные сторонами третейские судьи «порознят своим приговором»: один обвинит истца, а другой ответчика и оправдает («оправит») соответственно противоположную сторону, тогда по челобитью истца или ответчика третейское дело, приговоры по нему и третейская запись брались у третейских судей в приказ, решавший дело по существу. После этого третейский судья, вынесший «неправый приговор», написанный «не делом» – решение, не совпадающее с итоговым судебным решением по делу, принятому в приказ, подвергался наказанию и сверх «государевой пени» обязывался выплатить пострадавшей от его «приговора» стороне спора за причиненные ей «проести и волокиты» штраф по установленной ставке за каждый день просрочки. Дело же в итоге вершилось по судебному решению и согласному с ним третейскому приговору.

Если же в третейской записи по делу, где арбитры «порознили», не содержалось оговорки о возможности судеб-

ного обжалования третейского решения «под государевой пеней», то дело не принималось в приказ и должно было разрешиться заново обычным порядком без учета проведенной третейской процедуры. В случае же когда «приговоры» третейских судей совпадали, проигравшая сторона лишалась возможности обратиться за разрешением спорного дела в обычном судебном порядке, поскольку, совершая третейскую запись, сама принимала на себя риск проигрыша дела в рамках процедуры третейского разбирательства. Таким образом, согласующиеся между собой «приговоры» третейских судей по делу, переданному сторонами на их рассмотрение, приравнивались законом к делам, «вершенным» обычным судебным порядком.

Как видно из приведенного описания примирительных процедур, зафиксированных в Соборном Уложении 1649 года, в условиях неразделенности гражданского и уголовного судопроизводства они могли быть применены практически к любому делу, где допускался состязательный процесс, то есть к подавляющему большинству гражданских и уголовных дел, рассматриваемых в судебном порядке, за исключением разве что государственных и религиозных преступлений, а также разбойных, душегубных и татевных дел, то есть тех видов процесса, в которых господствовало инквизиционное начало⁶. В то же время законодатель не вдается в подробности примирительных процедур (разве что немного касается третейской процедуры), а сосредоточивает свое внимание на их результатах в той мере, в какой они имеют значение для хода судебного разбирательства в официальном суде. Во многом это объяснялось альтернативным внесудебным характером таких процедур.

---

⁶ В частности, ст. 31 главы XXI «О разбойных и татинных делах» Соборного Уложения 1649 года под угрозой наказания запрещала примирение потерпевших («истцов») с лицами, изблеченными или подозреваемыми в разбое, устанавливая принцип «не мирися с разбойники».

Первоначально проведение примирительных процедур, предусмотренных Соборным Уложением 1649 года, отдавалось на усмотрение сторон спора, действовавших в соответствии с устоявшимися обычаями. Они могли достичь желанного компромисса либо путем непосредственных переговоров или в ходе переговоров через посредников, либо прибегнув к помощи каких-либо авторитетных фигур – выборных представителей земщины или уважаемых в обществе людей. Однако со временем публичная власть пришла к мысли о необходимости учреждения специальных официальных медиативных институтов. Ими стали *купеческие словесные суды* (1726 г.)⁷, *совестные суды* на губернском или наместническом уровне (1775 г.) и *общегражданские словесные суды* в частях (районах) городов (1781 г.).

Каждый из названных видов судов заслуживает отдельного обстоятельного разговора. Здесь же отметим, что они представляли собой альтернативные примирительные инстанции, стоявшие вне рамок общей системы судебных установлений. Деятельность словесных и совестных судов сводилась к решению следующих основных задач: 1) обеспечить сторонам законную, спокойную, бестяжебную жизнь; 2) прекратить злобы, ссоры и распри; 3) доставить каждому ему причитающееся; 4) облегчить судебные места примирением спорящих. В купеческих словесных и в совестных судах примирительную процедуру проводили выборные судьи и сословные представители с участием посредников-медиаторов, а в общегражданских словесных судах – единоличный выборный судья. Примирительная процедура во всех этих судах начиналась по обращению одной из сторон, и в ходе рассмотрения дела суд вырабатывал проект решения спора, предлагаемый сторонам. Если же пред-

---

⁷ Эти суды первоначально учреждались при торговых таможнях внутри страны, а с упразднением последних в 1754 году приписаны к магистратам и ратушам.

ложенный третейским судом проект решения не удовлетворял стороны, примирительная процедура завершалась, и тяжущиеся направлялись в обычный суд «по принадлежности». Деятельность словесных и совестных судов постепенно сосредоточилась на сфере гражданских дел. В известной мере, купеческие словесные суды можно рассматривать как предшественников государственных коммерческих и коммерческих третейских судов, а общегражданские словесные суды стали прообразом будущих мировых судов.

Со временем в развитии института примирительных процедур в России наметились три направления: 1) существование *неформальных и частично формализованных примирительных процедур* – мирские сельские сходы, дворянские съезды для решения земельных споров в период Генерального межевания 1766 года и Крестьянской реформы 1861 года, а также различные традиционные суды национальных окраин (малороссийские словесные суды, суд для татар, армян и магометан в Казани) и т. п.; 2) создаваемые государством формы специального альтернативного судопроизводства и примирительных процедур – совестные и общегражданские словесные суды, мировые посредники и т. п.; 3) специальные примирительные и арбитражные процедуры в коммерческой сфере – купеческие словесные суды, третейские суды при торговых и торгово-промышленных палатах и т. п. Эти направления регламентации примирительных процедур существовали в дореволюционной России, сохранились в советский период и остаются актуальными в наши дни.

Проведенный анализ норм Соборного Уложения 1649 года, посвященных примирительным процедурам, показывает, что уже в допетровской России развитие законодательства Русского централизованного государства в XV–XVII вв. привело к формированию стройной системы примирительных процедур, санкционированных законодателем. К ним относились примирительная отсрочка судеб-

ного разбирательства, мировое соглашение и третейский суд. Создание этой системы примирительных процедур ознаменовало собой первый этап развития законодательно закрепленных правовых средств медиации, а также заложило основу для развития соответствующих институтов на протяжении дальнейшей отечественной истории. Именно в Соборном Уложении 1649 года и более раннем законодательстве допетровского периода отечественной истории следует искать истоки российского подхода к правовому регулированию проблем медиации, которым российский законодатель и российское гражданское общество придают столь важное значение и в настоящее время. Думается, что исторический опыт и традиции развития институтов медиации в России не стоит предавать забвению, а некоторые из его положительных черт, возможно, будут востребованы и в современных условиях не меньше, чем зарубежный опыт в данной сфере.

Возрождение института медиаторства в горских сообществах Северного Кавказа в советские и постсоветские годы (1950–2000 гг.)

Обычное право народов Северного Кавказа, которое принято называть «горский адат», имеет длительную историю, корни которой уходят в далекое средневековье. Российская империя, присоединив регион в ходе Русско-Кавказской войны, столкнулась с необходимостью «считаться» с ним как с одним из механизмов регулирования конфликтов в горской жизни. Советская власть, в целом негативно оценивая его роль в советском обществе, тем не менее использовала отдельные институты адата. Особенно судебная политика советской власти по отношению к горскому адату изменилась в конце 1950-х годов, когда сначала в годы хрущевской оттепели, затем в застойные годы советская печать и органы Министерства юстиции республики заговорили о наличии у горцев до революции «полезных адатов». Задачей советских судебных органов в период завершения социалистической перестройки ставилось выделение сохранившихся «полезных» норм адата (почитание стариков, медиаторство, охрана общественного порядка и собственности), их развитие и по-прежнему решительная борьба с вредными адатами (бесправие и забитость женщины, кровная месть). По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить полезные адаты на службу советской власти.

В 1960 году в новом Уголовном кодексе РСФСР была сохранена ст. 231, устанавливающая уголовную ответственность «за уклонение родственников убитого от отказа применения кровной мести в отношении убийцы и его родственников, осуществляемой в порядке, установленном положением о примирительном производстве по делам о

кровной мести». В УК других союзных республик, например, Грузинской ССР, такая норма отсутствовала. Грузинские юристы, считая эту статью действенной мерой, предлагали ввести ее в УК ГрССР. Данная норма, безусловно, способствовала сохранению на Северном Кавказе традиции медиаторства.

С одной стороны, принятый в 1960 г. новый Уголовный кодекс РСФСР значительно ужесточил меры борьбы с преступлениями, совершаемыми на почве кровной мести и другими пережитками местных обычаев, а с другой, появилось разграничение между полезными и вредными обычаями (или адатами). К полезным, или положительным стали относить почитание старших, уважение к женщине, взаимопомощь, гостеприимство. По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить положительные обычаи на службу советской власти. Так, в 1960-е годы советская администрация на Северном Кавказе попыталась вновь возродить *примирительные комиссии*¹. Такие комиссии были созданы в Чечне, Ингушетии, Аджарии, Дагестане.

В новом УК РСФСР в категорию «преступлений, составивших пережитки местных обычаев» (гл. XI), были включены три группы обычаев* : *преступления, посягающие на равноправие женщин с мужчиной*, – уплата и принятие выкупа за невесту (калым), принуждение женщины к вступлению к брак, принуждение женщины к продолжению брачного сожительства, воспрепятствование женщине вступлению в брак, похищение женщины для вступления с нею в брак, двоеженство и многоженство; *преступления, объектом ко-*

---

¹ *Бородин С.В.* Рассмотрение судом уголовных дел по убийствам. М., 1964. С. 181–182.

* Глава содержит пять содержательных статей и одну общую статью, в которой определяется, в каких регионах РСФСР действуют нормы данной главы (ст. 236: «нормы распространяются на те автономные республики, автономные области и другие регионы РСФСР, где общественно опасные деяния, перечисленные в настоящей главе, являются пережитками местных обычаев»).

торого является физическое и нравственное развитие несовершеннолетних (мужчин и женщин) – заключение брака с лицом, не достигшим брачного возраста, вступление в фактическое брачное сожительство с лицом, не достигшим брачного возраста; уклонение от примирения, убийство из кровной мести, убийство женщины «на почве пережитков прошлого отношения к женщине»².

Однако если в предыдущих уголовных кодексах РСФСР убийство на почве кровной мести относилось к преступлениям, составлявшим пережитки родового быта, то в УК 1960 г. оно уже не имело специального состава – убийства, совершенного на почве кровной мести. Этот вид убийства отнесли к общему составу об умышленном преступлении. По УК РСФСР 1960 г. различались убийства двух видов: убийства, совершенные на почве кровной мести, и убийства из мести, отнесенные к разным статьям УК РСФСР. Убийства на почве кровной мести рассматривались как умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах по ст. 102 УК РСФСР п. «к». К ним применялись две меры наказания: тюремное заключение от 8 до 15 лет и смертная казнь. Убийство из мести рассматривалось по ст. 103 УК РСФСР. К нему относились преступления, совершенные без отягчающих обстоятельств. Такое различие было зафиксировано в УК еще трех союзных республик: Грузинской ССР, Туркменской ССР, Казахской ССР.

Итак, вновь в горской жизни стал возрождаться *институт медиаторства*. Что это такое? Медиаторство как форма горского посредничества при регулировании практически всех конфликтных ситуаций в обществе могло использоваться для ослабления агрессивности среди народов Северного Кавказа.

---

² Советское уголовное право. Часть особенная // Ред. В.Д. Меньшагин, Н.Д. Дурманов, Г.А. Кригер. М., 1964. С. 393–394.

Для начала советская власть 1950-х годов создала при сельсоветах *советы старейшин*. Они включали в себя от 3 до 15 мужчин пенсионного возраста. Перед ними стояла задача помогать народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в колхозе (совхозе), урегулировать столкновения между его членами, по возможности предупреждать случаи кровной мести, следить за поддержанием в порядке дорог, оросительных каналов, сельских клубов и не допускать расхищения колхозной собственности. Этот процесс затронул многие регионы Северного Кавказа, например, Северную Осетию. В 1960–1980-е годы такие советы действовали в нескольких десятках селений на равнине и в предгорьях³. В отличие от дореволюционных органов сельского самоуправления, которые они внешне копировали, советы старейшин в советских республиках Северного Кавказа играли чисто консультативную роль при местных народных судах и исполкомах сельсоветов.

Гораздо большую власть в это время приобрели *сельские сходы* и особенно *старики-примирители*, сохранившие знание адатных норм. Наиболее авторитетных мужчин села, чье мнение может быть принято, стали привлекать в качестве посредников-медиаторов. Власти смотрели на их полуполегалное существование сквозь пальцы. Медиаторский суд как правовой институт отсутствовал в 1950–1980-е годы и отсутствует в настоящее время. В современных адыгских обществах до некоторой степени сохраняется традиционное правовое сознание и в основе адыгской жизни продолжает лежать *принцип примирения*, который способствует созданию спокойной атмосферы и общественного мнения, направленного на сохранение миролюбивых отношений. В соответствии с современным адыгским правосознанием

---

³ Архив Министерства Внутренних дел Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 6. СО. Д. 6.

медиаторы считаются общественными в современном понимании этого слова посредниками, которые принимают участие в примирении конфликтующих сторон.

У горцев Северного Кавказа сохраняются понятия о коллективной (родственной) ответственности за вину и коллективном праве представлять интересы своих потерпевших родственников. Как и в пореформенное время, медиаторы начинают заниматься конкретной спорной ситуацией только по заявлению потерпевшего или его близких родственников. Ответчиком может быть как сам обвиняемый, так и его близкие родственники.

Как и ранее, в современном горском обществе количество выбираемых для рассмотрения дела медиаторов зависит от серьезности причиненного ущерба. Если в исходном конфликте был нанесен незначительный ущерб, то группа медиаторов может состоять из двух человек⁴. Если ущерб был значителен, возникала необходимость выбрать пять-шесть медиаторов. Численность медиаторов у северокавказских народов может варьироваться. Так, у осетин выбирают по четыре примирителя с обеих сторон.

Как в 1950–1980-е годы, так и в 1990-е годы медиаторы, или, как их чаще в настоящее время называют, *посредники* продолжают оставаться ключевыми фигурами в обычно-правовой практике народов Северного Кавказа.

В целом в современном обществе критерии выбора на роль медиаторов сохраняются прежними, но появились и некоторые изменения. В группу медиаторов, как показывают адыгские этнографические данные, входят, во-первых, авторитетные пожилые мужчины, проживающие с виновным в одном квартале, во-вторых, «старшие» рода винов-

---

⁴ Архив автора, Институт этнологии и антропологии РАН. Тетр. 4. Оп. 3. Д. 3; Оп. 4. Д. 2; Оп. 1. Д. 2; Оп. 4. Д. 1–2; Оп. 9. Д. 3; Оп. 7. Д. 1; Оп. 8. Д. 4.; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17, Оп. 8. Д. 18; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5–6; Оп. 2. Д. 7 (далее АИЭА).

ного, в-третьих, близкие родственники виновного (старшие по возрасту члены семьи, отец или мать виновного, родственники матери, старшие братья виновного, если он молод). Если в группе медиаторов нет пожилого авторитетного односельчанина, могут пригласить и духовное лицо. Медиаторы должны обладать рядом определенных качеств (мягкостью, религиозностью, авторитетом) для успешного урегулирования конфликтных ситуаций. Большое значение имеют и дружеские связи как между участниками конфликта, так и между посредниками. Обычно виновный выбирает таких медиаторов, которые дружны с семьей потерпевшего⁵.

В течение 1950–1980-х годов политика властей некоторых республик Северного Кавказа, например, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, состояла в невмешательстве в сельскую судебную практику. Поэтому, по нашему мнению, у горцев было достаточно свободы в выборе формы урегулирования конфликтов.

В тот период сложилась следующая судебная практика: советские народные суды рассматривали все происходившие в селениях уголовные преступления, главным образом, убийства, разбирали дела, связанные с причинением материального ущерба, а также иски о разводах⁶. Сразу же после происшествия органы милиции составляли рапорт, который отсылался в следственные отделы, а затем в советский народный суд. В основном это правило соблюдалось в отношении умышленных убийств. Если же произошла драка, в результате которой было нанесено незначительное ранение, органы милиции не всегда строго выполняли свои обязанности, предоставляя потерпевшему и виновному урегулировать свой конфликт с помощью медиаторов. Иногда бывало и так. Сразу же после происшествия потерпевший или

---

⁵ Полевые материалы автора. Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18.

⁶ АИЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3–6; Оп. 4. Д. 12; Оп. 5. Д. 15; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17.

его родственники подавали заявление в суд или милицию, но позже конфликт урегулировали с помощью медиаторов и забирали свое заявление, обращаясь с просьбой о прекращении рассмотрения конфликта. Судебные и милицейские органы, как правило, соглашались с этим⁷.

Судьи из местных советских судов, хорошо знающие горские правовые традиции, не препятствовали конфликтующим сторонам рассматривать свой спор в медиаторском суде. Тем не менее, как показывают этнографические данные, если в исходном конфликте произошло убийство, в советские годы нельзя было избежать рассмотрения дела в советском суде. Виновному определяли меру наказания в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР. В то же время медиаторы занимались примирением родственников виновного и потерпевшего. При успешном его завершении оно позволяло, во-первых, ослабить или исключить установление кровных или враждебных отношений между сторонами, во-вторых, смягчить наказание, которое определялось советским судом⁸.

В 1990-е годы ситуация в Кабарде и Адыгее изменилась. Политика невмешательства, проводимая местными советскими судами, трансформировалась в политику поддержки применения традиционных адыгских правовых норм. Поэтому в настоящее время местные судебные и административные органы не только не препятствуют горцам самим выбирать ту правовую систему, к которой они хотят прибегнуть при урегулировании конфликтов, но и в ряде случаев поощряют традиционное медиаторство. Ныне большинство уголовных преступлений не поступают на рассмотрение в российские судебные органы. Негласно медиаторские суды получили возможность, как и прежде, разбирать все дела,

---

⁷ Там же. Тетр. 1. Оп. 2. Д. 9; Оп. 1. Д. 1; Тетр. 4. Оп. 7. Д. 1; Оп. 8. Д. 4; Оп. 5. Д. 1.

⁸ Там же. Тетр. 4. Оп. 7. Д. 2; Оп. 8. Д. 4; Оп. 6. Д. 1.

связанные с причинением имущественного и физического ущерба.

В настоящее время медиаторы рассматривают такие уголовно наказуемые в российском суде преступления, как ранение или убийство, как причинение физического ущерба, которое требует удовлетворения, а не наказания. Медиаторы разбирают дела о кражах частного имущества⁹. Основой современного медиаторского судопроизводства продолжают оставаться нормы адата.

Ныне горцы не проводят специального заседания медиаторов. Поэтому нет и определенного места для встречи медиаторов и участников конфликта. Как правило, для ведения переговоров медиаторы идут в дом потерпевшего. Это же отмечает и П. Гарб на абхазском материале. Она указывает, что хотя исторически местом для судебного медиаторского разбирательства является большая поляна около священных мест, но в 1950–1990-е годы в основном используют другие места, например, дом потерпевшего или официальное учреждение¹⁰.

Как и прежде, в горском судебном процессе не применяется правило о наказуемости предварительной преступной деятельности, т. е. обнаружения умысла покушения. Медиаторы рассматривают только уже причиненный физический или материальный ущерб. Как и в XIX в., например, у адыгов существует своего рода институт апелляции. Если выбранным медиаторам не удалось примирить стороны, то виновный и его родственники могут выбрать новых медиаторов, которые вновь через некоторое время идут к родственникам потерпевшего. Однако третий раз идти не принято.

У народов Кавказа продолжает сохраняться институт присяги. А. И. Барамия писал, что в 1960-е годы у сванов

---

⁹ АИЭА. Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Тетр. 4. Оп. 2. Д. 2.

¹⁰ *Garb P.* The Institutions and Practices of Indigenous Law in Abkhazia // Материалы научного отчета для института «Открытое общество» (1998).

кровники должны были «по обычаю сванской национальности явиться в церковь и дать клятву о прекращении вражды». Между тем, по нашему мнению, в советском медиаторском процессе доказательство вины как одна из форм процедур судебного процесса перестало иметь решающее значение. Мы видим две причины ослабления этой части медиаторского процесса в современных кавказских обществах. Во-первых, сфера применения медиаторского суда за последние 70 лет сузилась. Медиаторы, как правило, рассматривают дела, в которых вина является очевидной, и не требующие доказательств. Во-вторых, произошло смещение акцентов внутри самого процесса примирения. По точному наблюдению П. Гарб, в обычно-правовой практике выяснение действительной вины подозреваемого не является целью современного медиаторского примирения, основная задача которого состоит в желании окружающих помочь участникам конфликта примириться без ущемления их достоинства¹¹.

В отличие от пореформенного времени и периода легального существования медиаторских судов в советское время, начиная с 1925 г. вплоть до 1990-х годов, решения медиаторов письменно не фиксируются.

При рассмотрении дел, связанных с *кражами*, судьи принимают постановление о возвращении краденого. При ведении переговоров с виновным важное значение имеет то, какую по счету кражу он совершил. Если человек ранее уже был замечен в воровстве, то вряд ли потерпевший ограничится возвращением краденого. Так, известен случай, когда группа адыгейцев, украв однажды 15 коров, вновь совершила кражу скота. Потерпевшие подали на них жалобу в российский народный суд¹².

---

¹¹ Garb P. Op. cit.

¹² АИЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 5–6; Оп. 4. Д. 11; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 6. Д. 16.

При рассмотрении дел о *причинении физического ущерба* медиаторы руководствуются, как и прежде, адыгским адатом, и применяют следующие нормы: устройство «примирительного угощения»; подарки потерпевшей стороне; выплата компенсации; выселение семьи виновного на временное или постоянное жительство в другое место. Эти же нормы применяются и у других народов Кавказа, например, у абхазов¹³. Наряду с этим еще в 1920-е годы абхазы продолжали обращаться к институту аталычества для урегулирования кровных отношений. Так, в одном абхазском селении произошло убийство мужчины. Виновный пытался примириться с родственниками потерпевшего. Однако последние уклонились от этого, решив отомстить убийце. Тогда тот похитил сына брата потерпевшего – школьника. В 1950–1980-е годы абхазы вновь обращаются к институту аталычества как форме примирения. П. Гарб отмечает, что известны случаи, когда родственники потерпевшего отказывались давать своих детей на воспитание в семью виновного, тем не менее кровник совершал похищение ребенка¹⁴.

Если во время исходного конфликта произошло *ранение*, медиаторы вместе с виновным приходят с извинениями к семье потерпевшего, навещают его самого, приносят ему подарки. По выздоровлении потерпевший устраивает вечер, называемый по-кабардински *тхьэл/элу*, на который виновный приносит угощение. Иногда виновный сам устраивает традиционное «примирительное угощение» и приглашает семью потерпевшего, которая чаще всего не отказывается от такой встречи¹⁵. Если физический ущерб значителен, медиаторы предлагают семье потерпевшего денежную компенса-

---

¹³ Garb P. Op. cit.

¹⁴ Garb P. Op. cit.

¹⁵ АИЭА. Тетр. 4. Оп. 1. Д. 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 4. Д. 2; Оп. 9. Д. 3; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5–6.

цию. Например, если пострадавшему выбили зуб, виновная сторона оплачивает стоматологические услуги и т. п.¹⁶

При *неумышленных убийствах* или *причинении неумышленного физических увечий*, совершенных главным образом во время автомобильных аварий, виновный, как правило, всегда обращается к медиаторам за помощью в примирении с семьей потерпевшего. В таких случаях адыги охотно откликаются на просьбу, однако семья потерпевшего не всегда соглашается на переговоры с медиаторами. Можно сказать, что до сих пор в адыгском правосознании нет четкого разделения между совершением умышленного или неумышленного преступления. Известны случаи, когда при неумышленном убийстве старика его дочь отказалась мириться, а при аналогичном убийстве мальчиком мальчика из винтовки также поступили родители потерпевшего. В среднем в 8 из 10 случаев автомобильных аварий со смертельным исходом семья потерпевшего вовсе не обращается в официальные судебные органы, если ранее подала жалобу, то отсылает в российский народный суд заявление об отсутствии претензий к виновному¹⁷. Медиаторы при рассмотрении случаев, связанных с гибелью человека, в 1950–1980-е годы назначали компенсацию в размере от 1 до 5 тыс. руб.* В 1990-е годы в связи с постоянной инфляцией размеры компенсаций часто меняются.

Как показывают этнографические данные, чем ближе территориально находятся конфликтующие стороны, тем сложнее медиаторам добиться примирения¹⁸. Поэтому если им не удалось восстановить дружеские отношения между семьями виновного и потерпевшего, то иногда, как уже от-

---

¹⁶ Там же. Тетр. 4. Оп. 8. Д. 4; Оп. 5. Д. 1; Оп. 7. Д. 2.

¹⁷ Там же. Тетр. 4. Оп. 5. Д. 1; Оп. 2. Д. 2; Оп. 7. Д. 1–2; Оп. 1. Д. 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 4. Д. 2; Оп. 7. Д. 2; Оп. 6. Д. 1; Оп. 8. Д. 4; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4; Оп. 4. Д. 11, Оп. 2. Д. 9.

* В это время автомобиль стоил 4–6 тыс. руб.

¹⁸ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3; Оп. 4. Д. 12; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 6. Д. 16; Оп. 7. Д. 17.

мечалось, семья виновного принимает решение о *добровольной смене места жительства*¹⁹.

В настоящее время, как нам представляется, применяемая в прошлом мера о принудительном выселении виновного и его семьи на временное или постоянное местожительство трансформировалась в добровольную смену жительства. В тех случаях когда медиаторы все же склонны применить меру о принудительном выселении виновного и его семьи, они обращаются к сельскому сходу для получения на это разрешения. Как показывают наши данные, обычно сход принимает решения о выселении злостных воров или агрессивно настроенных участников драки, но такие случаи бывают редко²⁰.

Добровольное и принудительное выселение семьи виновного, а иногда и семьи потерпевшего используется и в других регионах Кавказа, например в Аджарии и Абхазии. П. Гарб отмечала, что в Абхазии один сельчанин убил тетю во время раздела имущества. Он был осужден советским судом. В то время как он отбывал наказание, община приняла решение о выселении его семьи в другую часть Абхазии. Даже после того как он вышел из тюрьмы, община не разрешила ему и его семье вернуться в родное селение. Решение о выселении может принять и совет старейшин²¹.

Подобные примеры применения адата о выселении можно привести и по осетинскому материалу. Например, в селении Сурх-Дигора в середине 1960-х годов некто Гоб. (50 лет) поссорился с молодым человеком из того же селения Гег. (20 лет) и убил его в драке. Убийцу судили в местном народном суде и приговорили к расстрелу. Вскоре после вынесения судебного решения состоялся сход членов

¹⁹ Там же. Тетр. 4. Оп. 2. Д. 2; Оп. 5. Д. 1; Тетр. 2. Оп. 10. Д. 20.

²⁰ Там же. Тетр. 1. Оп. 3. Д. 10; Оп. 1. Д. 3–4.

²¹ *Garb P. Op. cit.*

местного колхоза. Он постановил для прекращения кровной вражды выселить из селения весь клан виновника инцидента, состоящий из семей братьев и сестер убийцы. Гобеевы, не пытаясь опротестовать решение схода в народном суде или сельсовете, продали дома и переехали в г. Моздок. До сих пор их бывшие односельчане, оказавшись в городе, отказываются от всяких контактов с родственниками убийцы²². Или другой случай. Молодой колхозник из Южного поселка в 1970 г. умышленно зарубил топором своего отца, с которым он состоял в длительной ссоре. Убийца подвергся двойному осуждению. Народный суд присудил ему 7 лет тюрьмы. По выходе на свободу убийца подвергся своего рода «остракизму» со стороны родственников и всей сельской общины. Все отношения с ним были прерваны и он был вынужден поселиться на окраине селения²³. Подобный случай произошел в 1986 г. в селении Зильги, где некто Гулунов зарезал ножом брата своей жены. Народный суд осудил убийцу на 10 лет принудительных работ. Ввиду тяжести этого умышленного преступления родные Гулунова не посмели прислать медиаторов к кровникам. Жена убийцы вернулась к своим родным, а вся семья Гулуновых после суда навсегда покинула селение²⁴.

Традиционное посредничество практически не используется при совершении *изнасилования*, поскольку такие ситуации регулируются чаще всего с помощью брака²⁵.

Тем не менее при похищении девушек, которое в настоящее время происходит по договоренности молодых пар, сельчане оказывают значительную помощь в разрешении возникающих конфликтов. К похищению невесты адыги

---

²² ПМ Л. К. Гостиевой из: Бабич И. Л., Бобровников В. О. Указ. раб.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ АИЭА. Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1; Оп. 7. Д. 2.; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 5–6; Оп. 4. Д. 12; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17.

прибегают в тех случаях, когда родители девушки не дают согласия на брак. Сельчане-посредники уговаривают родителей дать положительный ответ на брак. Но бывает и так: девушка сначала согласилась на традиционное похищение, а потом передумала выходить замуж. Родственники похитителя прибегают к посредничеству, чтобы семья девушки не подала в суд и не установила враждебных отношений с их семьей. В этом случае посредниками бывают старшие жители села, но иногда и молодые, авторитетные члены семьи виновного. Группа посредников, не превышающая трех-четырёх человек, сразу после похищения идет в дом девушки и ведет переговоры с ее родителями. Если девушка согласна выйти замуж, а они – против, посредники уговаривают их дать согласие на брак. Но если она отказывается выйти замуж за похитившего ее парня, посредники просят ее родню не предъявлять ему претензий. Если парень привез украденную девушку до рассвета, он извиняется перед ее родителями, и посредникам удается урегулировать ситуацию. Но если он вернул ее в родительский дом на третий-четвертый день, возможен серьезный конфликт между семьями. Тогда посредники приходят в дом похищенной девушки и пытаются уговорить ее выйти замуж. Если сразу им не удалось сделать это, через некоторое время они уже в новом составе (родственники и друзья виновного, а также авторитетные для семьи девушки люди) приходят вновь. Чаще всего подобные ситуации заканчиваются мирно²⁶.

Опишем этапы современного примирительного процесса. Как справедливо заметила П. Гарб, перед самым ритуалом применения есть подготовительный этап, являющийся наиболее важной частью судебного процесса, во время которого сельчане убеждают участников конфликта и их род-

---

²⁶ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2; Д. 5–6; Оп. 2. Д. 7–9; Оп. 4. Д. 12; Оп. 8. Д. 18; Оп. 10. Д. 20; Оп. 6. Д. 16.

ственников мирно урегулировать свой конфликт²⁷. У адыгов, как только случившееся получает известность, медиаторы (в головных уборах, в одежде с длинными рукавами) идут в дом потерпевшего. Каждый из них поочередно подходит вначале к старшим по возрасту членам семьи потерпевшего, затем к его отцу и матери. После этого во двор выходит один из старших по возрасту семьи потерпевшего и медиаторы предлагают этой семье оказать материальную помощь. Вызванный возвращается в дом и советуется с остальными членами семьи, которые уговаривают отца потерпевшего принять помощь. Медиаторы не имеют права предлагать материальную поддержку непосредственно родителям умершего. Подобные переговоры – процесс длительный, и иногда медиаторам не удается сразу примирить стороны. Тогда через некоторое время, уже в новом составе, включая самых авторитетных стариков селения, группа медиаторов идет в дом потерпевшего для переговоров. Бывает, что семья потерпевшего отказывается в примирении до 2–3 раз²⁸.

Если удастся начать процесс примирения, группа медиаторов посещает дом потерпевшего каждый день, принося продукты и деньги. Когда наступают похороны и поминки, семье виновного и медиаторам разрешается присутствовать на них и принять участие в их организации. Затем медиаторы вновь приходят в дом потерпевшего и предлагают дополнительное материальное возмещение. Его сумма не определена строго, виновная сторона дает столько денег, сколько может. Если родители умершего принимают эту сумму, медиаторы начинают просить, чтобы семья потерпевшего не подавала заявление в суд или забрала его оттуда (если уже подала), что она и делает. После этого отношения между виновным и семьей умершего продолжают оставаться на-

---

²⁷ Garb P. Op. cit.

²⁸ АИЭА. Тетр. 4. Оп. 4. ДД. 1–2; Оп. 5. Д. 1; Оп. 8. Д. 4; Оп. 2. Д. 2; Оп. 7. Д. 2.

тянутыми в течение одного-двух лет: если семья виновного пригласит родственников потерпевшего на свадьбу, то может получить отказ. Дружеские отношения между семьями чаще всего восстанавливаются после годовых поминок²⁹.

П. Гарб так описывает ритуал примирения, который она наблюдала в Абхазии в 1990-е годы. Родственники виновного и медиаторы приходят в дом потерпевшего и говорят, что они пришли по требованию общества, спрашивают у родственников потерпевшего: «Есть ли у вас что-либо против нас?». Затем медиаторы спрашивают у участников конфликтов: «Вы абхазец? Если так, то вы должны пойти на примирение, поддержать медиаторов»³⁰. П. Гарб считает, что можно говорить о кавказской дипломатии медиаторов, в которой используются и красноречие, и юмор, а также специфические жесты, выражения лица, определенные слова. Тем не менее сам процесс примирения, по ее мнению, невозможно описать детально, поскольку он во многом является спонтанным действием³¹.

Современное горское общество и горское правосознание направлено на посредничество как на основную форму урегулирования спорных ситуаций.

Как показывают полевые этнографические материалы, например, адыг, который отказывается от услуг медиаторов, односельчанами осуждается, а иногда даже презирается ими³². Вокруг такого человека создается атмосфера отчуждения, которая вынуждает его в конце концов обратиться к медиаторам. По сообщению наших информаторов, часто односельчане просят конфликтующие стороны примириться «во имя Аллаха». Те, кто отказывается это сделать, ведут себя

²⁹ Там же. Тетр. 5. Оп. 1. Д. 1; Тетр. 1. Оп. 2. Д. 7; Оп. 1. Д. 1; Оп. 4. Д. 11; Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Оп. 2. Д. 2; Оп. 3. Д. 3; Оп. 8. Д. 18; Тетр. 4. Оп. 7. Д. 1; Оп. 6. Д. 1; Тетр. 2. Оп. 4. Д. 2; Оп. 7. Д. 17.

³⁰ Garb P. Op. cit.

³¹ Там же.

³² ПА. Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4; Оп. 4. Д. 12.

«не по-мусульмански». Как отмечает П. Гарб, у современных абхазов общественное мнение также направлено на то, чтобы семьи виновного и потерпевшего обратились за помощью к медиаторам для урегулирования своего конфликта³³.

Известно, что до сих пор в Северной Осетии продолжает бытовать бойкот-хьод, который являлся действенной мерой борьбы с разгулом преступности в сельской местности. Он постоянно применялся в случаях совершения умышленного убийства, изнасилования или похищения. Примером применения бойкота является решение схода селения Гизель. Сход наложил хьод на семью У., требуя прекращения хулиганских выходок со стороны молодых людей этой фамилии, постоянно нарушавших общественный порядок. После этого У-вы вынуждены были навсегда покинуть селение. Хьод был применен и в случае умышленного убийства в г. Алагир, происшедшем в 1996 г. Примирительный совет запретил виновной стороне участие в свадьбах, похоронах и других общественных мероприятиях алагирцев, предложил ей покинуть Алагир, а также присудил ее уступить детям погибшего дом убийцы. Решение ныхаса было беспрекословно выполнено³⁴.

Тем не менее, известно, что в 1950–1980-е годы имели место случаи, когда, во-первых, конфликтующие стороны несмотря на все уговоры окружающих и медиаторов, а также ст. 231 УК РСФСР, уклонялись от традиционного примирения, во-вторых, после состоявшегося примирения с помощью медиаторов и выплаты компенсации месть все равно совершалась. Такие ситуации наблюдаются и в современном адыгском обществе.

На ход современного примирительного процесса влияют многие факторы. Во-первых, как мы уже указывали,

---

³³ Garb P. Op. cit.

³⁴ Там же.

чем ближе территориально находятся конфликтующие стороны, тем сложнее посредникам добиться примирения³⁵. Во-вторых, если в исходном конфликте было совершено *убийство*, то общинники в первую очередь выясняют, были ли какие-либоотягчающие обстоятельства, свидетельствующие о дополнительной вине убийцы. Например, в 1990 г. в адыгейском селении несколько односельчан выпивали и, повздорив, сбросили одного молодого человека из своей компании в колодец. Никто в селении не захотел быть посредником в деле об убийстве, поскольку виновные не пришли к матери погибшего и не рассказали ей о случившемся. Наоборот, они попытались скрыть смерть товарища. В результате мать убитого не разрешила им даже присутствовать на похоронах сына³⁶. Если в исходном конфликте было совершено умышленное убийство, особенно при отягчающих обстоятельствах, то медиаторам и односельчанам нелегко уговорить родственников потерпевшего на примирение. По сообщению наших информаторов, в таких случаях адыги предпочитают не возмещать ущерб, а мстить. Наконец, затруднено использование традиционного посредничества и в тех случаях, когда убит родственник: чем ближе родственники, тем сложнее примирение³⁷.

Как показывают этнографические материалы автора, традиция посредничества, хоть и в ограниченной степени, но используется при урегулировании конфликтных ситуаций не только между адыгами, но и между адыгами, с одной стороны, и проживающими в соседних хуторах русскими, с другой. Например, при причинении неумышленных физических увечий во время автомобильных аварий, если виновный – русский, то его семья через медиаторов предлагает

---

³⁵ АИЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3; Оп. 4. Д. 12; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 6. Д. 16; Оп. 7. Д. 17.

³⁶ Там же. Тетр. 1. Оп. 5. Д. 13.

³⁷ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4.

семье потерпевшего адыга материальную помощь, которую последняя, как правило, принимает. Если же виновный – адыг, то семья потерпевшего русского чаще подает жалобу в российский народный суд или требует более значительного материального вознаграждения, чем то, которое обычно назначается медиаторами в таких случаях³⁸. С помощью медиаторов адыги улаживают с русскими ситуации, связанные с изнасилованием русских девушек. В этих случаях родственники виновного адыга вместе с медиаторами идут в дом потерпевшей и предлагают ее родственникам денежное вознаграждение, которое чаще всего принимается³⁹.

В 1950–1980-е годы, как правило, ни потерпевший, ни его родственники не возбуждали уголовного дела в советском народном суде по случившемуся. А. И. Барамия приводит интересные данные по Грузии. В 1960-х годах из 70 рассмотренных им случаев совершения кровной мести 79 % были возбуждены по сообщению местных органов власти (председателей или членов сельсоветов) и правлений колхозов. В 13 % случаев виновные в преступлении сами явились с повинной, 4 % преступлений были возбуждены по заявлению посторонних лиц или непосредственно были обнаружены органами дознания, и лишь 4 % – по заявлениям потерпевших или их родственников. Во многих случаях органы милиции и прокуратуры Кавказа не возбуждали уголовных дел, например, по изнасилованиям, ссылаясь на отсутствие жалоб потерпевших.

По нашему мнению, советская правовая система не оказала существенного влияния на уровень сельской конфликтности, поскольку осуждение виновного в совершении любого уголовного преступления советским судом ни в коей мере не освобождало его и его семью от угрозы совершения

---

³⁸ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 5–6; Оп. 2. Д. 7, Оп. 3. Д. 10; Оп. 4. Д. 12; Оп. 5. Д. 14; Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 10. Д. 20; Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1; Оп. 7. Д. 2.

³⁹ Там же. Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16; Оп. 7. Д. 17; Оп. 8. Д. 18.

кровной мести со стороны родственников потерпевшего. Известны случаи, когда советский суд осуждал виновного, а его семье не удавалось примириться с семьей потерпевшего, то обязательно следовала месть в какой-либо форме. Освобождение от мести могло быть осуществлено только после медиаторского примирения.

Более того, как отмечали праведы и прокуроры, даже при осуждении виновного советским судом к смертной казни родственники убитого все равно совершали кровную месть по отношению к кому-либо из членов семьи виновного. Так было в Грузии, Северной Осетии и других республиках Кавказа. Поэтому часто адыги, родственники потерпевшего, во время судебного заседания выражали просьбы об определении более мягкого приговора виновному.

Опишем случай, имевший место в Аджарии в 1967 г. Произошло убийство мужчины. Через пять лет 17-летний сын убитого убил отца виновного в исходном убийстве, 60-летнего старика. Мальчика судили в советском суде. Тем не менее жена убитого старика просила о снисхождении малолетнему убийце. Она сказала, что если он во время заключения умрет или его расстреляют, «то между нашими фамилиями кровомщение будет продолжаться и впредь, как этого требует старый хевсурский обычай». Она заявила, что ни она, ни ее родственники не имеют претензий к 17-летнему убийце. В то же время иногда потерпевший или его родственники просили суд назначить виновному смертную казнь, утверждая, что в противном случае они совершат над ними кровную месть.

Местные советские правоохранительные органы проводили политику невмешательства во внутрисельские конфликты. Во-первых, известно, что преступления на почве кровной мести, как правило, готовились открыто, как указывал А.И. Барамия, «иногда даже при одобрительном отношении к этому со стороны ближайших родственников

мстителя, и о подготовке убийства на почве кровной мести знают многие из окружающих, тем не менее никто и никогда не сообщает об этом органам власти». В тех случаях, когда правоохранительные органы знали о готовящемся убийстве, они не предпринимали никаких мер по его предупреждению и не возбуждали, согласно ст. 190, уголовных дел за недоносительство.

Во-вторых, сельчане, знавшие детали уже совершившегося преступления на почве кровной мести, отказывались предоставлять информацию в правоохранительные органы, что, безусловно, было связано с боязнью совершения над ними мести. Местные жители не называли имена преступников, а если и называли в редких случаях, то отказывались помогать в их розыске и задержании.

А. И. Барамия указывал, что обычно на судебные заседания не являлись более половины ранее указанных в деле свидетелей. П. Гарб, опираясь на сведения, почерпнутые из бесед с юристами, работавшими в советских судах, отмечает, что в 1950–1980-е годы абхазы старались давать ложные свидетельства для того, чтобы виновного в преступлении не осудили в советском суде⁴⁰. Были случаи и прямого укрывательства преступников. В-третьих, в Грузии, Армении, Чечне и других регионах Кавказа в ряде случаев правоохранительные органы не занимались розыском преступников, совершивших преступление на почве кровной мести⁴¹. И наконец, часто потерпевший, виновный и их родственники скрывали от органов милиции и суда, что убийство совершено на почве кровной мести, выдавая его за убийство при необходимой обороне, в драке, на почве бытовых неприязненных взаимоотношениях и т. п.

---

⁴⁰ *Garb P.* Op. cit.

⁴¹ *Гольст Г.* Борьба с преступлениями против личности // Социалистическая законность. 1961. № 1. С. 24.

Народы Северного Кавказа обращались и обращаются в российский народный суд в исключительных случаях, когда ни медиаторы, ни применяемые против виновного санкции не являются действенными. Такие случаи имеют место в Северной Осетии. Так, в 1992 г. в селении Чикола колхозник изнасиловал в состоянии опьянения свою пожилую соседку. Его семья отказалась выполнить требование сельского схода о выселении ее за пределы селения и, несмотря на примененный к ней бойкот, продолжала жить в своем доме. Тогда медиаторы обратились в народный суд. Насильник был арестован и осужден на длительный срок тюремного заключения.

Согласно принятой 1 сентября 1997 г. новой Конституции КБР, в республике официально сохраняется единая моноюридическая судебная система, основанная на российском законодательстве. Органами судебной власти являются *мировые* и *районные* суды. В своей работе они руководствуются исключительно новым Уголовным кодексом РФ, введенным в действие с января 1997 г. Надзор за деятельностью народных судов осуществляет *Верховный Суд КБР*.

Согласно новому УК, как и прежде, разделяются убийства, совершенные «по мотиву кровной мести» и убийства «по мотивам мести». В целом критерии их деления не изменились. Первый вид убийства рассматривается как квалифицированное убийство при отягчающих обстоятельствах» (п. «л» ч. 2 ст. 105), а второй – как простое убийство без отягчающих обстоятельств (п. «л» ч. 1 ст. 105). Убийство, совершенное по мотиву кровной мести, «обусловлено стремлением отомстить обидчику либо членам его семьи или рода за подлинную или мнимую обиду, нанесенную убийцей либо членам его семьи или рода». Как правило, кровная месть возникает в связи с убийством родственника. Субъектом такого преступления может быть только лицо, принадлежащее к той национальности или группе населения, где еще

встречается обычай кровной мести. В РФ таким регионом является Северный Кавказ (Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия). При этом само убийство может быть совершено жителем этих республик за пределами своей республики⁴².

В 1990-е годы изменились и российская правовая политика, и адыгское правосознание. После распада СССР и развала в 1993–1995 гг. советской административно-судебной машины на Северном Кавказе в Кабардино-Балкарии и Адыгее сложилась опасная криминогенная обстановка. Недавно созданные российские органы судебной и исполнительной власти в ряде случаев оказываются неспособными противостоять разгулу преступности. В последние годы нарсуды перестали играть заметную роль в урегулировании местных уголовных и поземельных конфликтов в Кабардино-Балкарии и Адыгее. Выход из сложившегося положения большинство общественных движений постсоветской Кабардино-Балкарии видит в возвращении к традициям полиюридизма и возможно более широком использовании правоохранительных институтов местного адата.

В Кабардино-Балкарии и Адыгее адатные институты пока так и не узаконены. Так, согласно п. 1. ст. 17 новой Конституции, в Кабардино-Балкарии запрещается использование неписаного права*. То же самое отмечает П. Гарб. Генеральный прокурор Абхазии, считая в целом обычно-правовую практику полезной превентивной мерой, тем не менее подчеркивает, что ее существование объясняется исключительно слабостью государственных судебных институтов. По его мнению, не следует поддерживать и расширять медиаторскую практику, а нужно укреплять официальную судебную

---

⁴² Словарь по уголовному праву. М., 1997. С. 591–592.

* Законы Кабардино-Балкарии подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативно-правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не были опубликованы официально для всеобщего сведения.

власть⁴³. Однако в ряде республик Северного Кавказа есть первые попытки легализации медиаторских судов. Так, в Ингушской Республике принят закон о воссоздании третейских судов, призванных «руководствоваться нормами адата и шариата»⁴⁴. Не получив государственного признания *de jure*, нормы и институты постсоветского адата *de facto* добились такой независимости от государства, какой они не пользовались ранее ни в советское, ни в дореволюционное время.

В 1950–1990-е годы, по сравнению с предыдущими десятилетиями, значительно изменилась типология конфликтов. С одной стороны, сократилось количество краж, ограблений и причинение умышленного тяжелого физического ущерба, с другой, значительно возросло количество случаев причинения неумышленного физического ущерба, что связано с появлением частных автомобилей и отсутствием строгого контроля за безопасностью движения на дорогах Кабардино-Балкарии и Адыгеи, в силу чего происходит много аварий с человеческими жертвами. Данное преступление, с точки зрения российского законодательства подлежащее судебному разбору, до сих пор не рассматривается адыгами как преступление. Как и ранее, горцы используют адатное понятие «ущерба» и относятся к виновному в аварии как человеку, причинившему физический ущерб всей семье потерпевшего. В 1990-е годы появились новые конфликты – земельные, возникшие при разделении колхозных земель.

Несмотря на стремление советской администрации ограничить сферу применения института мести, он, претерпев существенные изменения, в некоторой степени сохраняет свои позиции в адыгской общине. Во-первых, месть может совершаться за любой причиненный физический или материальный ущерб, во-вторых, до сих пор не существу-

---

⁴³ *Garb P.* Op. cit.

⁴⁴ Закон Ингушской Республики «О третейских судах», 1997.

ет жесткой зависимости между характером и обстоятельствами исходного конфликта и последующим совершением мести как ответа на этот конфликт, в-третьих, отсутствует четкое деление преступлений на умышленные и неумышленные, в-четвертых, отсутствуют определенные правила совершения мести в пространстве и во времени, и, наконец, сохраняется зависимость обращения к мести от желания потерпевшего и его родственников.

Тем не менее, можно говорить и о существенной трансформации, происшедшей с институтом мести за годы советской власти. В адыгских правоотношениях советского периода усилилось различие между кровниками и врагами и изменилось соотношение между ними в обществе. Если во второй половине XIX – начале XX века у горцев преобладали кровные отношения, то в 1950–1980-е годы – враждебные отношения. Поэтому можно говорить о сокращении в адыгском обществе в тот период случаев кровной мести. При враждебных отношениях горцы предпочитают использовать бескровные формы мести. Изменился и круг лиц, попадавших в группу объектов и субъектов мести. Во-первых, женщины все больше участвуют как в совершении мести, так и становятся объектом мести мужчин. Во-вторых, появилась новая категория лиц, готовых совершать убийства на почве кровной мести, а именно наемных убийц. В 1990-е годы на Северном Кавказе меняется и социально-экономическая, политическая и этническая ситуация, что отразилось и на бытовании института мести. В настоящее время северокавказские народы стали чаще к ней обращаться.

Период 1950–1980-х годов характеризовался упрочением системы «двойного» урегулирования конфликтов и возникновением тенденции рассмотрения многих из них только с помощью медиаторов при завуалированной поддержке местных судебных институтов. В большей степени эта тенденция проявилась в 1970–1980-е годы – период за-

стоя в СССР, когда был значительно ослаблен центральный и республиканский контроль над правовыми органами северокавказского региона. Результатом этого этапа правовых преобразований в Кабардино-Балкарии и Адыгее стало возрождение и укрепление некоторых норм адата и шариата и формирование полулегального положения адатно-шариатного судопроизводства.

Что же представляют собой современное постсоветское обычное право, суд и правосознание в Кабардино-Балкарии и Адыгее? Обратимы ли перемены, происшедшие с ними при советской власти? После крушения советского режима в начале 1990-х годов примирение кровников по нормам адыгского адата стало проходить совершенно открыто. Во взаимоотношениях государственного и адатного права и в организации адатного процесса наметились изменения. В первой половине 1990-х годов произошла постепенная десоветизация всей судебной-правовой системы Кабардино-Балкарии и Адыгеи. Политические деятели пытаются легализовать некоторые нормы адатно-шариатного судопроизводства. Они акцентируют внимание на том, что в настоящее время значение религиозно-адатных норм для адыгской общины возросло. Такая позиция привела к тому, что вопросы, в какой степени некоторые нормы адата и шариата могут функционировать в адыгском обществе, в какой форме они могут войти в новое судебное законодательства республик, стали очень важными.

Созданные в Кабардино-Балкарии и Адыгее в 1990-е годы общественные движения и органы общинного управления во многом стремятся применять нормы адата. Так, в 1990-е годы были ликвидированы созданные еще в конце 1920-х годов товарищеские суды. Вместо них была значительно расширена и активизирована деятельность сельских *советов старейшин*. Советы старейшин численностью 8–10 чел. занимаются рассмотрением случаев мелкого ху-

лиганства⁴⁵. В Адыгее вместо сельских советов во многих селениях созданы хасэ. В некоторых селениях хасэ объединены с советом старейшин. По нашему мнению, хасэ являются во многом искусственным органом, не выполняющим реальную роль в адыгской общине⁴⁶. В Кошехабльском районе Адыгеи на базе сельских хасэ была сформирована новая общественная организация под названием «*Кошехабльский форум*». Основная идея ее создания заключалась в необходимости иметь постоянный внесудебный орган, который бы имел официальное право в качестве медиаторов разбирать конфликты, происходящие как между адыгами, так и между ними, с одной стороны, и соседними народами, с другой, апеллируя к нормам адата⁴⁷.

На республиканском уровне такой общественной организацией стала созданная в 1991 г. в Адыгее «Лига мира». В нее вошли представители большинства общественных объединений, зарегистрированных в республике, а именно объединение «Союз славян», «Адыгэ хасэ», казачье движение. В качестве одной из главных целей «Лиги мира», определенных в ее программе, является открытие в республике *Института народной дипломатии*⁴⁸. Не менее активной является и кабардинская «Адыгэ хасэ», которая в качестве посредника принимала участие в урегулировании кабардино-балкарских земельных конфликтов, возникших в 1990-е годы в связи с попыткой ряда лидеров Балкарского национального конгресса пересмотреть территориальные границы кабардинских и балкарских селений, апеллируя к историческим корням заселения этого региона⁴⁹.

---

⁴⁵ ПА. Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17; Оп. 5. Д. 14, 13; Оп. 3. Д. 10.

⁴⁶ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4; Оп. 5. Д. 13; Оп. 2. Д. 7.

⁴⁷ Там же. Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18.

⁴⁸ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3–4; Оп. 3. Д. 10; Оп. 5. ДД 13, 15; Тетр. 2; Оп. 8. Д. 18; Оп. 4. Д. 11–12.

⁴⁹ Подробнее об этом см.: Бабич И. Л. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. Т. 1, 2. М., 1994.

Примирительные комиссии в Ингушетии: история и современность

В настоящее время во всем мире формируется новая концепция, предполагающая применение внесудебных, альтернативных практик разрешения различного рода конфликтов, которая в международной практике получила название «Восстановительное правосудие». Под этим термином понимаются разные практические модели реагирования на преступления, которые объединены общей целью и идеологией: направленностью на психологическое и душевное исцеление жертв, ресоциализацию правонарушителей и восстановление отношений между ними, обществом и государством. Краеугольным камнем здесь является не наказание, а примирение сторон и всестороннее возмещение ущерба¹. Восстановительное правосудие призвано изменить подход к преступлению и наказанию. Оно не отменяет официальную форму правосудия, а дополняет ее, вовлекая в этот процесс сами стороны и общественность для решения последствий преступления, способствуя социальной реинтеграции преступника и уменьшая количество уголовных наказаний.

В ряде стран нормы о посредничестве в уголовных делах вошли в законодательство. Это можно пронаблюдать в тех государствах, в которых мультикультурализм положен в основу правовой политики (Канада, Австралия, Индия, Израиль, Великобритания, отчасти США). В этих государствах признается возможной юрисдикция этнических сообществ в вопросах семейного и отчасти гражданского права. Более того, практика уголовного преследования в США признает

---

¹ *Каирбаева Л.* Восстановительное правосудие и ресоциализация осужденных. Автореф. дисс. ... докт. философ. наук. Астана, 2010.

возможным принимать во внимание культурные нормы лиц, проходящих по уголовному делу. По одному уголовному делу американка японского происхождения утопила двоих малолетних детей и сама пыталась (неудачно) покончить жизнь самоубийством из-за измены мужа. Суд признал эти действия соответствующими древнему японскому обычаю и практически оправдал ее, назначив один год тюремного наказания, который она провела, находясь под следствием. По другому уголовному делу суд оправдал американца китайского происхождения за убийство жены вследствие ее неверности, сочтя эти действия согласующимися с китайским обычаем смывать позор. Тем самым признается право на культурное различие, но нарушается принцип формального равенства².

В нашей стране специалистами центра «Судебно-правовая реформа» с 1997 г. вполне успешно ведется работа по разработке концепции восстановительной медиации³. «Сегодня в разных регионах России проводятся пилотные проекты в этой области. Движение растет, его активными участниками становятся и юристы, теоретики и практики. Проведенный в январе 2003 г. в Институте государства и права РАН семинар, организованный этим Институтом совместно с центром «Судебно-правовая реформа», явился событием знаменательным – фактически он стал знаком официального признания российской правовой наукой этого вектора развития правосудия. Имеющиеся в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве нормы о прекращении дел определенных категорий в связи с примирением сторон, а также норма об учете возмещения ущерба как смягчающего обстоятельства при назначении

---

² *Честнов И. Л.* Социально-антропологическое измерение прав человека в глобализирующемся мире // История государства и права. 2009. № 13. С. 34–35.

³ *Максудов Р.* Восстановительная медиация: на пути к разработке концепции // Вестник восстановительной юстиции. 2010. № 7. С.7.

наказания являются некоторой законодательной первоосновой для складывания восстановительного сегмента в уголовном судопроизводстве»⁴.

Идеи восстановительной юстиции требуют более широкой реализации, что особенно актуально для традиционных обществ, где сильны общинные формы социального контроля и многие конфликты, включая те, которые в современном обществе квалифицируются как преступление, решаются при посредничестве старейшин⁵. Такая практика характерна для республик Северного Кавказа: Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечни, где еще сохраняется обычай кровной мести. Вместе с тем убийства, совершаемые по мотиву кровной мести, встречаются не только в регионах Российской Федерации, но и во многих странах мира, например, в Греции, Албании, Сербии, Италии, на Корсике, в Японии, в странах Ближнего Востока. Этот древний обычай общинно-родового строя также бытует на территории Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Грузии, Абхазии, Азербайджана.

Бытует мнение, что месть характерна только для определенных наций и народностей. Однако нельзя не согласиться с известным специалистом по юридической антропологии Н. Руланом, который считает, что «месть не является диким импульсом, ее осуществление проистекает из целого комплекса четко отработанных механизмов – системы возмездия. С другой стороны, мера наказания не является завершением процесса развития, начинающегося с мести: наказание и месть сосуществуют в любом обществе, будь то общество традиционное или современное»⁶.

---

⁴ Карнозова Л. На пути к новой парадигме уголовной юстиции // Индекс/Досье на цензуру 18/2003 / <http://www.index.org.ru/journal/printed.html>.

⁵ Зюков А. М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир: ИП Журавлева, 2009. С. 90.

⁶ Рулан Н. Юридическая антропология. / Пер. с франц.; Отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1999. С. 34, 172.

Убийство, даже совершенное по неосторожности, непременно порождало другое, так как родственники убитого мстили за его смерть убийце. Эта месть за смерть и называется кровной мстью или кровной враждой (инг. дов), а люди, которые враждуют друг с другом из-за убийства, – кровниками или состоящими в кровной вражде (инг. до-вхой), мститель (пхья лехар), убийца (пхья боаллар).

Кровную месть способна вызвать не любая обида, а только та, которая, по народным обычаям, карается исключительно кровомщением. Естественно, что нормы обычного права у каждого народа свои, а следовательно, и причины возникновения кровной мести разные.

Так, у ингушей помимо убийства кровной мстью преследовались и другие действия: насилие, увечье, похищение женщины, изнасилование, прелюбодеяние с замужней женщиной, соблазнение незамужней. А в некоторых случаях и кража девушки. Как известно, на Кавказе крали как по согласию, так и силой⁷. Ф. Леонтович писал, что «дела эти возбуждают у туземцев самые сильные страсти, отуманивают их горячие головы и побуждают туземцев на самые отчаянные и кровавые преступления»⁸. Шотландские миссионеры, занимавшиеся проповеднической деятельностью в Ингушетии в 1822 г., в своих отчетах писали, что «между ними нет почти ни одного пришедшего в полный возраст человека, который не был бы виновен в пролитии крови или не искал отмщения в том за родственника своего или приятеля»⁹. Этот обычай был распространен повсеместно как в горной части Ингушетии, так и на равнине.

---

⁷ Александров А. А. Мечь. Рассказ из нравов и обычаев ингушей // Терские ведомости. 1905. № 272, 273, 274.

⁸ Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 148.

⁹ РГИА 797: 19–19 об.

В современной Ингушетии кровная месть еще отчасти сохранилась, и поводом к ней служат все те же причины, что и в прежние времена. Общественное отношение к этому обычаю в общем негативное, но его бытование столь продолжительное время связывают с тем, что закон кровной мести людям необходим: он показывает, что жизнь и судьба человека бесценны и любое посягательство на них не может остаться без последствий. Иными словами, смысл кровной мести понимается не в самом физическом уничтожении противника, а в том, чтобы заставить его ценить и уважать жизнь любого человека. Мсть имеет императивный характер, потому что она является ответным актом за содеянное преступление. Это своего рода «двусторонний обмен, вытекающий из возврата оскорбления и перемены ролей оскорбителя и оскорбленного. Обида вызывает контробида, и начальное отношение переворачивается: теперь оскорбленный становится оскорбителем, и наоборот. Таким образом, мсть перестает быть желанием, которое подавляет и обуздывает закон, а становится нормой, которую закрепило общество»¹⁰.

Мстить можно только в том случае, если известен преступник, но если есть даже малейшее сомнение в виновности подозреваемого, ингуш должен принести очистительную присягу на Коране¹¹ – это снимает с него обвинение.

Независимо от того понес убийца уголовное наказание, установленное государством, или нет, он обязательно должен пройти официальную процедуру примирения в присутствии представителей духовенства и членов примирительной комиссии. Только пройдя обряд примирения, человек обретает «свободу». Важная деталь обычая: попытки к примирению кровники предпринимают, как только узнают о трагедии, и так продолжается до тех пор, пока не будет по-

¹⁰ Verdier R. Le systeme vindicatoire // La Vengeance: Etudes d'ethnologie, d'histoire et de philosophie. Paris: Editions Cujas, 1980. Vol. 1. P. 1–174.

¹¹ Ахриев Ч. Присяга у ингушей // Терские ведомости. 1868. № 47.

лучен положительный результат, – месяцы, годы и даже десятилетия. Впрочем, нельзя не отметить, что есть категория людей, которые никогда не простят кровь, хотя и не будут мстить: их цель заключается в том, чтобы объект мести жил в вечном страхе. Это тоже своего рода возмездие, так как до официального примирения люди считаются кровниками. Каждое примирение приносит облегчение многим участникам конфликта, так как одним не надо больше скрываться, а другим бесконечно искать кровников.

Попытаемся разобраться, почему местное население бывает не удовлетворено наказанием, предусмотренным уголовным кодексом РФ, и находит удовлетворение в примирении по местным адатам. Как известно, кровная месть в 2 % случаев заканчивается смертельным исходом и в 60 % – примирением без внесения кровной платы, «ради Аллаха». При этом люди руководствуются не желанием пролить чужую кровь или нажиться на собственной трагедии, а желанием наказать группу, к которой принадлежит убийца. В суде преступник несет индивидуальную ответственность за содеянное, а его семья, род, религиозное братство, в котором он состоит, не подвергаются никакому наказанию. Тогда как по местному адату наказываются родственные и духовные общины – здесь все еще сохраняется групповая ответственность за члена социума. Таким образом, каждый ингуш знает, что за убийство должен будет ответить не только он сам, но и его близкие. «Обида, направленная против одного индивида, касается в целом и его группы, ставя его в положение некоего обмена с обидчиком и его группой: эти последние уже приняли на себя долг в отношении оскорбленного и его группы, неизбежным следствием которого является обязательство тяжело отомстить оскорбителю и его группе»¹².

---

¹² Рулан Н. Юридическая антропология: Учебник / Отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: Норма, 2000. С. 174.

В Ингушетии на 2011 г. в состоянии кровной вражды находится 73 семьи. Казалось бы, количество небольшое, но ингуши – малочисленный народ, имеющий разветвленную сеть родственных отношений, это тейповая и сложная вирдовая структура. Вражда между 73 погибшими распространяется на родственников по материнской линии, по отцовской, по линии дедов и бабушек и т. д. Это сотни людей, не знакомых ни с погибшим, ни с тем, кто его убил, но вовлеченных в этот магический круг. О вступлении враждующих семей в отношения родства через брак не может быть и речи даже после примирения. Крайне редко, но бывают случаи разводов после объявления кровной мести, несмотря на то, что в Ингушетии к разводам отношение негативное. Если трагедия произошла между близкими родственниками, то коллективная ответственность меньше: представитель жертвы по крови не может мстить своему близкому родственнику по мужской линии, виновного в убийстве другого родственника по мужской линии (отец, сын, брат). Хотя женщина как активная мстительница не фигурирует, она может выступать и как «подстрекатель», и как «миротворец».

Необходимо отметить и еще одну очень значимую деталь: кровомщение распространяется только на те народы, у которых она бытует. После экспедиционных поездок в Ингушетию в 1919–1921 гг. Н. Ф. Яковлев посвятил кровной мести две большие главы в своем основательном труде «Ингуши». Он отмечает, что «в ингуша глубоко внедрился взгляд, что другой, такой же, как и он, ингуш не может насильственно навязывать ему ничего, что стеснило бы его свободу, или тем более причинило ему ущерб. В противном случае насильник должен понести кровную ответственность перед обиженным <...> кровная месть у ингушей на русских не распространялась. Наоборот, со своими старыми соседями-мигорцами: осетинами, чеченцами и даже кабардинцами – ингуши считались родством, водили дружбу (куначество),

а при случае расплачивались кровной мезтью»¹³. Кровная мезть имеет свои правила, и с годами они не сильно изменились, в частности, кровомщение распространяется на свой социум, членам которого этот обычай известен с рождения.

Кровная мезть как противоправный, антиобщественный обычай вызывал тревогу у местного населения. Активную борьбу с этим злом стали вести с самого начала XX в. Сходом представителей ингушского народа в 1907 г. был принят приговор по искоренению существующего в обществе обычая кровной мести. Собравшиеся отмечали, что «кровная вражда, причиняя неисчислимые бедствия населению, влечет к самоуничтожению как физическому, так и нравственному». Общество постановило прекратить навсегда обычай кровной мести как противоречащий учению Корана, и всем без исключения кровникам из среды ингушей совершить между собой примирение до 1 июля 1907 года, а по могущим впредь возникнуть столкновениям – примириться в месячный срок. Для примирения был избран медиаторский суд, состоявший из 4–6 медиаторов из числа выборных под председательством муллы того селения, к которому принадлежит убитый или раненый. Если возникнут жалобы, то дело примирения должно быть пересмотрено советом медиаторов от всего округа при участии не более 3 медиаторов от каждого участка по приглашению сторон под предводительством народного кадия и при участии муллы или мулл селений, к которым принадлежат примиренные стороны. Совет медиаторов являлся высшей инстанцией для обжалования, и решение его было безапелляционно. Жалобы на неправильное решение медиаторского суда должны были передаваться на рассмотрение народному кадию в недельный срок со дня постановления. Лица, не подчинившиеся всенародному решению, должны были высылаться из пределов округа и

¹³ Яковлев Н. Ф. Ингуши: Попул. очерк. М.; Л.: Гос. изд., 1925. С. 116.

области в отдаленные губернии навсегда с семьями и исключаться из списков своего села¹⁴. Приговоры ингушского общества имели существенные результаты, были достигнуты перемирия между многими кровниками. Однако в это смутное время трудно было достигнуть поставленной обществом цели – обычай кровной мести оказался очень живучим, и в местной среде оставались семьи, состоявшие в непримиримой кровной вражде.

После установления советской власти в 1920 г. ингуши снова создали «комиссию по примирению». В задачи комиссии входило объехать все аулы Ингушетии и в каждом населенном пункте произвести примирение всех кровников. Комиссия привлекла к своей работе наиболее уважаемых местных жителей, духовенство и представителей влиятельных в народе религиозных братств. Была проделана огромная работа, все случаи кровной мести подробно изучались и записывались. Согласно обстоятельствам дела и обычаям, комиссия устанавливала величину выкупа, который должна была уплатить сторона ответчиков. Цена крови была определена в 500 тыс. рублей советскими денежными знаками. «После расследования всех обстоятельств дела и установления размеров “выплаты за кровь” комиссия организовывала сам обряд примирения, строго придерживаясь всех обычаев старины. Только строгое соблюдение адата должно было связать мстителей и обеспечить ответчиков от новой вспышки вражды. В противном случае мстители всегда могли бы сослаться на недействительность примирения и снова начать преследование убийцы»¹⁵.

Между тем, обычай кровной мести как наиболее архаичный и опасный вид преступления продолжал бытовать. Советское государство наряду с культурно-воспитательной работой вело борьбу с пережитками прошлого мерами уго-

¹⁴ Ингушские народные приговоры // Терские ведомости. 1907. № 97. С. 3.

¹⁵ Яковлев Н. Ф. Ингуши: Попул. очерк. М.; Л.: Гос. изд., 1925. С. 122.

ловно-правового характера. «В 1928 году в уголовный кодекс РСФСР была введена глава X «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Ее действие ограничивалось в основном районами Северного Кавказа, где до этого существовали шариатские суды. Статьи 203–204 главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к тяжелым уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагере сроком на один год. Подобные наказания были сохранены в российском Уголовном кодексе, принятом в 1961 году»¹⁶. Продолжая борьбу с духовенством, 5 ноября 1928 г. ВЦИК РСФСР принял постановление «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести». Постановление дополняло Уголовный кодекс Российской Федерации новой главой «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта»: «В целях ликвидации случаев кровной мести, возникающих на почве убийств и нанесения телесных повреждений, при окружных или районных и волостных исполнительных комитетах организуются примирительные комиссии в составе: представителя соответствующего исполнительного комитета (председатель), народного судьи, двух представителей общественных организаций и представителя местной женской организации. Примирительные комиссии собирают сведения о лицах, враждующих между собой на почве кровной мести»¹⁷. Распространялось постановление ВЦИКа «на автономные области, краевые (областные) объединения и губернии, в которых существовал обычай кровной мести»¹⁸. Однако работа указанной комиссии не принесла ощутимых результатов, так как местное население не рассматривало ее как компетентную инстан-

¹⁶ Бобровников В. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5 (13). С. 5.

¹⁷ Собрание Указаний. 1928. № 141.

¹⁸ Лебедева А. Кровная месть // Южный репортер. 2005, 31 октября // <<http://reporter-ufo.ru/681-krovnaja-mest.html>>.

цию, способную разбирать вопросы мести с учетом местного адата и шариата. Такая ситуация сохранилась вплоть до выселения ингушей и чеченцев в Казахстан и Киргизию в 1944 г. Во время депортации кровники ходили вдоль эшелонов, искали своих «обидчиков» и прощали их. Но многие так и остались непрощенными, поэтому сразу после возвращения на родину чеченцев и ингушей, с 1957 г. в каждом районе Чечено-Ингушетии начали действовать примирительные комиссии. Это было не только государственным решением, но и волеизъявлением народа, так как после страшных испытаний, выпавших на долю народа в период ссылки, казалось, что лучше простить кровников и жить в мире, нежели враждовать, тем более что после возвращения многим кровникам приходилось жить рядом. Из полевых материалов следует, что в период депортации народ был поставлен на грань выживания, и кровная месть впала в состояние амнезии. После возвращения органы власти попытались сделать все, чтобы не реанимировать институт кровной мести, но, как видно, не очень успешно.

Наглядно иллюстрируют работу комиссии по примирению кровников «Материалы примирительной комиссии по селению Сурхахи Назрановского района Чечено-Ингушской АССР», хранящиеся в фондах Ингушского государственного музея краеведения им. Т.Х. Мальсагова. Из видеоряда следует, какое большое значение придавалось этой работе. В примирении кровников принимали участие министр внутренних дел и охраны общественного порядка Чечено-Ингушской АССР, генерал внутренней службы III ранга М.П. Дроздов; председатель Республиканской примирительной комиссии Абдул-Вагап Тепсаевич Тепсаев; председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР по вопросу порядка проведения перемирия Ильяс Абдулаевич Алмазов¹⁹.

---

¹⁹ ПМА. 2010.

Сколь основательна и масштабна была эта работа, можно судить и по уровню ее всесторонней подготовки. Так, специально для парработников, ответственных за решение этой проблемы в Чечено-Ингушской АССР, по партийной линии издавалась «Памятка по примирению кровников»²⁰.

В эти комиссии входили авторитетные люди: старейшины, прокурор, начальник милиции, мулла. «Я был членом одной из таких комиссий, – вспоминает Муса Хадисов. – Мы вызывали кровников и с ними беседовали. Бывало, что они отказывались от кровной мести. За это их поощряли: давали машины вне очереди, выделяли земельные участки, могли продвинуть по службе»²¹.

Советское государство умело использовало не только административный ресурс, но и гибко применяло Уголовный кодекс. «Была статья 231 в УК РСФСР 1960 года – “Уклонение от примирения”. Вплоть до 1997 года это считалось преступлением, влекло до двух лет заключения. Применялась она в тех “автономных республиках, автономных областях и других местностях РСФСР”, где сохранялись “пережитки местных обычаев” (аналогичные положения содержались в кодексах некоторых бывших союзных республик). Наказывалось, по этой статье, “уклонение родственников убитого от отказа применения кровной мести в отношении убийцы и его родственников, осуществляемого в порядке, установленном положением о примирительном производстве по делам о кровной мести”. Иными словами, традиционное примирение формально признавалось правовым институтом даже в эпоху всепроникающего советского официоза»²². Это был сильный рычаг давления на тех, кто не хотел примириться.

²⁰ *Леонтьева Л.* Хрустальный мир Северного Кавказа // Открытая газета [Ставропольский край]. 2010, 27 января – 3 февраля. № 3 (393) <<http://www.opengaz.ru/issues/03-393/peace.html>>.

²¹ *Светова З.* Кто, почему и как мстит сегодня в России? // Сайт радио «Абсолют». 03.10.2008 <<http://www.radioabsolut.ru/news-view-1780.html>>.

²² *Левинсон Л.А.* Потерпевшим быть обязан // Индекс [журнал]. 2003. № 18 <<http://www.index.org.ru/journal/18/18-levinson.html>>.

Весь комплекс описанных мероприятий по примирению кровников превратил республику в очень спокойный регион: по числу тяжких преступлений она была самой благополучной в Российской Федерации²³.

После распада СССР прежняя система административно-го и уголовного наказания была ликвидирована. Согласно ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса, отягчающим обстоятельством является совершение убийства по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести. По сравнению с прежней формулировкой ст. 102 УК 1960 г. («убийство, совершенное на почве национальной или расовой вражды или розни») в новый УК, как видно, внесены уточнения; кроме того, в этот пункт включено и убийство на почве кровной мести. В УК РСФСР это был самостоятельный пункт «к» ст. 102 [УКРФ].

В остальных положениях Уголовного кодекса Российской Федерации его составители обошли этот вопрос как несуществующий. Однако на местном уровне вопрос, как и прежде, очень актуален, ему уделяется огромное внимание и местными органами власти, и духовенством, и обществом в целом. В традиционном ингушском социуме всегда были сильны общинные формы социального контроля, где многие конфликты, включая те, что в современном обществе квалифицируются как преступление, решались на сходах или советах старейшин и примирительными комиссиями. Как справедливо отмечает профессор Я. И. Гишинский, «в традиционных обществах, где сильны общинные формы социального контроля, многие конфликты, включая те, что в современном обществе квалифицируются как преступление, решаются на сходах или старейшинами (при посредничестве старейшин) и, видимо, поэтому показатели многих

---

²³ *Леонтьева Л.* Хрустальный мир Северного Кавказа // Открытая газета [Ставропольский край]. 2010, 27 января – 3 февраля. № 3 (393) <<http://www.opengaz.ru/issues/03-393/peace.html>>.

видов преступности на Северном Кавказе среди национальных субъектов Российской Федерации самые низкие. Так, в 2004 г. уровень зарегистрированных убийств в Дагестане был 7,5; в Ингушетии – 9,3; в Кабардино-Балкарии – 10,5; в Адыгее – 11,9 при среднероссийском – 21,9. Уровень причинения тяжкого вреда здоровью – в том же году в Ингушетии – 5,3; Дагестане – 6,4; Кабардино-Балкарии – 13,2; Карачаево-Черкесии – 20,6 при среднем по России – 39,8. Уровень разбоев составлял в Ингушетии – 10,1; в Дагестане – 7,4; в Кабардино-Балкарии – 15,4 при среднероссийском – 38,5»²⁴.

Статистика говорит за себя: на Кавказе еще очень силен социальный контроль антиобщественного поведения. Любой человек, совершивший аморальный поступок, будет подвергнут остракизму. Если семья будет поддерживать его, то и ее постигнет та же участь. В чем она выражается? С этими людьми не будут общаться, и даже когда они умрут, в последний путь их будут провожать только близкие родственники, без соответствующей похоронной обрядности с участием мюридов, родственников и друзей.

Живучесть обычая кровной мести вынуждает местные власти создавать на государственном уровне примирительные комиссии, которые будут выполнять функции регулятора. Так, с 6 сентября 1995 г. распоряжением Р. С. Аушева были приняты меры по предупреждению преступлений, совершаемых на почве кровной мести, 15 сентября того же года утверждено «Положение о примирительных комиссиях по делам кровной мести»²⁵. Эту работу продолжил М. М. Зязиков, а затем и нынешний президент Республики

---

²⁴ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Р. Асланова; Юридический центр Пресс, 2007. С.100.

²⁵ Патиев Я. Хроника истории ингушского народа с древнейших времен до наших дней. Махачкала: Лотос, 2007. С. 307.

Ингушетия Юнус-бек Евкуров. Для достижения положительного результата в вопросах кровной мести в республике созданы примирительные комиссии, которые ведут учет всех кровных дел и силами общества решают эти сложные вопросы. При администрации Президента Республики Ингушетия функционирует отдел по связям с общественностью, который наряду со своей работой занимается и сбором сведений о кровниках. Начальник этого отдела Абдул-Азиз Гудантов отметил, «что работа его отдела по примирению ведется совместно с Муфтиятом РИ, известными в республике алимами и уважаемыми старейшинами. А также в нужных местах подключаем родственников, которым трудно отказать в прощении крови, чиновников, которые способны своим служебным положением или авторитетом повлиять на прощение крови и, если необходимо, к переговорному процессу подключается президент Ю. Б. Евкуров»²⁶.

Вместе с тем основная работа в этом направлении приходится на долю Духовного управления мусульман республики, где ведут тщательный учет примиренчества, вся статистика по кровникам – неофициальная и не подлежит огласке. С материалами этой комиссии работает лично Муфтиятий Иса Хамхоев. В официальном списке кровников, составленном по различным населенным пунктам Ингушетии на 1 января 2009 г., числилось 180 человек, среди которых не достигнуто примирение. За текущий год в республике примирились около 104 кровников²⁷. Значит, еще много работы предстоит сделать членам примирительной комиссии. Нужно отметить, что эта работа ведется на общественных началах и никак не оплачивается.

В состав комиссии входят представители всех населенных пунктов республики – примерно по семь человек от каждого. Это старейшины родов, духовные лидеры и по-

---

²⁶ ПМА. 2011.

²⁷ ПМА. 2010.

читаемые в народе люди независимо от их возраста. Члены примириательной комиссии ведут свою трудную и кропотливую работу годами, пока не добьются положительного результата. Значительная часть этих людей имеет многолетний опыт, и поэтому их привлекают к такой работе, когда хотят получить положительный результат. Каждая семья имеет право выбора людей, которым она доверяет решать вопросы, связанные с примирением семей. В каждом населенном пункте есть люди, занимающиеся этими вопросами всю жизнь. Главная роль примириательных комиссий – разъяснительно-предупредительная.

Ранее сумма откупа за убийство составляла 100 000 руб., но 5 июня 2010 г. конференция мусульман Ингушетии приняла решение увеличить эту сумму до 1 000 000 руб. Почему ингушское общество решило, что увеличение суммы может дать положительный результат? Заместитель председателя примириательной комиссии Ингушетии, председатель примириательной комиссии по Малгобекскому району и городу Малгобек Алихан Ахметович Муцольгов в интервью прокомментировал это решение так: «Можно снизить убийства, которые совершаются водителями транспортных средств по халатности <...> Сумма откупа же станет не только бременем для виновного, но и подспорьем для семьи, которая потеряла кормильца. [И далее вопрос интервьюера:] Бытует мнение, что закон кровной мести – сдерживающий фактор, что он жизненно необходим для Ингушетии. Ваше мнение созвучно с этим мнением? – Любое мнение имеет право существовать, в том числе и озвученное Вами, которое действительно бытует. Сугубо мое мнение, как индивидуума, что это пережиток прошлого, когда кровь проливается, и это никак не может считаться необходимостью»²⁸.

²⁸ *Цечоев Б.* Повышение «тарифа» за убийство, как сдерживающий фактор (интервью Алихан-хаджи Муцольгова) // Живой журнал пользователя beslan_cechoev. 24.11.2010 <<http://beslan-cechoev.livejournal.com/>>.

Примирение – богоугодное деяние, и поэтому члены примирительной комиссии и днем и ночью ищут слабые стороны каждого рода, чтобы потом использовать их для примирения кровников. Это необходимо для того, чтобы получить положительный результат. Ораторское мастерство, такт, знание местных адатов и шариата позволяют им решать многие кровные дела. Однако нужно отметить, что примирение происходит часто из-за того, что старшие рода и семьи решились на примирение во избежание кровопролития, даже если некоторые члены семьи не согласны. Это не обсуждается и не оглашается, так как еще сильны устои патриархального уклада ингушской семьи, где решение старшего – закон для младших. Для достижения положительного результата к переговорному процессу подключают авторитетных родственников по отцовской и по материнской линиям, которые смогут напрямую уговаривать и приводить различные доводы в пользу примирения.

«Магомед-хаджи Аушев долгое время был главой примирительной комиссии села Сурхахи. На его счету более 20 удачных “миротворческих операций”. Он рассказывает, что все случаи кровной мести делятся на сложные и простые. Простые – это когда человек погиб в ДТП, или в драке кто-то ударил его сильнее, чем хотел, словом все ситуации, где не было умысла убить. В таких случаях мира почти всегда можно достичь, но даже тут сразу почти никогда не прощают, “нужно время, чтобы у человека отболело сердце, мы приходим к нему и просим смириться пять раз, десять, двадцать – капля камень точит,” – говорит Магомед-хаджи, – “если человек упрямится, его будут попрекать, что отказал почтенным людям: чем авторитетней примиритель, тем сложнее отказать”. Другое дело, когда убийство было намеренным, а тем более жестоким, если убил пьяный, это, как и в российском суде, отягчающее обстоятельство. В та-

ких случаях прощают редко»²⁹. Перед медиаторами стоит сложная задача – важна объективная оценка происходящего. В тех случаях когда необходимо получить нужные сведения о ДТП, они обращаются в соответствующие структуры для правильной оценки случившегося.

«Примирительная комиссия – орган по-своему бюрократический. Все акты примирения протоколируются. В них записывается и количество жертв кровной вражды. Жители села, где происходило примирение, ставят свои подписи как свидетели. Вот цитаты: “Жители села Сагопши Малгобекского района благодарят председателя примирительной комиссии Латырова Сосарко за труд в деле примирения кровников Мержоевых – Холухоевых, Мержоевых – Белхороевых (погибли 8 человек, ранены 2 человека)”;

“Жители села Яндаре выражают признательность Латырову Сосарко за примирение кровников пяти тейпов (погибли 7 человек). Сосарко провел огромную работу по примирению. Да поможет ему Аллах!”;

“Семья Батажевых (станция Троицкая) выражает свою глубокую признательность Латырову Сосарко за устранение кровной вражды 50-летней давности и примирение нас с кровниками Алиевыми из поселка Дачное”»³⁰.

Процедура примирения

Примирение в разные исторические периоды имело свои особенности. Так, «убийца, желающий примириться с родственниками убиенного для избежания мщения, приходит к беголу*, просит его о примирении, доколе же собрание не решит его дело, находится безотлучно в доме бегола, коего жилище мстителем неприступно. То же самое, ежели убий-

²⁹ Джемаль О. Неделя мира в Ингушетии // Живой журнал пользователя orkhan. 2009-03-02 <<http://orkhan.livejournal.com/>>.

³⁰ Халип И. «Ингушский синдром» // Белорусская деловая газета 2004. 04. 06.

* Бегол – глава общенародного правления (XIX в.).

ца был в побеге за пределами отечества, прибежит в дом к беголу, может в оном быть от всех поисков безопасен до народного решения»³¹.

Другим средством примирения служило молочное родство: «Убийца тайком пробирается к матери убитого и, с ее согласия или при помощи насилия, прикладывает губами к ее груди. После этого он становится молочным братом убитого, т. е. роднится с ним и таким образом избавляется от мести как член того же рода»³². Избежать кровной мести можно было еще одним способом: «любой убийца, забежав в чужой дом, мог схватиться за очажную цепь. После этого он становился родственником хозяина дома, и хозяин должен был разделить с ним участь убийцы. Такая семья принимала на себя бремя кровной мести, и с тех пор уже обе семьи преследовали кровники»³³.

Эти средства примирения кровников были весьма редки, так как ингуши воспринимали их как унижающими честь и достоинство мужчины.

Кроме вышеописанных способов насильственного примирения, существовало официальное примирение. Для этого «убийца, отрастив волосы на голове и бороде, без оружия, в изорванном платье, с бледным и исхудалым лицом и вообще с внешним видом, соответствующим предстоящему трагическому моменту, отправляется на могилу убитого и дает знать родственникам последнего, что он кровник с повинной головою в полном отчаянии с разбитым сердцем и слезами на глазах, лежит на дорогой им могиле, вымаливая у Бога прощения. До прихода родственников убитого, которые умышленно тянут дело, подстрекаемые женщинами,

---

³¹ Бутков П.Г. Из описания ингушей // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 13.; ЦГВИА Кол. 482. Д. 192. ЛЛ. 150–153.

³² Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 157.

³³ Там же.

кровник со своими родственниками ложится ничком на могилу, нанося себе побои кулаками, и горько плачет. Стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбе. На помощь кающемуся являются старики и убеждают родственников убитого простить убийце его проступок. Если удалось привести родственников убитого к могиле, то с этого момента вражда прекращалась, убийца устраивал пир, и дело кончалось принятием его в род убитого посредством установления духовного родства между ними»³⁴.

В разные исторические этапы обряд примирения менялся. Об этом можно судить из материалов опубликованных источников. Так, например, описывает процедуру примирения К. Б. Шетихин: «На кладбище на высоком месте закреплялся флаг, а вокруг кладбища ходили родственники убийцы с разноцветными флагами (белыми, красными, синими, желтыми и зелеными), совершая духовную процессию. В это время убийца лежит на могиле и громко кается в совершенном преступлении и просит у покойного прощения, а родственники убийцы ходят вокруг кладбища и поют молитву; ходатайствуют перед родственниками убитого о прощении и примирении кровников посредники из сторонних фамилий, такая церемония может продолжаться до трех дней»³⁵.

Формы примирения с принятием ислама претерпели некоторого рода изменения.

Современное примирение происходит в окрестностях соборной мечети, но в молитвенном доме и во дворе мечети допускается только молебен, а прощение крови должно происходить за его пределами. Поэтому процедуру примирения назначают после дневной пятничной молитвы, так как на нее собирается огромное число прихожан. По ингушским

³⁴ Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. С. 104.

³⁵ Шетехин К.Б. Примирение кровников // ТВ. 1898. № 152.

обычаям, женщина не посещает мечеть, следовательно, нет и традиционного деления на женскую и мужскую половину. На примирении кровников женщины не присутствуют ни в качестве свидетелей, ни в качестве участниц церемонии – здесь собираются только мужчины. Глава пострадавшего рода или ближайший родственник погибшего объявляет, что с этого момента претензий ко всем ответчикам по мести и убийце нет, он прощает «кровников»³⁶. Клятвенно заверив, что если когда-либо и где-либо кто-то из родственников убитого нарушит сегодняшнюю договоренность, то род убитого за этого нарушителя ответственности не несет. Это отклонение от нормы, и случается крайне редко. От таких людей общество отрекается, они становятся изгоями как клятвопреступники.

После объявления о прощении по знаку посредников появляются представители «виновной» семьи во главе со старейшинами рода и членами примирительной комиссии. Они направляются в сторону пострадавшего рода медленно, молча, с опущенными головами. Подойдя, мужчины становятся в шеренгу; кровники пострадавшей семьи подходят к каждому из них,жимают руку, обнимают и говорят: «Я прощаю тебя ради Аллаха (аз пха битар хиона Даъла духь)»; затем прощенные благодарят, те и другие обнимают друг друга и расходятся с миром³⁷. Нужно отметить, что в примирении кровников участие непосредственного виновника не обязательно. Поэтому, в большинстве случаев, на процедуре примирения самого обвиняемого не бывает. Тогда как в соседней Чечне это является одним из обязательных ритуалов обряда примирения кровников.

---

³⁶ Об этом более подробно в статье «Кровная месть в современной Ингушетии» // Этнографическое обозрение. (в соавт. с И. Л. Бабич) 2010. № 6. С. 67–78.

³⁷ ПМА. 2010.

Прощение кровника, по шариату, – богоугодное деяние, и поэтому самую значительную, трудоемкую и ответственную часть работы берет на себя ингушское духовенство. Значительная часть нравственного воспитания и духовно-просветительской работы с населением проводится во время ритуала примирения кровников. Большое морально-психологическое воздействие на население оказывает местное телевидение, которое транслирует на канале «Вести» процедуры примирения. Этот видеоматериал позволяет донести до населения важность и значимость прощения. Основной упор делается на то, что на тех, кто простил кровь близких ради Аллаха, лежит особая благодать. Трактуются это так: «в ссудный день Аллах попросит встать рядом с ним тех, кто отказался от мести ради него. И скажут остальные, чем они заслужили такую награду. Он ответит – это те, кто заслужили рай, так как простили кровь близких ради меня»³⁸. Подобных высказываний из Корана на примирении бывает много. Исследователи шариата, опираясь на Коран, считают, что Священное писание не поощряет кровную месть³⁹ и у родственников убитого есть выбор: месть – и затем период постоянного страха в ожидании ответного шага или примирение ради Аллаха.

Примирильная комиссия ставит своей целью разрешить конфликт через восстановительную медиацию. Члены комиссии не занимаются воспитанием или перевоспитанием кровников, но при этом они проводят огромную воспитательно-разъяснительную работу на местах о недопустимости кровной мести. Очевидно, что на данный момент обычай кровной мести находится в стадии трансфор-

---

³⁸ ПМА. 2010.

³⁹ Сюкияйнен Л.Р. Шариат, обычай, закон: координаты правового бытия российского мусульманина // Человек и право: Книга о Летней школе по юридической антропологии (г. Звенигород, 22–29 мая 1999 г.) Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 82–92.

мации; при этом многие жители Ингушетии считают его негативным явлением и хотели бы, чтобы он прекратил свое существование. Вместе с тем, система социального регулирования в республике явно нуждается в дополнительных механизмах контроля, помимо УК Российской Федерации.

Существование примирительной комиссии на территории Республики Ингушетия свидетельствует о потребности гражданского общества в примирении и согласии. Права человека могут быть закреплены в законодательстве той или иной страны, но для их реализации необходимо их соблюдение, исполнение и использование. Простое закрепление в уголовном законодательстве квалифицирующего признака, предусматривающего повышенную ответственность за убийство по мотиву «кровной мести», не останавливает мстителей. Следовательно, в современной России и регионах Северного Кавказа назрела необходимость противодействия преступности путем постепенного введения новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда. Тем более, что восстановительное правосудие имеет корни в традиционных процедурах примирения ингушского народа, и нет необходимости в значительной профессиональной подготовке для ведения примирительных процедур. Но для официального признания этих институтов предстоит преодолеть монополию правоохранительных органов и судов на конфликты и криминальные ситуации и восстановить доверие к общественности, которое было в истории ингушского народа.

Обычай кровной мести и практика примирения в современной Чечне

Чеченское общество высоко ценило жизнь каждого человека независимо от его пола, возраста и социального статуса. В борьбе за жизнь, достойную человека высокой духовной культуры, «чеченцы создали законы, обычаи и уклад жизни, ... которые развили у них сильное чувство национальной индивидуальности... Сила и стабильность, явившиеся вследствие этих особенностей национального характера, помогли чеченцам пронести все эти законы и обычаи сквозь века»¹. И в частности, свидетельство тому традиция талиона – неотвратимость наказания за обиду, оскорбление, убийство. «Унижение, а также весь комплекс нравственных предписаний, где прослеживается глубокое уважение личности, то есть коллективизм общественных отношений чеченцев, ни в коей мере не противоречил представлениям о ценности каждого члена общества – его достоинства и чести, и, в конце концов – ценности самой жизни. Чеченец был поставлен в такие общественные и нравственные условия, когда не мог никого оскорбить, и его никто не имел права оскорбить или унижить – наказание было неотвратимым»².

Среди всех мер предотвращения зла наиболее жестким был обычай кровной мести. Так, дореволюционный автор Ф. И. Леонтович писал, что «кровомщение есть единственная узда, которая в некоторой степени обуздывает ... страсти удальца...»³.

---

¹ Арсалиев Ш. Этнопедагогика чеченцев. М.: Гелиос-АРВ, 2007. С. 210.

² Нанаева Б.Б. Политические традиции в социокультурном наследии чеченцев. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦН ВШ ЮФУ, 2009. С. 134.

³ Цит. по: Указ. соч. С. 134.

В политических установках чеченцев обычай кровной мести – это проявление неотвратимости наказания за своевольное применение силы, несправедливость и унижение. В нем отразилась коллективная ответственность, дух равенства, характерные для менталитета чеченцев представления народа о справедливости. «Кровная месть преследовала в чеченском обществе цель – блокировать опасность и обезопасить себя и близких. В условиях отсутствия органов, защищающих право человека на жизнь, применение силы, реализуемое институтом кровной мести, становилось неизбежным и даже желательным, так как этим достигалось взаимное сдерживание, прекращалась открытая агрессия на индивидуальном уровне, обеспечивалась безопасность всех членов общества»⁴.

Действительно, в этих условиях данный обычай являлся фактором, спасавшим общество от анархии, произвола и хаоса, сохранявшим в нем, в известной степени, общественный порядок, социальную справедливость и равенство.

«...Возникновение закона возмездия исторически связано с развитием у людей чувства равенства и справедливости, который первоначально проявлялся в примитивной формуле: «удар за удар», «око за око», «зуб за зуб», «смерть за смерть»⁵.

Несомненно, источник кровной мести – это инстинкт мщения. Но все же сводить кровную месть к животному инстинкту мести нельзя. «Кровная месть – это явление не только психологическое, но и социальное – ведь только отмстив обидчику, человек мог рассчитывать на равное положение в обществе. Да, это пережиток, но пережиток, приобретший социальную форму и способность наряду с законом современных обществ выступать сдерживающим началом в

---

⁴ Нанаева Б.Б. Указ. соч. С. 262.

⁵ Там же.

проявлении природных инстинктов. Совершая месть, человек сдерживал проявление необузданного животного начала по отношению к себе.

К тому же мораль в чеченском обществе не только одобряла, но и строго регулировала талион: для каждого конкретного случая, например, оскорбления словом, прелюбодеяния, убийства – преднамеренного или нет, были возможны лишь определенные пределы мести, выход за пределы которых был непозволителен. Но, в любом случае, суть обычая оставалась одна – виновный сдавался на милость рода убитого, и от них уже зависела его дальнейшая судьба»⁶.

При убийстве кого-либо из членов тайповой общины тут же собирался совет старейшин тайпа погибшего. «Здесь принимались во внимание многие обстоятельства, в том числе ситуация совершения преступления, степень умышленности покушения на жизнь и т. д. Если же убитой оказывалась женщина, то добиться прощения было почти невозможно, что объяснялось нанесением роду двух обид одновременно – убийство и позор»⁷.

Установив подробные обстоятельства и причины убийства, совет старейшин принимал решение об отмщении за убитого или о прощении. Первые действия по примирению сводились к тому, чтобы добиться прощения для родственников убийцы, не принимавших участия в убийстве и даже не способствовавших его совершению. Затем уже речь идет о полном примирении.

Тайп преступника также собирал свой совет старейшин, который искал способы для достижения примирения с тайпом убитого. Прежде всего, уважаемые старейшины обращались к родственникам убитого с просьбой допустить

⁶ *Нанаева Б.Б.* Указ. соч. С. 134–135.

⁷ *Ахмадов М.М.* Чеченская традиционная культура и этика. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2006. С. 74.

дальних родственников убийцы на *тезет* (похороны) для выражения соболезнования.

Далее уважаемые люди из тайпа убийцы или из его села обращались с настоятельной просьбой о прощении, и при большом скоплении народа происходило «освобождение от крови» близких родственников виновного.

После этого происходит и ритуал прощения самого кровника. Делегированные стороной убийцы все взрослые мужчины села (и даже всех окрестных сел), снимая шапки и падая на колени, приближаются к дому потерпевшего. Процессию возглавляли уважаемые старики, а со словами утешения и просьбой о прощении обращались лица, известные своим красноречием («*масла атан дай*»)⁸.

Процессия несет на погребальных носилках кровника, завернутого в саван. Такой образ – образ «живого трупа», говорит о том, что кровник глубоко раскаивается, что он отшел от всех земных радостей. Сопровождающие кровника люди тоже выглядят так, будто они пришли на похороны. У них отпущены бороды, на лицах – скорбь.

При «прощении крови» один из близких родственников убитого совершал ритуал бритья головы и бороды кровника. Это означало не только окончательное прощение, гарантию безопасности и доверительного отношения друг к другу (сесть под нож кровника без доверия просто невозможно), но и начало дружбы между враждующими фамилиями)⁹.

Современный обряд прощения несколько упрощен. Кровник одет в плащ с капюшоном, и близкий родственник убитого открывает его лицо, откинув капюшон.

Затем происходит обряд прощения. Представители противоположных сторон заключают друг друга в объятия. В старину обряд примирения выглядел несколько иначе. По

---

⁸ Там же.

⁹ *Ахмадов М.М.* Указ. соч. С. 75.

свидетельству нашего информатора, каждый представитель стороны потерпевшего проходил вдоль представителей кающейся стороны, поочередно пожимая руку каждому из них¹⁰.

Вероятно, отсюда и произошло название данного ритуала – «*куьйге дахар*» (букв. сойтись руками). С принятием мусульманства рукопожатие стало приветственным жестом. И в обычае прощения кровника рукопожатие стали заменять объятием. Но и в приветственном жесте рукопожатия остался оттенок его прошлого назначения – у чеченцев не принято здороваться за руку с теми, с кем потенциально не может быть кровной вражды: женщинами, родными братьями, с родственниками по матери, зятем и его родственниками и т. д.

После того как произошёл обряд примирения, никто из родственников не имеет права мстить за убитого. С этого момента прощенный и его близкие обязаны с большим уважением и вниманием относиться к простившим им кровь людям. Такие отношения не заканчивались жизнью одного поколения, а переходили к детям и внукам. Проявление неуважения со стороны прощенного или его родственников могло стать поводом для отмены прощения, и тогда вновь вступали в действие законы кровной мести.

Человек, не отомстивший за убитого родственника, считался в обществе ущербным. Наш информатор поведал нам такой случай. На глазах у десятилетнего мальчика были убиты отец, дядя и родной брат. Тяжесть утраты для мальчика усугублялась тем, что приходилось терпеть оскорбительные выпады односельчан: «Посмотрите на этого придурка, который не отомстил за своих родственников».

Мальчик, действительно, вскоре стал помешанным. Но прошли годы, и в один прекрасный день он подстерег своих

---

¹⁰ Полевые материалы автора. Информатор Али Магомадов 1929 г. р. с. Памятой Шатойского района. 2010 г.

кровников и меткими выстрелами убил их одного за другим. Оказывается, по совету одного из своих соседей подросток только притворялся умалишенным. А сам каждый день уходил далеко в лес и тренировался в стрельбе¹¹.

В случае отказа примириться потерпевшая сторона выбирала, кого она намерена убить. Обычно выбирался сам убийца (*куьг бехкиверг* – у кого виновная рука). Это, кстати, совпадает с требованием шариата, который допускает месть только в отношении убийцы.

Не давалось право на кровомщение между собой родственниками по отцовской линии.

Потенциальной мишенью для кровной мести становился любой член тайпа убийцы. Со временем – любой из родственников убийцы. Если убитый был очень достойным человеком, то кровники объявляли, что в ответ будет убит лучший представитель тайпа убийцы. М. М. Ковалевский свидетельствует о том, что царские судьи поражались действиям горцев, особенно по делам о кровной мести. Например, суд приговаривал горца, виновного в убийстве, к каторжным работам. Однако родственники убитого считали это наказание слишком мягким и недостаточным. Кровники отправлялись вслед за осужденным и убивали его в местах лишения свободы¹².

Случалось так, что кровная месть совершалась не сразу, она могла передаваться из поколения в поколение. Во всех случаях возмездие осуществлялось в рамках строгих правил, принятых в чеченском обществе. Так, кровника нельзя было убивать в его доме, во время совершения им молитвы или если кровник болен.

После «взятия крови» мститель должен был повернуть убитого лицом на юг (в сторону Мекки), прочитать отход-

---

¹¹ Полевые материалы автора. Информатор С.-М. Хасиев 1942 г. р. г. Грозный, 2010 г.

¹² *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. С. 281.

ную молитву, попросить себе прощения у Всевышнего и немедленно сообщить родственникам убитого о том, где находится тело, чтобы те могли до захода солнца захоронить его.

Категорически запрещалось надругательство над трупом (отрезание разных частей тела, в том числе головы, волочение по земле и т. д.). За осквернение трупа обычай требовал «две крови».

Конечно, старейшины по возможности пытаются примирить кровников. Бывали случаи, когда, несмотря на то что кровная месть объявлена, люди сами прощали убийцу. «Единственным средством избавиться от мести является приобщение убийцы к культу семьи убитого, – пишет Б. Далгат. – Убийца тайком пробирается к матери убитого и, с ее согласия или при помощи насилия, прикладывает губами к ее груди (сосет молоко). После этого он становится молочным братом убитого, т. е. роднится с ним и таким образом избавляется от мести как член того же рода. Такой же точно результат получается, если убийце удастся подержаться рукой за цепь над очагом в доме убитого. Всякий убийца, вбежавший в чей-либо дом и схватившийся за такую цепь, становился под защиту и покровительство священного очага и хозяина дома, который не мог выдать его, так как с этого времени он (убийца) становился родственником хозяина; хозяин, в свою очередь, подвергался преследованиям кровников...

Есть еще другой способ избежать мести кровников, который также отражает на себе влияние семейного культа. Убийца, отрастив волосы на голове и бороде, без оружия, в изорванном платье, с бледным и исхудалым лицом и вообще с внешним видом, соответствующим предстоящему трагическому моменту, отправляется на могилу убитого и дает знать родственникам последнего, что он, кровник, с повинной головою, в полном отчаянии, с разбитым сердцем и слезами на глазах, лежит на дорогой им могиле, вымаливая

у Бога прощение. До прихода родственников убитого, которые умышленно тянут дело, подстрекаемые женщинами, кровник со своими родственниками ложится ничком на могилу, нанося себе побои кулаками, и горько плачет. Стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбе. На помощь кающемуся являются старики и убеждают родственников убитого простить убийце его проступок. Если удалось привести родственников убитого к могиле, с этого момента вражда прекращалась, убийца устраивал пир, и дело кончалось принятием его в род убитого посредством установления духовного родства между ними¹³.

После принятия мусульманства, которое не очень одобрительно относилось к кровомщению, появились присяги – «обвинительные» и «очистительные». Для определения ответственности за преступление стала использоваться клятва, когда человек мог поклясться на Коране и быть недосягаемым для равноценного физического наказания.

Конечно, современному человеку не понять, как можно освободить себя от вины, сказав, что не виновен. Но в традиционном обществе, где господствовала совесть, регулятором выступала всепроникающая мораль, а также глубокая вера в предписания ислама и убеждение, что за ложь они будут наказаны на том свете: принеся присягу, человек сам накладывал на себя тяжкое пожизненное наказание.

Иногда, особенно после долгих кровопролитных войн, как, например, Кавказская война, кровную месть на некоторое время отменяли.

Обычай кровной мести почти без изменений дошел до наших дней. Он вершил свое правосудие, независимо от законов шариата и от советских законов.

Несмотря на то что обычай кровной мести был законодательно запрещен в 1920 г., он продолжал выступать реаль-

---

¹³ Далгат Б.К. Указ. соч. С. 103–105.

ным сдерживающим началом во взаимоотношениях чеченцев и в годы советской власти.

В 1927 году ЦИК Чечни счел целесообразным создать специальную примирительную комиссию. Члены комиссии ездили по селениям Чечни, беседовали с людьми, являвшимися кровниками, и добивались того, чтобы прекратить нескончаемую череду мести. В ряде случаев им удавалось добиться успеха, и кровники при стечении всего народа и семьи потерпевшего братски пожимали друг другу руки. Так, за один только год комиссия рассмотрела 80 дел кровников из селений Шалинского и Урус-Мартановского округов¹⁴.

В 2010 году в Чеченской Республике насчитывалось примерно 500 семей, находящихся в состоянии кровной вражды. Осенью 2010 года была создана примирительная комиссия, которую возглавил Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров. За время работы комиссии более 200 конфликтующих семей пришли к миру.

В ходе примирительных процессов были выявлены случаи, когда кровная месть длилась 80, а то и более лет.

Есть случаи, когда объектом кровной мести выступают не этнические чеченцы, а представители других народов, например, осетины. Интересен тот факт, что в таких случаях обряд примирения также совершается в соответствии с чеченскими традициями.

---

¹⁴ *Ладыеженский А.М.* Адагы горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 96.

Наталья Новикова

Круги правосудия на севере Канады¹

В современных условиях в различных странах мира все большее значение приобретает практика правового плюрализма, которая рассматривает возможность сосуществования различных правовых режимов в одном социальном поле. Обращение к альтернативному правосудию на севере Канады представляет особый интерес, так как является примером использования традиционных правовых систем в современном индустриальном обществе, причем в столь важной сфере, как ювенальная юстиция.

Предметом исследования в данной работе стало альтернативное правосудие в северном сообществе Канады на примере «Community Justice (Комитета правосудия)» в г. Инувике (Северо-Западные территории). Деятельность таких комитетов строится на принятом в Канаде в 1982 году Акте о молодых правонарушителях (Young Offenders Act). Комитет правосудия в Инувике демонстрирует возможности восстановительной юстиции и эффективные средства профилактики правонарушений со стороны подростков.

В современных условиях Канады к процедурам восстановительного правосудия и суда на основании аборигенных практик, в первую очередь, использования «круга» при вынесении приговора, обратился судья территориального суда Юкона Б. Стюарт. В данной статье возможности круга

---

¹ Печатается в сокращении, полный вариант см.: *Новикова Н.И.* Институты правосудия: пути восстановления справедливости на севере Канады // *Расы и народы. Ежегодник.* 33. Москва, 2007. С. 111–128.

правосудия рассматриваются на примере анализа одного из дел, в процессе которого (в процедуре круга) участвовала автор в 2006 году, и бесед с одной из учениц Б. Стюарта – Р. Роулэндс, в Москве в 2010 году.

Восстановительное правосудие и альтернативные процедуры

В литературе восстановительная юстиция рассматривается как модель, главная цель которой «исправление того вреда, который кто-либо нанес» (to make good what one did wrong). В большинстве стран такая модель предполагает создание особого законодательства, обеспечивающего право судьи выбрать наиболее приемлемое решение, и дает возможность применения альтернативных мер (Уинтер, 2000, с. 149).

Восстановительное правосудие часто воспринимается как новая версия старой идеи. Оно приводит к тому, что правонарушения превращаются в восстановление нарушенного. Вместе с тем, в современной практике США и Канады такие способы разрешения конфликтов, например, круги примирения, рассматриваются как альтернативные способы сосуществования, которые открывают новые возможности и дают надежду. (Принис К., Стюарт Б., Уедж М., 2010, с. 228.) Исследователи выделяют четыре версии восстановительной юстиции:

1. Достижение соглашения между жертвой и правонарушителем – процесс, когда правонарушитель и жертва стремятся к соглашению о соответствующих последствиях правонарушения санкциях.
2. Комитеты восстановительного правосудия – гражданские трибуналы, которые определяют соответствующие санкции через диалог с правонарушителями и другими лицами, затронутыми преступлением.

3. «Семейная конференция» – собрание членов семьи, которое исходит из практики маори (Новая Зеландия). Члены семьи правонарушителя и жертвы собираются вместе и с помощью специального лица, выполняющего роль «третейского судьи», вырабатывают санкции, соответствующие преступлению.
4. «Вынесение приговора в круге» (Circle sentencing) – правосудие, основанное на традиционных практиках коренных народов Северной Америки. Старейшины, правонарушитель и жертва собираются вместе, садятся в круг и вырабатывают санкции, которые устроят все стороны, для восстановления нарушенного преступления (Community Justice, 2003, p. 64–65). Комитет правосудия в г. Инувике как раз и демонстрирует четвертую модель.

Комитеты правосудия стали альтернативными органами, аналоги которых существуют в разных странах. Они обладают признаками правового института с соответствующей правовой природой и правовыми функциями. Их возникновение может рассматриваться как ответ на чрезмерную формализацию общего правосудия и его недостаточную оперативность (Мельникова, 1990).

Рассматриваемая в данной статье деятельность Комитетов правосудия демонстрирует новый подход к практике правового плюрализма. Это особенно интересно, потому что в юридико-антропологической литературе чаще всего речь идет о правовой аккультурации, когда метрополия, устанавливая правовой режим на колониальных территориях, навязывает свое право поработенным народам.

Проблема возможности использования аборигенных правовых практик остается сложной и актуальной до сегодняшнего дня. В современных условиях Канады к процедурам восстановительного правосудия и суда на основании аборигенных практик, в первую очередь, использованию «круга»

при вынесении приговора обратился судья территориального суда Юкона Б. Стюарт (Stuart, 1996, p. 193–206).

Юридическая антропология рассматривает обычное право не само по себе, она изучает правовое бытие людей, т. е. их поведение в условиях регуляции жизни законами и обычаями. Правовые обычаи при этом создают необходимые и допустимые рамки такой регламентации, причем люди получают правовые знания в процессе социализации, часто не задумываясь, а просто следуя образцам. В условиях конфликта, а правонарушение как раз и создает конфликт, эти знания могут быть востребованы обществом. Опыт Канадского Севера представляет особый интерес, так как здесь традиционные аборигенные практики получили развитие для всего населения северного города.

Несмотря на то что Канада не ратифицировала Конвенцию 169 МОТ, статьи 9–10 которой определяют возможности обращения к традициям коренных народов в уголовном процессе, ее законодательство вполне соответствует этому документу:

статья 9

1. В той мере, в которой это совместимо с национальной правовой системой и с правами человека, при рассмотрении правонарушений, совершаемых лицами, принадлежащими к соответствующим народам, проявляется уважение к методам, традиционно практикуемым этими народами.

2. Обычаи указанных народов, касающиеся уголовно-правовых вопросов, принимаются во внимание органами власти и судами, рассматривающими соответствующие судебные дела.

Статья 10

1. При применении к лицам, принадлежащим к указанным народам, мер наказания, предусмотренных общим законодательством, принимаются во внимание их экономические, социальные и культурные особенности.

2. Предпочтение перед тюремным заключением отдается другим мерам наказания (Коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни: Руководство по Конвенции МОТ 169, с. 38).

Альтернативное правосудие в Канаде

Деятельность Комитетов правосудия представляет сравнительно новую правовую практику на севере Канады и демонстрирует эффективность такого подхода в отношении малолетних правонарушителей. Она распространяется на все население, хотя в значительной степени строится на аборигенных практиках. В комитетах рассматриваются дела малолетних правонарушителей независимо от их этнической принадлежности. Правосудие осуществляется исходя из того, как воспринимается и оценивается норма в сообществе, что значит справедливость. Для участников процесса важны не столько нормы, сколько то, что в результате их применения будет достигнут консенсус. Толкование права осуществляется как исходя из коллективного правопонимания, так и с точки зрения здравого смысла. Благодаря этому Комитеты правосудия эффективно осуществляют защиту прав не только коренных народов, но и выполняют важную функцию профилактики ювенальной преступности внутри локального сообщества.

В прошлом обычное право регулировало отношения внутри территориально и этнически ограниченной группы, сейчас оно может выступать регулятором отношений с внешним миром как определяющее публичный (государственный) статус аборигенов. Деятельность Комитета правосудия демонстрирует, как аборигенные правовые практики спокойно и естественно воспринимаются окружающими. Возможно, определенную роль здесь играет то, что они используют круг, широко применяемый во всем мире во вре-

мя психологических тренингов в проблемных группах. Что касается нормативной составляющей процесса, то ее объясняют и используют старейшины, но также исходя не только из буквы, но и духа «аборигенного закона».

Старейшины, участвующие в процессе Комитета правосудия, объясняют нормы исходя из своего аборигенного знания. В этом толковании сочетаются и нормы, и мораль, и общественное мнение, и их личный опыт. Я записала интервью с одним из старейшин, участвующим в работе Комитета правосудия в Инувике. Его жизненная история не была гладкой, в ней есть и алкоголизм, и конфликты в семье. Но такой жизненный опыт является в данном случае особенно ценным. Он знает не понаслышке, о чем говорит. Старик летом берет на свое стойбище малолетних правонарушителей. У меня возник к нему вопрос: не становится ли в этом случае традиционный образ жизни наказанием? Однако старейшина рассматривает работу на стойбище как возможность для молодежи пожить в «спокойных, естественных» условиях. Он ничему особенному их там не учит, но они делают ту же работу, что и владелец стойбища, и таким образом приобретают навыки традиционного природопользования. Интересно, что так же подобная практика была воспринята писателем и общественным деятелем из России ханты Е. Айпиным, побывавшим на севере Канады несколько лет назад (Айпин, 2006, с. 8–9).

При рассмотрении дел в Комитете правосудия для правонарушителя важно мнение участников процесса, в первую очередь, не только его родителей, но и старейшин. Состав суда оказывает на него психологическое воздействие. Правонарушитель переживает стыд, но в результате процесса ему важно снять напряжение и услышать добрые слова от участников процесса именно потому, что он уважает мнение этих людей. Такой суд соответствует осуществлению правосудия в аборигенном сообществе. Причем такая мо-

дель является общей для аборигенных народов в различных странах и соответствует идеям восстановительного правосудия. Одна из главных черт такого суда состояла в примирительной направленности: «суд у них – это отнюдь не способ наказания человека, совершившего какое-либо правонарушение, а способ улаживания конфликтов, и важнейшая функция суда заключалась в заглаживании обиды» (Зибарев, 1990, с. 66–67).

Акт о молодых правонарушителях (Young Offenders Act) вступил в силу в 1984 году. По этому закону (ст. 69) создаются Комитеты правосудия в отношении молодежи: «Генеральный прокурор провинции или любой иной министр, назначенный вице-губернатором, или их представитель может создавать комитеты граждан, называемые комитетами правосудия в отношении молодежи, и определять их функции и способ назначения их членов. Эти комитеты призваны на добровольной основе способствовать исполнению настоящего закона, а также оказывать поддержку любой службе или программе, предназначенной молодым правонарушителям». В законе провозглашены принципы политики Канады, направленной на защиту общества и искоренение причин подростковой преступности (ст. 3), а также прописаны процедуры применения альтернативных процедур (ст. 4). Из последних нужно отметить следующее условие: «д) подросток признает свою ответственность за совершенное деяние или за неосмотрительность, лежащую в основе правонарушения, которое ему инкриминируется» (Канадский закон «О молодых правонарушителях» от 1982 года, 2000, с. 8–105).

В Инувике Комитеты правосудия – это часть правоохранительной системы и вместе с тем социальной работы, которой уделяется большое внимание. Мне удалось побывать на ежемесячной встрече представителей всех социальных служб, на которой присутствовал и вновь избранный мэр. Участники встречи обсуждали актуальные вопросы,

связанные с состоянием занятости, безработицей, положением бездомных, программами «здорового образа жизни», а также содействие правоохранительным органам через создание общественного патрулирования на улицах.

Эти вопросы были проблематизированы на Севере Канады еще до принятия закона. Так, уже в 1989 году группа советских этнографов посетила Инувик и отметила: «Заслуживает внимания также практика социального обслуживания по линии исправительных учреждений. Они находятся на Северо-Западных территориях в ведении бюро социального развития территориального правительства, а не в ведении прокурора, как на остальной территории Канады. В исправительных учреждениях разного типа содержатся лица разных возрастных категорий: 12–17 и 18 лет и старше. Форм наказания две – тюрьма (в тюрьме содержатся 375 человек) и надзор общины (650 человек условно осужденных или находящихся после тюремного заключения). Чаще всего аборигенное население совершает преступления против собственности (тогда как некоренное – связанные с бизнесом). За последние 5 лет убийств стало совершаться больше. Во время заключения рабочие выполняют различную работу: рубят лес, рыбачат, охотятся с оружием; считается, что на северо-западных территориях им некуда бежать. Добытую ими рыбу, а также мясо диких животных отдают старейшинам в селениях... Бюро социального развития занято решением сложных проблем в связи с исправительными учреждениями: 1) большинство преступников (98 %) на территориях – аборигены; 2) имеются трудности в общении с ними из-за языкового барьера; 3) приходится учитывать особенности их культуры (например, структуру традиционного питания); 4) тюрьмы находятся на большом расстоянии от поселков (Сokolova З.П., Тишков В.А., 1991, с. 242).

В Инувике проживают 3300 человек, из них 58 % составляют аборигены (37 % инувиалуиты, 14 % гвичин, 7 % ме-

тисы – все эти группы по Конституции Канады относятся к аборигенному населению). Комитет правосудия открылся здесь в 1992 году, его нынешний руководитель Х. Янг работает в нем с 1994 года, он координирует правоохранительную деятельность полиции и общества, используя в своей работе традиции восстановительной юстиции аборигенных народов. Предметом рассмотрения становятся небольшие правонарушения, исключаящие убийство и семейное насилие. В современной Канаде эти преступления считаются слишком серьезными и становятся предметом судебного разбирательства. В Инувике существует не только правовая основа для деятельности альтернативных органов правосудия, но и есть возможность использовать самоорганизацию местного сообщества и общественное мнение, так как город небольшой. Успешной работе в этой сфере способствует и тесное взаимодействие преподавателя колледжа А. Мери, Королевской канадской конной полиции, старейшин гвичин и инувиялуитов. Правосудие, строящееся на законодательстве и аборигенных правовых системах, стало здесь альтернативой уголовному преследованию и важным принципом социальной работы с подростками.

Деятельность Комитетов правосудия строится на двух основаниях:

- восстановительная юстиция, которая фокусируется на заживлении поврежденных отношений и восстановлении гармонии в семье и обществе;
- традиционные правовые практики аборигенных народов, подчеркивающие оздоровление, уважение, сотрудничество и меру.

Их деятельность является программой альтернативных мер в отношении подростков 12–17 лет, которые нарушили закон, без передачи их дел в суд. В этом случае полицейский протокол аннулируется, что особенно важно для малолетних правонарушителей. Все меры, применяемые в

рамках программы альтернативных мер, являются конфиденциальными.

Определение возможностей рассмотрения дела в Комитете правосудия включает несколько этапов. Полиция в консультации с Королевским прокурором (обвинителем) решает, является ли данное дело возможным предметом рассмотрения в альтернативном суду органе. Затем Комитет правосудия решает, рассматривать ли данное дело. Наконец, правонарушитель также должен быть согласен, что его дело будет рассматриваться в Комитете правосудия. Если такое соглашение достигнуто, правонарушителя приглашают на слушания. Слушания представляют собой встречу трех или более добровольных членов Комитета с правонарушителем, чтобы вместе обсудить подробности преступления и как ущерб может быть возмещен. Жертва и другие потерпевшие лица также приглашаются на слушания и участвуют в обсуждении, высказывают, что они думают о преступлении, нанесенном ущербе и как можно восстановить нарушенный правопорядок. Результатом таких обсуждений становится соглашение, по которому правонарушитель возмещает ущерб, который он/она причинили.

На заседании Комитета правосудия выносятся решение о наказании, часто в форме общественных работ в городе или на стойбище, т. е. в форме, предпочтительной для всех сторон процесса. В своей деятельности Комитеты правосудия используют силу и мудрость членов сообщества, вырабатывают коллективные решения. Успешность их деятельности строится на широкой поддержке принимаемых решений всем местным сообществом.

Case study²

Опишу одно из дел, в рассмотрении которого я участвовала во время полевых исследований в октябре 2006 года

в Инувике. Правонарушение состояло в том, что подросток сел в машину, угнанную старшими парнями. Их арестовала полиция, был составлен протокол. Затем, в соответствии с принятой процедурой, дело было передано в Комитет правосудия. Подросток совершил преступление первый раз, сумма ущерба не превышала 5 тыс. канадских долларов. Он вместе с родителями был приглашен в офис Комитета.

В обсуждении участвуют правонарушитель, его родители, старейшины, еще один подросток из его школы. Все садятся вокруг овального стола. Разбирательство строится на том, что мальчик должен осознать, что он совершил и как к этому относятся его родители, все окружающие. Ему задавали вопросы: что чувствовали твои родители, когда узнали, что ты совершил? Как это может сказаться на твоём будущем? Кем ты хочешь стать? В начале «процесса» мальчик и его родители были очень испуганными. У меня сложилось впечатление, что главная цель Х. Янга и старейшин заключалась в том, чтобы они перестали бояться и улыбнулись. Участники процесса старались, чтобы в результате не возникало ни боязни, ни агрессии.

В качестве наказания мальчику присудили общественные работы – бесплатно работать в авторемонтной мастерской. Причем когда этот вопрос обсуждался с ним и его родителями, учитывалось, что он ходит заниматься баскетболом. Общественные работы не должны были мешать ни учебе, ни занятиям спортом. Кроме того, мальчику сказали, что он никому не должен рассказывать о случившемся. Такое же молчание должны хранить и все остальные участники

---

² Лицензия 14079N получена автором для проведения исследований на Севере Канады. Проведение исследований на севере Канады в октябре 2006 г. стало возможным при финансовой поддержке Департамента по делам индейцев и развития Севера (Канады), а также личному участию директора Директората циркумполярных связей Г. Финклеру, преподавателю Колледжа в г. Инувик А. Мери, председателю Комитета правосудия Х. Янгу, констеблю К. Чарлзу. Пользуясь случаем, выражаю им свою благодарность.

процесса. Через некоторое время, когда, как сказал руководитель Комитета Х. Янг, «мальчик будет готов, он должен приходиться к нему на психологический тренинг, который должен помочь ему противостоять подобным противоправным предложениям от товарищей».

После разбирательства полицейский протокол разорвали, этот акт был символическим для мальчика и подтверждал факт, что он не будет подвергаться судебному преследованию и у него в будущем не будет проблем, связанных с судимостью. При этом и сам правонарушитель, и его родители поняли, что для этого подросток должен выполнить все условия и не совершать в будущем правонарушений.

Для руководителя Комитета этническая принадлежность клиентов не имеет значения, хотя подавляющее большинство их – аборигены. Влияние аборигенного образа жизни используется для профилактики правонарушений и среди неаборигенного населения, ведь в работе с ними используется и круг, и выполнение работ на стойбище летом.

Изучение альтернативного правосудия позволяет исследователю не только изучать это явление со стороны, но и требует включенного наблюдения. Основной формой деятельности Комитетов правосудия является круг примирения, который нельзя наблюдать со стороны. В комнате нет посторонних. И мне, как антропологу, пришлось не только сидеть за овальным столом, но и участвовать в обсуждении дела и давать свои рекомендации правонарушителю.

В 2010 году нами была организована международная летняя школа по юридической антропологии, в которой участвовала ученица Барри Стюарта Роулэндс Роуз (Rowlands R.) – «мировой судья-посредник», член Судебного совета Юкона, член правления Арбитража (Посредничества) Юкона, преподаватель-тренер по курсам урегулирования конфликтов (Колледж Юкона, г. Уайтхорз, Юкон (Whitehorse, Yukon) Канада). Она поделилась канадским опытом работы с право-

нарушителями, а также с людьми, вернувшимися в общину после заключения. На Юконе круги примирения особенно активно используются для социальной работы по реабилитации людей, совершивших правонарушения или подверженных алкоголизму, наркотикам и т. п. Круги правосудия строятся на важных для сообщества ценностях. В контексте антропологии права они могут быть названы «философией права». Для эффективности кругов люди должны придерживаться этих ценностей. Медиаторы в Канаде отдают себе отчет, что достижение примирения, разрешение конфликта в круге – это длительный процесс.

Изучение опыта альтернативного правосудия в Канаде представляет не только научный интерес. Ювенальная преступность является большой проблемой, в том числе и на севере России, ждущей своего разрешения. Уже сейчас можно выделить два аспекта, важных для России. В первую очередь, это организация социальной работы, в том числе в сфере предотвращения правонарушений и осуществления альтернативного правосудия. Большое значение может иметь также более широкое использование потенциала аборигенной правовой системы. Сегодня такие возможности есть только у государственных органов правосудия, согласно ст. 14 закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», допускается учет обычаев и традиций этих народов при рассмотрении дел в суде с их участием. Условиями для развития аборигенного правосудия в России могут стать как дальнейшее развитие законодательства и судебная реформа в стране, так и процессы самоорганизации и самоуправления коренных народов. Вероятно, опыт кругов правосудия может быть полезным и для установления диалога между аборигенными сообществами и промышленными компаниями на Севере через поиск общих ценностей. Но, возможно, более важным явится наше постижение трудноуловимых практик, направ-

ленных на достижение консенсуса, установление взаимопонимания, а через него – взаимоуважения в обществе.

Литература

1. *Айтин Е.Д.* Материалы по вопросам защиты прав и интересов коренных малочисленных народов: Во льдах Нунавута. Ханты-Мансийск, 2006.
2. *Зибарев В.А.* Юстиция у малых народов Севера. Томск, 1990.
3. Канадский закон «О молодых правонарушителях» от 1982 года // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Кн. 2. М., 2000. С. 8–106.
4. Коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни: Руководство по Конвенции МОТ 169. Женева, 1996.
5. *Мельникова Э.Б.* Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность. М., 1990.
6. Принис К., Стюарт Б., Уедж М. Круги примирения: от преступления к сообществу. М., 2010.
7. *Морс Б.* Демократия участия в Северной Канаде: представительство первых наций в государственных и аборигенных органах управления // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М., 2006. С. 31–44.
8. *Соколова З.П., Тишков В.А.* Аборигены Канадского Севера (отчет о научной командировке в Канаду) // Расы и народы. М., 1991. Вып. 21. С. 225–245.
9. *Уинтер Р.* Альтернативы // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Кн. 2. М., 2000. С. 146–155.
10. Community Justice. Wadsworth, 2003.

11. *Stuart B.* Circle Sentencing: Turning Swords into Ploughshares// Restorative Justice: International Perspectives / Ed. by Burt Galaway and Joe Hudson. Amsterdam, 1996. P. 193–206.

Традиции урегулирования конфликтов в цыганском праве¹

По разным данным в мире насчитывается от 8 до 12 миллионов цыган. В связи с некоторыми особенностями условий проживания и высокой мобильностью этой части населения получить точные сведения о численности цыган весьма затруднительно. В России, по данным переписи населения за 2010 год, проживают 220 тысяч цыган, однако реальное число, скорее всего, гораздо больше.

Цыганский народ подразделяется на несколько этнических групп, имеющих свои диалекты, традиционные виды деятельности, свои обычаи. Независимо от места проживания цыгане всегда остаются представителями своей этнической группы. То о чём пойдёт речь в данной статье, относится в основном к цыганам Западной и Восточной Европы, России, Северной и Южной Америки, Австралии, т. е. к цыганам ветвей рома, синти, частично к иберийским цыганам. С культурой и традициями цыган, проживающих в Средней Азии, Китае, Индии, Северной Африке, автор знаком крайне слабо, однако можно утверждать, что некоторые основные положения и выводы данной статьи применимы и к этой части цыганского населения.

Обычно когда речь идёт о таких «экзотических» темах, невольно создаётся впечатление, что предмет разговора «за-терян» где-то далеко в истории или сохранился лишь фрагментарно, в отдалённых местностях, сёлах и аулах, и там доживает свой век, давая пищу исследователям и развлекая

---

¹ Автор выражает благодарность Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудову за чуткое отношение к этой работе, а также Д.А. Домбровскому за бесценную помощь в поиске информации.

туристов. В большинстве случаев это именно так. Однако автор просит обратить внимание, что цыганская культура, цыганские традиции и обычаи (в том числе и правовые), – это не рудимент, не безжизненный набор символов, а часть объективной реальности современного общества.

В данной статье автор имеет цель продемонстрировать определённый угол зрения при рассмотрении вопросов, связанных с разрешением конфликтных ситуаций в цыганской среде, считая, что более значимым и интересным в данном случае будет взгляд на основания цыганского права, на предпосылки формирования механизмов реагирования на конфликт, а не на процессуальную (обычную, ритуальную) составляющую.

Дело ещё и в том, что обычаи и традиции этнических групп цыганского народа разнятся в большей или меньшей степени, тогда как мировоззрение народа, миропонимание, философия едины и находятся в теснейшей связи с основами цыганского права.

Кроме того, автор сознательно применяет термин «цыганское право», а не «цыганское обычное право», подразумевая ослабленное влияние обычая на формирование материальных норм цыганского права, а также для удобства вынося подробный разбор содержания этого понятия за рамки данной темы. В связи с вышесказанным целесообразно обратить внимание на некоторые характерные для цыганского мировоззрения особенности, которые помогут глубже понять структуру и смысл цыганского права.

Следует отметить, что подавляющее большинство цыган – верующие. Большая часть представителей означенных этнических групп исповедует христианство, остальные в основном ислам. В Европу из Византии (приблизительно XIV век н. э.) цыгане пришли христианами. То есть важно понимать, что, прожив в Византии около трёх веков, приняв христианство, занимаясь различными ремёслами, найдя

бесконфликтный способ сосуществования с местным населением, цыгане на момент прихода в Европу не были дикарями и варварами, не имеющими понятия о социализации. Хотя, конечно, первыми переселялись более авантюрно настроенные группы цыган и те, кто попал в совершенно отчаянное положение после крушения империи, что, естественно, и определило первое негативное впечатление о цыганах у жителей Европы.

История знает массу антицыганских законов, гонений на цыган, геноцида в отношении этого народа. Процессы маргинализации цыган описаны в литературе, автор лишь обращает на это внимание как на один из факторов формирования мировоззрения людей. Одним из результатов влияния этого фактора явилось осознание непреложной для каждого цыгана истины:

ром – ромэса, гаджэ – гаджеса (цыг.), что можно перевести как: цыгану – цыганское, не цыгану – не цыганское.

Гаджэ (цыг.) – не цыган, т. е. человек любой другой национальности. Несмотря на неблагозвучность этого слова, оно не несёт никакого негативного смысла.

Эта формула включает в себе потребность, поставленную наравне с необходимостью пропитания, потребность, возведённую в закон, – не терять самоопределения, строить все свои отношения только согласно своим понятиям и представлениям, т. е. самостоятельно нести ответственность за свою жизнь и жизнь своего народа. Пренебрежение этим правилом губительно даже для народа, имеющего собственное государство, армию и проч., а народ, объединённый лишь общим языком (при наличии около 30 диалектов), тем более не может позволить себе его несоблюдение.

Следует отметить, что такое понимание отношений с окружающим не является препятствием нормальному общению, дружбе со стороны цыган, это, скорее наоборот, по-

зволяет снять лишние вопросы и добиться известной чистоты отношений.

Рассматривая вопросы, связанные с цыганским правом, необходимо учитывать смысл понятия справедливости у цыган. К примеру, уважение к человеку состоит не только из уважения к личности, к поступкам, но и к человеку как к существу, имеющему свою Судьбу, несущему за неё свою ответственность. То есть понятие справедливости включает в себя не только понимание социального уклада, а ещё и логичность наступления определённых последствий как проявления «мирового равновесия». Например:

если ты, не учитывая погодных условий, отправился в дорогу и промок или замёрз – это плохо, это вызывает сочувствие, но это справедливо, так как ты должен был об этом позаботиться сам.

Или если ты совершил преступление, максимальное наказание за которое – три года заключения, а тебя незаконно осудили и приговорили к пяти годам – это тоже очень плохо, незаконно, бесчеловечно и проч., но справедливо – ты должен знать, на что идёшь, независимо от того, какие законы на данный момент действуют среди гаджэ...

В миропонимании цыган, в их личностном самоопределении большую роль играет мистическое начало. У цыган нет жрецов, нет своих священнослужителей. Авторитет церкви, как элемента государства, не очень высок, притом что соблюдение религиозных канонov, постов и прочего почитается практически всеми цыганами. Можно, с определённой долей уверенности, сказать, что цыгане по-своему воспринимают религиозные догмы, и специфика этого восприятия обусловлена во многом условиями жизни – близостью к природе.

Применительно к данной теме имеет смысл отметить наличие аксиомы, не вызывающей у цыган сомнения:

всё, сделанное тобой, обязательно вернётся «бумерангом» к тебе или к твоим родным.

Особенно важно учитывать такое понимание, касаясь вопросов назначения наказания в цыганском праве.

Кстати, относительно вопросов назначения наказаний у цыган необходимо отметить идею коллективной ответственности, выраженную, скорее, во всеобщей сопричастности, в религиозном понимании вины, греха, в ощущении себя народом-изгоем, народом-грешником. Это сложно осмыслить без взгляда через призму народного творчества, культуры.

Последнее, что хочется отметить, говоря о факторах, повлиявших на развитие цыганского права как способа урегулирования конфликтов, это то, что сама история сделала цыган непревзойдёнными мастерами в искусстве сосуществования.

Рассматривая урегулирование конфликтов среди цыган, следует говорить о *внесудебном* и *судебном* порядке урегулирования. В обоих случаях дело будет разбираться цыганами без какого-либо участия гаджэ.

Во внесудебном порядке урегулируются мелкие конфликты, конфликты, возникающие внутри семей, родов, конфликты, позор которых перевешивает их тяжесть. Во внесудебном порядке инициативу разрешения конфликта берут на себя старшие рода, прямо выказывая свою приверженность той или иной позиции или предлагая компромиссные решения. Внесудебный порядок решения конфликтов среди цыган, в принципе, схож с традициями большинства народов. Можно отметить лишь, что в случаях возникновения спорных, напряжённых ситуаций на уровне профилактики конфликта очень важное место занимают тонко расставленные акценты, значимо подобранные слова, в некоторых случаях даже ритуалы.

В судебном порядке могут решаться дела имущественного характера, дела о защите чести и достоинства, дела о преступлениях против нравственности, половой неприкосновенности, здоровья и жизни.

Вообще, к компетенции криса (суд – цыг.) относятся дела, по которым крис сможет собраться. То есть такие дела, угроза неразрешения которых вызовет в обществе достаточно опасений. Крис не распространяет свою компетенцию на отношения с гаджэ. Крайне редко на крис выносятся дела, связанные с конфликтами между представителями разных этнических групп, так как интересы цыган, находящихся в разных этнических группах, как правило, настолько сильно не пересекаются.

Особенностью криса является его безальтернативность, невозможность для цыгана искать правды на любом другом суде на Земле.

Ни в какой мере даже самое справедливое решение государственного судьи, судьи-гаджэ, не может повлиять на выход из конфликтной ситуации для цыган. Это обусловлено неуважением, недоверием к государственному суду. Кроме приведённых выше причин такого недоверия (гонения на цыган, стереотипность мышления в их отношении) существует и вполне осознанное нежелание доверять свою судьбу суду, который:

- не поймёт сути конфликта,
- не станет интересоваться нуждами и чаяниями сторон,
- разрешая конфликт, будет пользоваться лишь методами (в лучшем случае!), которые предложены в законе,
- разрешая конфликт, будет решать не проблему сторон, а свою проблему (законности, раскрываемости, поиска объективной истины и проч.).

В связи с этим не существует известных автору судебных процессов не только цыган против цыгана, но и *цыган против гаджэ*². (В какой-то мере здесь уместно провести ана-

---

² Здесь следует заметить, что существуют, хотя и в небольшом количестве, дела цыган против гаджэ. Это, как правило, процессы, «подогретье» различными общественными деятелями и правозащитниками.

логию с *omerta* (итал. – взаимное укрывательство, круговая порука), но очень условно).

Приговор государственного суда в отношении цыгана воспринимается как несчастный случай, например, как автомобильная авария или болезнь. Официальные судебные процессы не ассоциируются у цыган ни с поиском справедливости, ни с выходом из конфликтной ситуации.

Следующей особенностью криса является отсутствие специальных органов, обеспечивающих исполнение приговора. При этом решение криса священно для цыгана и потому всегда выполняется всеми участниками конфликта.

У судей криса отсутствует начальство. Если государственный судья при рассмотрении дела должен руководствоваться только законом и совестью (а на практике – ещё и распоряжениями начальства), судьи криса – только совестью и в процессуальной части – обычаями.

Судей криса невозможно подкупить – слишком прозрачен сам процесс, слишком дорог авторитет судьи. Кроме того, явная несправедливость решения может вызвать полное его неприятие одной из сторон, что может повлечь ещё большую эскалацию конфликта вплоть до трагических последствий. Поэтому подкупать крис просто невыгодно.

Отметив основные особенности криса, следует рассмотреть и вопрос организации самого судебного процесса в цыганском праве.

Крис, цыганский суд – это сходка, встреча участников конфликта, авторитетных для обеих сторон лиц, свидетелей и просто равнодушных членов сообщества. Инициатором сходки, как правило, является сторона, чьи права, как ей кажется, ущемлены. Это может быть заимодавец или оскорблённый цыган, это может быть избитый или родственники убитого. Воровство внутри сообщества случается нечасто, и подобного рода дела решаются во внесудебном порядке.

Истец ставит в известность о своей проблеме старших своей семьи, клана. После принятия решения о сборе криса оповещаются авторитетные представители клана ответчика и оговариваются условия встречи.

Сторона, инициирующая крис, берёт на себя транспортные и иные организационные расходы, которые, в итоге, должны быть покрыты виновной стороной.

Крис с уверенностью можно назвать не только судом, но и примирительной встречей. По высказыванию талантливейшего цыганского музыканта-скрипача Д.А. Домбровского, «крис – это процесс некарательный, это скорее *вызволяющий* процесс: все мы хотим, чтобы конфликт был погашен, всем хочется выйти из этой ситуации».

Крис не узурпирует ответственность за разрешение конфликта и соответствующую ей судебную власть, крис акцентирует эту ответственность для сторон и заинтересованных представителей сообщества.

Крис может проходить в форме застолья. Показания и мнения всех участников выслушиваются независимо от пола (инициатором криса может быть как цыган, так и цыганка), рода занятий, возраста, материального благополучия участника. Перед крисом все цыгане равны. Роль «секретаря судебного заседания» выпадает тому, кто считает возможным призвать к порядку, прояснить организационные вопросы и проч., это происходит спонтанно. Никаких протоколов и записей не ведётся, но особенно важные речи, произнесённые на крисе, передаются из уст в уста и из поколения в поколение. Это тоже является фактором, благотворно влияющим на принятие справедливого решения.

Обратим внимание на основные цели и задачи проведения криса:

разобраться в деле и справедливо вынести решение в целях недопущения дальнейшей эскалации конфликта;

составить решение таким образом, чтобы его поняли и приняли обе стороны конфликта и остальные участники криса; создать условия, при которых возможно дальнейшее мирное сосуществование сторон;

поддерживать свой авторитет справедливо вынесенным решением;

составить решение таким образом, чтобы, передаваясь из уст в уста, оно, по мере возможности, служило правовым прецедентом, играло профилактическую роль.

Идя на крис, обвиняемый, как правило, знает, какое решение будет принято. Основная цель обвиняемого в таком случае – максимально ясно и внушительно представить причины, толкнувшие его на этот поступок, объяснить свои действия, продемонстрировать себя с лучшей стороны, на примерах доказать свою полезность для сообщества. Обвиняемый должен показать, что раскаивается и на нравственном уровне принимает решение значимых для него людей.

Однако, хотя и крайне редко, встречаются дела, требующие выяснения конкретных обстоятельств происшествия, повлекшего конфликт.

Говоря о процессе дознания, установления истины, трудно переоценить роль «цыганского радио». В цыганском обществе важная информация распространяется с поразительной быстротой, и утаить правду крайне сложно. Кроме того, среди цыган встречаются очень проницательные и талантливые психологи – таким людям особенно сложно солгать.

В правовых традициях цыган существует ещё один инструмент защиты от искажения фактов – клятва, божба. Клятвенные ритуалы хорошо описаны многими исследователями, можно лишь подтвердить огромную силу этого инструментария в процессе криса.

Успешная практика работы криса обусловлена, главным образом, демократичностью его решений, и здесь следует отметить несколько факторов.

Демократичность – это признак, скорее, не самого решения, а процесса, с помощью которого решение было принято. *Например, независимое тайное голосование демократичнее прямого указания.* Если рассматривать этот вопрос глубже, можно сделать вывод, что демократичность – это признак не только непосредственно процесса, но и оснований, на которых процесс сформирован. У цыган такими основаниями являются искренняя заинтересованность общества в разрешении конфликта и понимание отсутствия альтернативы принятию самостоятельных решений.

Существенным фактором, влияющим на демократичность решений криса, является прогнозируемость, предсказуемость суда. Все заинтересованные лица очень хорошо представляют, как будет приниматься решение, на что будет обращать внимание суд. То есть крис, принимая решения по делу, вынужден учитывать ожидания сообщества. При этом в задачу криса не входит угождение жажде мести и другим страстям потерпевшего. Цыгане не принимают «правосудие джунглей» – крис не превращается в расправу даже при стопроцентной доказанности вины. К тому же крис не принимает решения, последствия которых будут необратимы в случае отмены решения по каким-либо причинам.

Кроме того, на демократичность криса влияет наличие своеобразной «вертикали судебной власти». Своеобразие этой вертикали заключается в том, что дело может только «подниматься по инстанциям», т. е. крис может быть повторно собран с привлечением более авторитетных судей, третьих лиц и т. д. Но «вниз» никакие указания спускаться не могут – структура и механизм цыганского суда не позволяют формировать «высшую» инстанцию до окончания разбирательства по делу.

Какие решения может вынести крис? По делам имущественного характера речь может идти о выплате или отработке долга. По делам о преступлениях против нравственно-

сти или половой неприкосновенности, по делам об убийстве крис может вынести решение о признании обвиняемого «не вхожим в приличный дом» – магардо (поганый – цыг.). По высказываниям многих цыган, стать магардо – хуже смерти. Отлучение от общества – страшное наказание для цыганской семьи, означающее потерю социальных связей, потерю возможности развиваться и воспитывать детей в цыганском мире. Это может привести к разрушению семьи, ассимиляции – превращению в гаджэ. Раньше отлучение от общины могло привести и к физической гибели семьи. До сих пор такое решение криса влечёт за собой, как правило, переезд семьи обвиняемого в отдалённые от уже сложившегося общества места.

Очень важно отметить, что крис собирается крайне редко. «Это большой позор для цыгана – попасть под суд криса. Ведь там судят не только тебя, но и твой род, твоих предков и потомков, все твои дела... Поэтому мы всегда стараемся избежать криса, стараемся сами решать все вопросы», – говорит Д.А. Домбровский.

В любом случае у человека, побывавшего под судом криса и получившего даже самое строгое наказание, всегда есть возможность всей своей жизнью, делами и словами доказать окружающим своё исправление, искупить свою вину и частично, со временем, восстановить нарушенные отношения.

Месть запрещена, и убийство или членовредительство не могут быть наказанием для обвиняемого на крисе. Основной целью криса является примирение сторон, нахождение компромиссных решений, поэтому все меры, связанные с пролитием крови или ограничением свободы, крисом не применяются.

Проблема кровной мести решена у цыган следующим образом.

Кроме природной миролюбивости, кроме принятия христианской морали, на решение проблемы кровной мести по-

влияло ещё и правильное понимание психологических причин укоренения такого обычая в обществе.

Вообще можно выделить **три** внешне схожих, но различных по своей сути вида убийств.

Убийство в состоянии аффекта. (Аффект – кратковременное эмоциональное состояние человека, обычно вызванное травмирующими переживаниями, в котором он считается невменяемым или ограниченно вменяемым). Когда человек, например, видя, как убили его родственника, впадает во временное помешательство и расправляется с убийцей. Данный вид убийств не предполагает дальнейшей цепи убийств того же вида, так как сложно себе представить, что все желающие отомстить за убийство окажутся в состоянии аффекта.

Убийство из мести. Когда человек, у которого, к примеру, убили родственника, в результате тяжёлой душевной работы, в результате переживаний и душевных метаний осознаёт, что ему как бы «тесно» жить с убийцей на одной Земле. Идущий на убийство из мести в таком случае готов на всё – он не думает даже о своей дальнейшей судьбе, не старается скрыться от правосудия, он живёт только жаждой мести. Данный вид убийств тоже не может повлечь за собой цепочку подобных преступлений, так как не всякий человек способен проделать такой сложный, пусть и негативный, душевный путь.

Кровная месть. На первый взгляд, схожий с двумя вышеприведёнными видами убийств, однако являющийся, по сути, элементом правового регулирования. В совершении такого рода убийства очень активно участвует заинтересованное сообщество. Общественное мнение, следование обычаю, ритуальная составляющая – факторы, играющие решающую роль. Только за счёт этих факторов и возможно продолжение серии убийств, обоснованных кровной местью. Отношение сообщества к людям, отказавшимся

мстить, как к изгоям, как к слабакам, порождает больше убийств, чем, собственно, желание отомстить.

Хорошо разбираясь в психологии человека, понимая губительные последствия убийства «с молчаливого согласия», цыгане не приняли обычай кровной мести. Если человек решит мстить обидчику, его не остановит ни крик, ни какой-либо другой суд. Но по крови эта месть передаваться не будет. Ответно мстить не станут под страхом изгнания из общества.

Способы разрешения конфликтов в цыганском сообществе представляют большой интерес и могут являться предметом различных исследований. Данная статья лишь даёт представление о существовании таких способов.

Цыгане очень талантливый и миролюбивый народ, выбравший свой путь развития. Этот путь неоднозначен, с точки зрения **человека государственного**, может быть, неприемлем. Это свободная, а потому – трудная дорога, это – «своя колея». Есть масса примеров благотворного и доброжелательного сосуществования цыган и коренного населения многих государств. Важно знать и помнить эти примеры. Автор надеется, что данная статья поможет такому сосуществованию.

Примирение в истории права: сравнительный анализ моделей

История развития древних обществ свидетельствует, что их коммуникационный опыт, в частности, обуславливал частоту, продолжительность и глубину конфликтов между социальными группами. При этом важную роль играл географический фактор. Причем, по мнению Г.В. Мальцева, контакты между ними облегчаются либо затрудняются в зависимости от того, насколько близко друг от друга они проживают.

«Когда группы расселены свободно на больших пространствах, – полагает Г.В. Мальцев, – ... они практически не встречаются друг с другом, не имеют поводов для ссор и вражды, в противном же случае реагируют просто – одна или обе группы меняют место дислокации»¹. И в таком случае мобильность обеспечивает мир. Способы разрешения конфликтов и споров возникают в обществах, где проживало множество сотрудничавших и конкурировавших между собой групп. Как справедливо подчеркивает Г.В. Мальцев, «людей объединяло сознание необходимости жить в мире не только с родственниками, но и с соседями, в особенности, с близкими»².

Основной задачей разрешения возникавших споров было примирение в целях обеспечения согласия и единения людей, живущих совместно в одном регионе.

По мере неизбежного в ходе эволюции расслоения общества число конфликтов возрастало, что приводило к форма-

---

¹ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. Норма. Цифра. М., 2012. С. 549–550.

² Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 550.

лизации и институционализации способов их разрешения. К формальным способам прибегали тогда, когда исчезала надежда на примирение и «полюбовное» соглашение между сторонами спора или конфликта.

Г.В. Мальцев обобщенно описывает процедуру примирения: «центральное место в примирительном процессе занимают переговоры – взаимодействие участников спора». Тот, кто настроен воинственно и желает мстить, отвергает переговоры. В этом случае требуется посредник, который выжидает время и снижение накала страстей, чтобы склонить стороны к мирному течению конфликта. Он встречается поочередно с каждой из сторон и выясняет объем требований одной и условия, на которых они будут приняты, другой. Таким образом, основная работа проводилась на стадии заочных переговоров. Но примирение требовало и «непосредственного контакта сторон, присяг, клятв, публично совершаемых ритуалов»³. Не всегда публичная встреча сторон завершалась примирением, об этом свидетельствуют исландские саги⁴. Если же усилия посредника были успешны, то примирение достигалось на основе компромиссов интересов сторон.

Как отмечает Г.В. Мальцев, «основная задача института посредничества в древнем обществе – поддержание мира путем решения спорных случаев таким образом, чтобы ни у кого не было поводов обижаться и мстить»⁵. При этом личность посредника должна была признаваться миролюбивой и нейтральной; так, например, у суданских племен нуэров посредником выступает Вождь леопардовой шкуры, в присутствии которого никто не может быть вооруженным, запрещено вносить в его дом оружие, он использует только мирные средства в переговорах⁶.

---

³ Там же. С. 551.

⁴ См.: там же. С. 552.

⁵ Там же.

⁶ См.: там же.

Другой способ – с помощью своеобразных правовых защитников. В этом случае на стороне спорящих или конфликтующих выступают по одному или несколько представителей, каждый из которых защищает интересы лишь одной стороны в словесном состязании. Примером тому служит обычай удэгейцев – дальневосточного народа. В случае убийства виновный на время прячется. Обе стороны конфликта обеспечивают себя защитниками – лицами из других нейтральных родов, обладающими высокой репутацией, силой логики и красноречием. В определенный день производится словесное состязание, в ходе которого посредник одной стороны пытается склонить к миру другую. Родственники обеих сторон при этом расположены на местности так, что не могут ни видеть, ни слышать друг друга. В случае успеха посредников достигается соглашение о мире, влекущее натуральную уплату убийцей и его родом семье жертвы компенсации: «8 котлов, 6 копий, 30 расшитых одежд и 30 соболей». Чтобы кровь все же была пролита, убивают несколько собак, на этом инцидент считается исчерпанным⁷.

Следует отметить, что такие «посреднические суды» характерны для различных регионов мира. Более того, народы, сохранившие родовую организацию, использовали подобные модели и в последующие исторические эпохи. Так, например, «бессудебный» порядок разрешения споров и конфликтов известен группе филиппинских племен ифугао и калинга (данные по состоянию на II половину XIX в.)⁸.

Другое филиппинское племя тируреов имело общее собрание «правовых лидеров», члены которого представляли интересы своих сородичей. Правовой лидер – «кефедуван» был признанным экспертом в обычном праве, хранителем

---

⁷ Там же. С. 553.

⁸ Там же. С. 561.

(в своей памяти) деталей прошлых сделок, композиций и брачных плат, он регулярно принимал участие в общем собрании правовых лидеров, действующем как согласительный орган разрешения споров. На этом собрании ведутся формальные переговоры, заканчивающиеся компромиссом. Правовыми лидерами являются лица, обладающие нравственным авторитетом, почтенным возрастом и знанием местных обычаев⁹.

Институт посредничества был известен и арабийским арабам доисламского периода, они решали споры и конфликты как бытовые, так и межплеменные. Участвовали в заключении мирных договоров, как правило, представители влиятельных племен, среди которых можно указать и мекканское племя курейшитов, к которому относился и род Магомета¹⁰.

Посредничество в разрешении споров и конфликтов существовало и у исландцев эпохи саг, причем эти знатоки законов уже брали плату за свою примирительную деятельность, в отличие от посредников более древних обществ¹¹. В судебном процессе посредники активно торговались при выработке условий мира. В «Саге о Ньяле» рассказывается о мастере своего дела – посреднике Хьялти, которому удалось уладить через суд несколько разнородных дел сразу (убийство, ранение, прелюбодеяние, порубка) с участием большого числа истцов и ответчиков, искусно приведенных к примирению: все помирились и поклялись не мстить друг другу¹².

Следует отметить одну из ценностей посредничества (медиации), отличающую ее от официального суда (юстиции) – принятое в результате посредничества решение ис-

---

⁹ См.: там же. С. 562.

¹⁰ См.: там же. С. 574.

¹¹ См.: там же. С. 586.

¹² Там же. С. 587–588.

полняется, как правило, самими сторонами добровольно и незамедлительно, тогда как судебное решение исполняется вопреки воле сторон (или одной из сторон) официальными лицами общественного или государственного принуждения. И вторая ценность – при посредничестве основным является восстановительный процесс, а при официальной юстиции решение воплощает не только восстановительный эффект, но и влечет карательный.

Понятно, что моделей примирения в истории человечества было множество, они определялись различными факторами, одни отличались преемственностью, другие модифицировались по мере эволюции условий, в которых они действовали. В ограниченных рамках обзора всех не охватить. Поэтому перейдем к отечественным, сложившимся в эпоху Нового времени. Модернизация суда, которая проводилась в России в 60-е годы XIX века, привела к созданию, в частности, нового местного суда (волостного и мирового), в деятельности которого широко использовались примирительные процедуры.

Приведем несколько примеров. По воспоминаниям мирового судьи Николая Адриановича Неклюдова известна одна курьезная история из деятельности другого мирового судьи, Тизделя. Отмечая «живой интерес», который «возбуждало к себе разбирательство у мировых судей» в общественной среде, Тиздель привел один «оригинальный случай». Двое молодых людей, желая испытать на себе впечатление от примирительного судопроизводства, договорились «принести один против другого жалобу с фиктивным обвинением в словесной обиде, будто бы в оскорблении бранными словами на улице, с тем, что обиженный перед постановлением приговора заявил, что он прощает обидчика, и дело прекратится». Все началось как по писаному, но то ли молодые люди случайно обнаружили свой замысел излишней веселостью, то ли Тиздель узнал об этом из другого источника.

Тогда мировой судья, выслушав «торжественное заявление потерпевшего о том, что он прощает оскорбителя своей чести», объявил о прекращении дела об оскорблении, но «из заявления обвинителя и признания подсудимого усматривает ссору на улице и нарушение общественной тишины». Это, в соответствии со ст. 38 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, дает основание для привлечения их обоих к ответственности, и судья отложил разбирательство по делу до следующего заседания. Лица у молодых людей от удивления вытянулись, и, «вздумавшие разыграть судебную комедию», они «совсем растерялись». По окончании заседания судья, сняв цепь, заявил им: «Судом шутить не следует: это – забава опасная. А теперь идите с миром, я не стану вас судить, но помните, чем вы рисковали»¹³.

Такая деятельность мирового судьи резко контрастировала с отношением к правосудию должностных лиц, к компетенции которых в дореформенный период относились дела равной подсудности. Речь идет о членах Нижнего земского суда, совмещавших административно-полицейские и судебные функции. А.Ф. Кони упоминал в указанном произведении «правдоподобный рассказ о мещанине», который «своим буйством приводил в смятение и ужас своих домашних и соседей, но умел устраивать свои дела с местным полицейским судом так, что всегда выходил сух из воды». Когда же, «верный своим привычкам, он впервые получил повестку о явке уже к мировому судье, «он задумался, загрустил, стал сумрачен, трезв и тревожно ласков с окружающими; накануне заседания ходил в баню, а в самый день сбежал поставить свечку в часовню, надел чистое белье и слезно простился с домашними, которые, в свою очередь, плакали, – все ему простив и забыв, – и с трепетом ждали его возвра-

¹³ Кони А.Ф. «Отцы и дети судебной реформы». (К пяти-десятилетию Судебных уставов.) 1864. 20 ноября 1914. Изд. Т-ва И.Д. Сытина. М., 1914. С. 196.

щения от неведомого «мирового». Вернулся он к ночи «пьянее вина» и радостно объявил: «Мировой, мировой! Я думал и невесть что, сколько страху натерпелся, думал – съест он меня, а он, мировой-то ваш, на цепи сидит, да и говорит все так по-хорошему!»¹⁴.

По справедливой оценке А.Ф. Кони, камеры мировых судей явились «не только местом отправления доступного народу правосудия, но и школою порядочности и уважения к человеческому достоинству. Местный обыватель увидел очень скоро, что стародавняя поговорка: «бойся не суда, а судьи» теряет свое значение правила житейской мудрости»¹⁵.

А.Ф. Кони привел и другой пример примирительного судопроизводства дореформенного периода.

Ссылаясь на рассказ Ивана Федоровича Горбунова о деятельности квартального надзирателя, бывшего представителем местного суда и администрации, творившим свое неписаное право, понятное уму и сердцу обывателя, упоминает случай обычного разбирательства дела в канцелярии ранним утром, «когда трещит голова и требуется селедка с яблоками». Он отмечает, что «приемы примирения очень просты, хотя и неожиданны: «Позвольте узнать, в каком положении мое дело? – спрашивает, подходя к столу, средних лет женщина. – Вы Анна Ключева? Вдова сенатского копииста? – Да-с. – Такъ-с! А вы давно клязумами изволите заниматься? – Помилуйте, какая же это клязузы, когда он на паперти меня прибил... – А свидетели у вас есть? А доктор вас свидетельствовал? – Помилуйте...– Вы нась, матушка, помилуйте! И без вас у нас дела много. Вы – женщина бедная, возьмите пять рублей и ступайте с Богом. А то мы вас сейчас должны будем отправить к частному доктору для

---

¹⁴ Там же. С 193.

¹⁵ Там же.

освидетельствования нанесенных вам побоев, тот раздевать вас будет... Что хорошаго, вы – дама». Просительница начинает всхлипывать. – «А как тот, с своей стороны, озлится, да приведет свидетелей, которые под присягой покажут, что его в этот день не только в церкви, а и в Москве не было, так вас за облыжное-то показание...» «Помилуйте, – прерывает просительница. – Позвольте, дайте мне говорить... Вы не бывали на Ваганьковском кладбище? – Мой муж там схоронен. – Стало быть, мимо острога проезжали. Неприятно ведь вам будет в остроге сидеть. – Я правду говорю! Неужели за правду... – Полноте, возьмите пять рублей. Василий Иванович, возьмите с г-жи Ключевой подписку, что она дело прекращает миром. Вам напишут, а вы подпишите. – Извольте, я подпишу, только пяти рублей не возьму... Бог с вами! – Ну, как хотите!»¹⁶.

С введением же мировой юстиции «место произвола понемногу ... стала заступать законность, а гласное разбирательство представило обширное поле для наблюдения над жизнью... захваченного врасплох и раскрываемого без искусственного освещения, умолчания и прикрас»¹⁷.

Особой моделью российской примирительной юстиции был выборный суд для крестьян, действовавший как в дореформенный, так и пореформенный период (волостной суд). Официальное признание особой юрисдикции выборных должностных лиц крестьянского мира (общин невладельческих крестьян), по мнению Л.И. Земцова, относится к 60-м годам XVIII в. Большинство законов указанного периода «главной целью выборных лиц, осуществлявших судебные функции, называло примирение сторон»¹⁸, что отражало

---

¹⁶ Там же. С. 287.

¹⁷ Там же. С. 291.

¹⁸ См. об этом: *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века. Изд-во Воронежского государственного университета. 2002. С. 7.

традиционное понимание справедливого решения дела российским крестьянством.

Процедура примирения законом не была регламентирована. Л.И. Земцов, исследовавший эту проблему, описывает ее как сложившуюся на практике: «чтобы мировая состоялась, необходимо осуществить ряд последовательных судебных действий, выяснения кто прав, кто виноват; определить, как возместить ущерб или обиду, величину и вид возмещения и т. д., и получить: истцу – возмещение убытков, виновному же – выставить штраф в виде (чаще всего) полуведра вина для тех представителей общества, кто мирил»¹⁹.

Решение основывалось на действующем в данной местности правовом обычае, обеспеченном общественным принуждением. «При этом, – как отмечает Л.И. Земцов, – крестьянин еще будет биться за то, чтобы меньше уступить в результате примирения»²⁰. После крестьянской реформы 1861 года крестьянская юстиция будет оставлена только на волостном, а не сельском уровне и законодательно институционализована.

Созданный волостной суд будет включен после 1864 года в систему местной юстиции, но, в отличие от мирового суда, останется узко-сословным, крестьянским. Однако Л.И. Земцов указывает на факты обращения в волостные суды и лиц других сословий: местных помещиков, духовных лиц и мещан, оценивавших их как справедливые²¹.

В отличие от судов общей юрисдикции производство гражданских дел в волостных судах имело примирительную нацеленность. Согласно ст. 107 «Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года, «при рассмотрении тяжёбного дела

---

¹⁹ Там же. С. 9.

²⁰ Там же.

²¹ См.: там же. С. 12.

в самом волостном суде судьи, по выслушании тяжущихся сторон, стараются склонить их к примирению. Если стороны примирились, то должны в то же время объявить, что одна уступает или чем вознаграждает другую и каким образом должно последовать удовлетворение»²².

Примирение на практике случалось до судебного разбирательства, в ходе процесса, а иногда и после судебного решения, даже и через значительный промежуток времени.

Примирение по уголовным делам (незначительным, например, дракам, мелким кражам и т. п.) в волостных судах достигалось редко, но случаи досудебного примирения встречались часто²³. При этом, как отмечает Л.И. Земцов, примирение более распространено в неофициальной юрисдикции сельских судов, чем официальных волостных судов²⁴.

Как отмечал В.В.Тенишев, к числу неофициальных крестьянских судов, имеющих примирительный характер, относились семейные суды, суды стариков и соседей, третейские суды, суд сельского старосты и сельского схода. Семейные суды рассматривали дела о проступках членов своей семьи, совершенных как внутри, так и вне семьи. «Производство» в них, по мнению В.В. Тенишева, граничило с произволом, жестоким самосудом²⁵. Судьей выступал, как правило, старейший либо иной авторитетный член семьи. Если примирение не достигалось, назначалось и исполнялось наказание членами семьи.

Судам стариков подлежали, по обычаю, дела об обидах и оскорблениях в случаях, когда стороны не хотели обращаться

---

²² Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. // Под общ. ред. О.И. Чистякова. Документы крестьянской реформы. Т. 7. М., 1989. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II.

²³ См.: Л.И. Земцов. Указ. соч. С. 27 и др.

²⁴ Там же. С. 29.

²⁵ См.: Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. URSS. М., 2010. С. 63.

ся в волостной суд. Также суду стариков подлежали дела о потравах. В.В. Тенишев указывал: «Суд стариков или соседей состоит из неопределенного числа лиц в присутствии сельского старосты. Порядок разбирательства в этом суде примирительный и заключается в следующем: крестьянин, например, при потраве у него хлеба или огорода скотом, при перекосе ли травы на лугах или хлеба в поле, или же при перепашке конопляника ..., заявляет об этом жалобу сельскому старосте, который приглашает либо нескольких ... стариков, либо соседей потерпевшего и виновного»²⁶. Староста со стариками осматривают место потравы, определяют причиненный убыток, после чего пытаются убедить стороны в необходимости примирения. При согласии дело прекращается без письменного решения, в противном случае сторонам предлагают обратиться в волостной суд²⁷.

Третейские суды являлись также неофициальными. Тяжущиеся сами прибегали к ним по соглашению между собой. Состав их был схож с судами стариков. Однако, как отмечал В.В. Тенишев, «понятие нравственной обязательности решений третейских судов для спорящих еще мало развито в крестьянском быту»²⁸. И если совету этого суда спорящие не последуют, то обращаться после этого в суд официальный считается предосудительным²⁹. Вместе с тем были случаи, когда решения третейских судов заносились в книгу волостных правлений и исполнялись волостным старшиной – главой волостной администрации³⁰.

Идеологическим основанием примирения несомненно было и отношение к нему в догматах христианской религии. В Евангелии от Матвея сказано: «Мирись с соперником

---

²⁶ См.: там же. С. 64–65.

²⁷ См.: там же. С. 66.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. URSS. М., 2010. С. 66.

³⁰ См.: там же. С. 67.

скорее, пока ты едешь на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу: истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта» (Мф. 5, 25–26). Смысл сказанного заключается в том, чтобы до обращения в суд договориться и примириться, каждому найти свою вину, поскольку в каждом конфликте возможна обоюдная вина, и если она найдена и признана, конфликт может быть разрешен. Поэтому если вспомнить, что брат твой имеет что-нибудь против тебя ... пойдя и примиришься с братом твоим (Мф. 5, 23)³¹. Иисус Христос предлагал спорящим всегда искать согласия между собою, идти на примирение, прежде чем идти в суд, чтобы «судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не вверг тебя в темницу»³².

В заключение хотелось бы обобщить положительные черты примирительного производства. Это правовой способ разрешения спора и конфликта, обеспечивающий в большей мере процессуальное равенство сторон, поскольку соглашение достигается лишь при обоюдной договоренности на основе компромисса. Каждый в процессе разрешения конфликта управляет им в целях продвижения своего интереса. В результате позиции уравниваются, что позволяет каждой из сторон получить удовлетворение.

Посреднический процесс более экономичен, чем судопроизводство, как в древности, так и сейчас. Психологический эффект более значителен в посредническом процессе, который способствует снятию напряженности у людей, озлобленности и враждебности друг к другу. Поэтому он не должен вытеснять судебного порядка, но может быть одной из альтернативных дополнительных форм.

---

³¹ См. об этом: Христианское учение о преступлении и наказании. М.: Издательство «Норма». М., 2009. С. 39.

³² Там же. С. 92.

Эльвина Ерофеева

**Переговоры Сан-Андрес: восстание сапатистов
1994 г. в Чиапасе и опыт медиации в конфликтах
с участием коренных народов**

I. Значение избранного прецедента: конфликт нового поколения

Настоящая статья имеет целью представить опыт урегулирования конфликта и последующего построения мира, когда в штате Чиапас (Мексика) в 1994 г. произошло вооруженное восстание индейцев майя, организованных в Сапатистскую армию национального освобождения (русская аббревиатура – САНО, на испанском языке – EZLN).

В январе 1994 г. Сапатистская индейская «армия» вступила в столкновение с мексиканскими вооруженными силами, потеряв несколько десятков человек. При участии медиаторов и гражданского общества вооруженное противостояние между повстанцами и армией вскоре закончилось временным перемирием и последующей организацией переговорного процесса в поселке Сан-Андрес, где в 1996 г. между индейскими повстанцами и представителями государства было подписано первое Соглашение о правах индейцев на собственную культуру и традиции («Соглашения Сан-Андрес», 1996 г.).

Для разрешения «индейского вопроса» была необходима реформа мексиканской конституции, которая бы оговорила своеобразие культурного развития индейских народов в составе мексиканской нации с одновременным включением индейского представительства на всех уровнях политиче-

ской власти, а именно – на региональном (штаты Мексики) и федеральном (парламент Мексики), а также предоставление индейцам автономии с правом иметь собственное самоуправление и собственные традиционные способы разрешения конфликтов, выработанные народностями майя на протяжении веков. Для справедливого рассмотрения сапатистской повестки нужно было также внести в Конституцию Мексики важную реформу, а именно право индейцев на владение собственными природными ресурсами для осуществления их жизненно необходимой и традиционной деятельности, как это оговаривает Конвенция МОТ № 169¹, где Мексика является подписантом с 1990 г.²

Предполагалось, что переговоры в поселке Сан-Андрес, Чиапас, должны были выработать Соглашения между повстанцами и государством, которые в дальнейшем поступят в Конгресс, где на основании этих соглашений должен быть разработан законопроект о правах коренных народов для последующего внесения поправок в Конституцию Мексики. Повестка переговоров включала права индейцев на собственную культуру (язык и традиции), административную автономию, права индейских женщин, политическое представительство и право на владение земельными ресурсами.

Для юридического закрепления начала переговоров в Сан-Андрес был принят специальный Закон от 11 марта 1995 г. «О диалоге, примирении и достойном мире в Чиапасе»³ и создана Комиссия по согласованию и умиротворению (СОСОРА), которая состояла из многопартийного представительства парламента Мексики. Стороны достигли со-

---

¹ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция 169]. Принята 27 июня 1989 г. Генеральной конференцией Международной организации труда на ее семьдесят шестой сессии.

² См.: ILO, Ratifications for Mexico.

³ LEY PARA EL DIBLOGO, LA CONCILIACION Y LA PAZ DIGNA EN CHIAPAS, 11 de marzo de 1995 (<http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/177.pdf>)

глашения только по первому вопросу – «О правах и культуре индейцев», которое было подписано 16 февраля 1996 г.⁴ Остальные вопросы были проигнорированы правительством, несмотря на то что в ту же самую дату между сапатистами, медиаторами (CONAI) и представителями правительства (COCOPA) было подписано соглашение о намерениях, оговаривающее продолжение переговоров и включение в повестку дня вопросов автономии, политического представительства и права индейских народов на природные ресурсы⁵. Переговоры были прерваны, и для жителей сапатистских поселков начались репрессии.

Однако даже подписанное сторонами единственное Соглашение выполнено не было вплоть до смены политического руководства страны в 2000 г., когда к власти пришла Партия национального действия (PAN). В итоге Соглашение было переработано в законопроект, и в Конституцию были внесены поправки (статьи 1 и 2, пункты А и В)⁶, признающие право коренных народов на собственную культуру и традиции при сохранении неизменными их прав как граждан Мексики.

Специалисты считают восстание индейцев-сапатистов «конфликтом нового поколения», где движущей силой является поиск новых путей развития, альтернативных процессу глобализации, или, как говорят индейцы, попытки построить «мир, где умещается много миров». Феномен сапатизма носит уникальный характер, так как в нем переплетается множество факторов: региональный, этнический, политический, исторический, социально-экономический.

Особенностью сапатистского восстания как конфликта нового поколения является не замкнутость на локальных

---

⁴ См. текст первого Соглашения, опубликованного на сайте Центра сапатистской документации (CEDOZ): (<http://www.cedo.org/site/content.php?doc=358&cat=6>)

⁵ CEDOZ, Documento 2 (<http://www.cedo.org/site/content.php?doc=366&cat=6>)

⁶ Конституция Мексики, <http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/1.pdf>

проблемах, а требование реформ для включения в социальную и политическую жизнь всех индейских народов Мексики, так как глубинные причины сапатистского конфликта лежат в многовековой исключенности индейских народов, унаследованной от колониализма и постколониального развития страны, когда государством проводилась патерналистская политика по отношению к индейцам, исключающая их право на самоопределение. Медиаторами CONAI была разработана модель примирения, которая предусматривает разрешение структурных проблем, характерных для всех стран Латинской Америки.

Помимо этнического фактора конфликт «нового поколения» представляется особенно интересным в том плане, что сапатистский проект вызвал живой интерес на международном уровне благодаря широкой информационной кампании, которую индейцы вели с помощью передовых технологий и продолжают вести через своего представителя – субкоманданте Маркоса, чье слово отмечено «явным влиянием ораторского стиля современных майя, переплетенного с романтической образностью речи носителя испанского языка»⁷. Основные принципы построения индейцами майя «нового мира» – «индейской демократии», оформленные в кратком образном стиле, стали крылатыми фразами и активно используются музыкантами и бардами испаноязычного мира⁸.

Восстание сапатистов 1994 г. и последующие Переговоры Сан-Андрес 1996 г. достаточно подробно изучены мексиканскими и особенно иностранными исследователями,

---

⁷ Gary Gossen, *Maya Zapatistas Move to the Ancient Future*, *American Anthropologist* 98(3): 528–538, American Anthropological Association, с. 532. (Примечание: далее везде перевод из источников автора данной статьи.)

⁸ См., напр.: “Pedro Guerra: Chiapas” на слова субкоманданте Маркоса, “Un mundo donde quepan muchos mundos” (Мир, где умещалось бы много миров), “Todo para todos, nada para nosotros” (Всё для всех – ничего для нас) в исполнении испанской группы “Hechos contra el decoro” и др.

которые единодушно отмечают преобладание культурного фактора в разрешении насущного индейского вопроса Мексики и даже называют восстание сапатистов мексиканской «культурной революцией», имеющей уникальный характер. Тем не менее до сих пор мало изученной представляется собственно работа гражданских медиаторов, участвующих в урегулировании конфликта, а именно Национальной комиссии по медиации (CONAI, ныне SERAPAZ⁹). Немалый интерес представляет также опыт сотрудничества в процессе урегулирования конфликта между институтом гражданских медиаторов (CONAI) и специально учрежденной для переговоров комиссией СОСОРА («кокопа»), куда вошли представители мексиканского парламента, призванные оформлять достигнутые соглашения в конституционный законопроект. Возможно, вопрос о характере сотрудничества между гражданскими медиаторами и парламентскими законодателями еще ждет как своего исследователя, так и заинтересованного читателя. Автор надеется, что данная статья частично раскроет эту тему и заинтересует российских медиаторов¹⁰.

II. Общий обзор штата Чиapas и предыстория конфликта

Чиapas – самый южный штат Мексики и на протяжении всей южной границы соседствует с Гватемалой, на севере граничит со штатом Табаско, штатом Веракрус на северо-западе и штатом Оахака на западе. Чиapas находится недалеко также от перешейка Теуантепек, соединяющего воды Атлантического и Тихого океанов.

В Чиapasе находятся значимые исторические памятники (городища классического периода цивилизации майя), по-

---

⁹ SERAPAZ (<http://www.serapaz.org.mx/>)

¹⁰ Полную версию статьи см. на сайте общественного центра «Судебно-правовая реформа».

ражающие воображение природные явления (каньон де Сумидеро), последний в Северной Америке сохранившийся уникальный массив ливневого леса (Лакандонская сельва). В Чиапасе есть небольшие уютные городишки с колониальной архитектурой, где чувствуется атмосфера старой доброй Мексики, и наконец, многочисленное индейское население (преимущественно народностей майя), составляющее около 30 % всего населения штата, причем каждый индейский поселок интересен особенностями своего языка и своей культуры. Все эти черты придают Чиапасу незабываемый колорит.

Однако Чиапас имеет конкретное стратегическое значение для Мексики – это географический коридор из стран Центральной Америки на север, в США. В последних три десятилетия ранее аграрный штат Чиапас стал известен также своими залежами нефти и газа и электростанциями, построенными на бурных горных реках, которые в настоящее время производят более 50 % электроэнергии для всей Мексики.

С начала войны за Независимость (1810) в Чиапасе сформировалась землевладельческая олигархия, которая неуклонно увеличивала территорию своих владений, в том числе за счет церковных земель и земель индейских общин. В основном эти земли были отданы под экстенсивное скотоводство, и в поместьях работали проживавшие на правах батраков пеоны, которые были привязаны либо к низкой зарплате, либо к рациону, либо к долгам. В эпоху Порфирио Диаса (1876–1911) в Мексику, в том числе и в Чиапас, прибывают иностранные инвесторы из Великобритании, США, Испании, Франции и Германии. Они скупают в Чиапасе не используемые в сельском хозяйстве земли и организуют кофейные плантации, производство каучука, чикле и ценных пород дерева на территории Лакандонской сельвы. Таким образом, с конца XIX в. Чиапас приобрел экономическую региональную структуру, которая сохраняется и поныне.

С началом мексиканской Революции (1910–1920) штат Чиapas испытал не меньшие потрясения, чем остальная Мексика, но в силу описанных ниже обстоятельств его патриархальная экономическая структура мало изменилась. Для борьбы с прогрессистскими реформами президента Венустьяно Каррансы молодыми плантаторами была создана «Свободная бригада Чиapasа», которая начала вооруженное сопротивление каррансистам в форме герильи, называемой «мапачадой» (*‘mapachada’*, от слова *‘mapache’* – крот), так как боевики-мапаче почти всегда выступали ночью и наносили урожаю и крестьянам урон, схожий с уроном от грызунов. Боевые подразделения плантаторов и их наемников для охраны своих владений стали прообразом так называемых «Белых гвардий» – полувоенных формирований, которые вплоть до настоящего времени проводят карательные операции против индейских поселков и индейских активистов. С приходом к власти в 1910 г. Альваро Обрегона мапаче смогли договориться с федеральной властью в обмен на спокойствие и прекращение военных действий в регионе. Соответственно, конституционные реформы Революции были проигнорированы и к власти в Чиapasе опять пришли богатые землевладельцы, заморозив таким образом революционные преобразования в аграрной сфере. В период Революции в Чиapasе были заложены основы для противоречий его будущего развития, где сохранились социально-экономические и политические отношения эпохи ушедшего порфиризма, которые в последующие годы вступили в острое противоречие с необходимостью экономической модернизации штата.

Противостояние между городами Тукстла-Гутьеррес и Сан-Криcтобале началось в XIX в. и продолжилось во время Революции. В городе Сан-Криcтобале, который несколько веков оставался столицей штата, в основном, проживали консерваторы – богатые землевладельцы и скотоводы,

наследники правящей касты Новой Испании – «колетос». Город Тукстла, который находится на расстоянии примерно 90 км от Сан-Кристобалья и расположен в долине, стал центром новых либеральных веяний – развития промышленности, строительства дорог и развития капитала, так как богатые ранчерос и предприниматели, которые стали состоятельными жителями Тукстлы, следовали в фарватере политики мексиканского президента Порфирио Диаса, открывшего Мексику для иностранных инвестиций. Борьба между консерваторами и либералами за рабочую силу началась после войны за Независимость и на протяжении всего XIX в. приводила к дестабилизации обстановки в Чиапасе и индейским восстаниям¹¹.

Изучение причин недавнего конфликта в Чиапасе невозможно без дополнительного пояснения конгломерата проблем – социальных, этнических, политических, экономических и расовых, – которые с течением времени аккумуляровались в регионе **Лакандонской сельвы** и превратили эту зону в бурлящий котел, где вследствие недальновидных аграрных реформ и особенностей исторического развития постепенно сформировались предпосылки для будущих политических и этнических конфликтов. Лакандонская сельва в XX в. – это зона острого противостояния интересов сразу нескольких игроков экономического рынка: скотоводов, аграрных общин, нефтяников, экологов и компаний по биотехнологиям. Кроме того, на окраинах Лакандонской сельвы располагаются базы мексиканских вооруженных сил и «Белых гвардий» – полувоенных формирований из индейцев традиционных общин, управляемых богатыми касиками, которых финансируют либо местные магнаты, либо чиновники государственных структур, которые таким образом защищают свои интересы.

---

¹¹ *Jan Rus*. Whose Caste War? Indians, Ladinos and the Chiapas 'Caste War' of 1869.

Уникальный массив ливневого леса, последний сохранившийся в Северной Америке, располагается в Чиапасе вдоль границы с Гватемалой и содержит 25 % биологического разнообразия Мексики. Промышленная вырубка леса в сельве началась в XIX в., а уничтожение уникального леса при помощи тяжелой техники в XX в. привело к необратимым последствиям. Истощение пастбищ в Высокогорье Чиапаса под влиянием экстенсивного животноводства, обусловленного сельскохозяйственной политикой Мексики, в течение полувека привело к массовой миграции населения в сельву, причем этот процесс поощрялся государственной политикой с начала сороковых годов прошлого века. В семидесятых годах в сельве насчитывалось около 100 тысяч переселенцев, большинство из которых составляли народности майя – индейцы чоль, тохолабаль, цельталь, аграрные по своему характеру общины. Кроме этих общин в сельве проживали разрозненные семьи охотников-собирателей (карибы-лакандоны), пришедшие из Юкатана в XVIII в. и уцелевшие от цивилизаторской деятельности испанской и впоследствии мексиканской администрации.

Этнические и политические конфликты в сельве усилились в семидесятых годах после того, как президент Мексики Луис Эчеверрия подписал в 1972 г. так называемый «Закон о Лакандонской просеке» (*La ley de la Brecha Lacandona*), по которому более шестисот гектаров сельвы было отдано Лакандонской общине в ущерб остальным индейцам, проживающим в сельве на законных основаниях. Несмотря на предусмотренные правительством программы по переселению, в сельве происходили и до сих пор происходят случаи выселения индейских крестьян и целых общин, считающихся «незаконными захватчиками» земель, что усиливает этническое противостояние в сельве и создает очаг политической напряженности.

Указ 1972 г. инициировал движение сопротивления среди потерявших землю крестьян и способствовал их объединению в борьбе за свои права. Индейские крестьянские союзы, которые стали появляться в Чиапасе с конца семидесятых годов прошлого века, прошли несколько периодов в своем развитии – от требований экономического характера, таких как повышение гарантийных цен на сельхозпродукцию, до выдвижения политических лозунгов. В восьмидесятые годы крестьянское движение обрело своих идеологов, так как в Чиапас стали прибывать участники подпольных политических движений левого направления, в том числе будущий субкоманданте Маркос. Благодаря идеологической поддержке крестьянское движение стало шириться и увеличивать спектр своих требований. Деятельность одних организаций, например, СЮАС (Центральное независимое движение сельскохозяйственных рабочих и крестьян) давала толчок к росту других организаций: Union de Uniones (UU – Союз Союзов), Quiptic Ta Lecubtesel, OCEZ (La Organizacion Campesina Emiliano Zapata – Крестьянская организация им. Эмильяно Сапаты).

Одновременно началось создание индейских организаций, выросших из сопротивления политике изгнания с земель, неуважения к индейцам и их культуре. В 1984 году был создан Совет индейских представителей Высокогорья Чиапаса (CRIACH). Изгнанные крестьяне из Ченало, Чамулы, Теописы и Уистана создали Индейскую организацию Высокогорья Чиапаса (ORIACH). Именно индейские крестьянские движения стали осью, вокруг которой начало формироваться сознание индейцев с выдвижением не только экономических требований аграрной политики, но и с требованием политической свободы, демократии и, прежде всего, признания индейского происхождения своих участников – индейского достоинства, уважения к индейской

культуре. Эти лозунги стали катализатором и прообразом сапатистского восстания.

О пробуждении индейского самосознания свидетельствует весьма характерная акция, прошедшая в день празднования 500-летия открытия Америк. В этот день, 12 октября 1992 г., улицы города Сан-Кристобаль, бывшей столицы Чи-апаса, основанной конкистадором Диего де Мазарьегосом в 1528 г., заполнили сотни индейцев, собравшихся на митинг. Они открыто осудили политику испанской Конкисты и современный нео-либеральный режим правительства. В конце митинга памятник Диего де Мазарьегосу, конкистадору-завоевателю, был повержен на землю¹².

Последняя массовая мобилизация крестьян произошла на улицах Сан-Кристобалья в 1993 г., собравшихся в поддержку епископа Самюэля Руиса, которому угрожала смертью местная организация финкерос. Журналист Амадо Авендано, который наблюдал эту акцию, написал в газете «Эспресо»: «Здесь множество индейцев, мы переходим в другой мир»¹³.

III. Конфликт и хронология процесса построения мира

«Другой мир» стал для Мексики реальностью 1 января 1994 г., когда в старый колониальный город Сан-Кристобаль, где под Новый год традиционно собираются местные и зарубежные туристы, организованно вошли колонны вооруженных индейцев, называвших себя сапатистами, или «Сапатистской армией национального освобождения».

Дата была выбрана неслучайно: именно 1 января 1994 г. в Мексике вступало в силу ратифицированное правительством Карлоса Салинаса-де-Гортари Соглашение о свобод-

---

¹² *Thomas Benjamin. A Time of Reconquest: History, the Maya Revival, and the Zapatista Rebellion in Chiapas.*

¹³ Цитируется по: Juan Gonzalez Esponda y Elizabeth Polito Barrios "Notas para comprender el origen de la rebelion zapatista", Revista Chiapas, No. 1, 1998).

ной экономической зоне в Северной Америке между США, Мексикой и Канадой (NAFTA). Это Соглашение угрожало ускорить уже начавшийся процесс разрушения коллективного индейского землевладения и лишить индейцев зоны их проживания на границах Лакандонской сельвы, которая стала домом для многих общин различной этнической принадлежности. Священная для каждого мексиканца Статья 27 Мексиканской конституции (а Мексика – конституционная республика) является завоеванием Революции и защищает общинное землевладение. Вступление в зону свободной торговли подразумевало «деколлективизацию» общины, введение мелкой частной собственности на землю и свободный оборот земель, которые до сих пор являлись оплотом и базой для существования «эхидо» – крестьянских общин, где собственность на землю являлась коллективной и где общинное землевладение являлось базой для сохранения идентичности индейцев-крестьян.

Правительство Мексики встало перед дилеммой: либо начать вооруженную конфронтацию, рискуя потерять лицо перед иностранными инвесторами, либо начать процесс политической модернизации, то есть обновление демократических процессов в стране.

Появление вооруженных индейцев в туристическом центре Чиапаса было потрясением для всей нации. Простые мексиканцы открыли для себя наличие в собственной стране других граждан – индейских народов, которых традиционно считали за людей второго сорта и углубляющаяся маргинализация которых уже давно никого не удивляла. Вскоре подробности о восстании индейцев-сапатистов вышли на национальный уровень, а затем обошли весь мир. С самого начала характерной чертой сапатистского конфликта как конфликта нового поколения стала сопроводительная информационная кампания и вовлечение в обсуждение конфликта гражданского общества.

Было очевидно, что обе стороны конфликта – федеральные и местные власти с одной стороны, а с другой – сапатистская армия, – не желали углубления и расширения вооруженного противостояния. Поэтому после кратких военных действий начался поиск путей к мирному диалогу.

Перемирие

Дальнейший процесс улаживания конфликта и построения мира разделился на три значимых этапа:

- 1) поиск медиатора и усилия по прекращению боевых действий;
- 2) подготовка к переговорам;
- 3) сам переговорный процесс, нацеленный на разрешение причин конфликта.

Сапатисты, со своей стороны, искали кандидатуру медиатора для переговоров с властями среди гражданского общества – и среди нескольких кандидатов¹⁴ выбрали епископа Сан-Кристобаля Самюэля Руиса-Гарсия, который был хорошо известен окрестным индейцам своим долгим служением их нуждам и уважением к культуре и традициям своей паствы, за что индейцы уважительно называли его “jtatic” (отец). Со стороны государства выступал назначенный Президентом специальный представитель-«переговорщик» Мануэль Камачо Солис, бывший мэр г. Мехико. Обе кандидатуры были согласованы и одобрены сторонами. **21 февраля 1994 г.** в городском соборе Сан-Кристобаля начались переговоры, где медиатором выступал епископ Самюэль Руис. Однако ни сапатистская армия, ни гражданские медиаторы не получили юридически закрепленного статуса переговорщиков и участников переговорного процесса.

---

¹⁴ Рассматривался также вариант привлечь к медиации Ригоберту Менчу – индейскую активистку из соседней с Чиapasом Гватемалы, лауреата Нобелевской премии.

В «соборных» переговорах из 34 требований, предъявленных сапатистами, было принято 24 предварительных пункта, согласованных с представителем Президента. Сапатисты выдвигали требования социальные и политические, однако еще во время переговоров о прекращении огня со стороны властей было четко обозначено нежелание затрагивать политические вопросы, касающиеся государственных реформ, а именно предоставление индейцам автономии и представительства на всех уровнях власти.

Сапатистская армия объявляет, что предварительные результаты соглашений будут вынесены на обсуждения в поселках, и берет паузу – впоследствии станет очевидным, что широкое обсуждение всех вопросов среди своего населения, или своеобразный «индейский плебисцит», является характерной чертой «индейской демократии» по «Законау майя», где важные для общины вопросы выносятся на общее обсуждение и традиционно принимаются решения, устраивающие всю общину¹⁵. В результате консультации в июне 1994 г. большинство сапатистского населения отвергло предложения представителя Президента как не соответствующие его, населения, требованиям¹⁶.

В октябре 1994 г. епископ Руис выступает с инициативой по созданию Национальной комиссии по медиации (Comision Nacional de Intermediacion – CONAI). Становится очевидным, что позиция одиночного медиатора, выдвинутого гражданским обществом, становится особенно уязвимой из-за давления, которое в острой политической ситуации оказывают на него конфликтующие стороны, поэтому необходимой представляется институционализация роли медиатора и создание специального медиативного ор-

---

¹⁵ См.: Э.Ерофеева. Вопросы индейского правосудия в Гватемале и Южной Мексике. Вестник восстановительной юстиции. 2012. № 9.

¹⁶ Cronologia del conflicto EZLN, Latin American Studies (<http://www.latinamericanstudies.org/ezln/cronologia.htm>)

гана из представителей гражданского общества. В конце 1994 г. под давлением общественности Президент Седильо утверждает CONAI.

21 декабря 1994 г. начался обвал мексиканского песо и кризис мексиканской экономики. Правительство обвиняет сапатистов, что они вызвали обвал песо и сорвали обязательства государства перед мировым экономическим сообществом. В этот период можно отметить очень важное событие: конгрессмен Эберто Кастильо публично заявляет, что процесс примирения не должен являться прерогативой единственно Президента, и 5 января 1995 г. создается Законодательная комиссия Диалога и примирения (CODICO)¹⁷. Таким образом, вторая сторона конфликта – государство создает многопартийное представительство, то есть включает парламентариев различных политических партий Мексики, что означает делегирование ответственности и включение в процесс переговоров представителей законодательной власти страны.

Тем не менее официальным представителем государства в продолжающихся переговорах о прекращении огня становится назначенный президентом министр внутренних дел Мексики (Secretario de Gobernacion, SEGOB). Также назначенный Президентом главный переговорщик приобрел статус Координатора диалога и переговоров в Сан-Андрес. Таким образом, благодаря созданию соответствующих органов было достигнуто временное прекращение огня – и стороны начали готовиться к переговорам.

Подготовка к переговорам

15 января 1995 г. Сапатистская армия встречается с CONAI и самим министром внутренних дел (Secretario de Gobernacion) Эстебаном Моктесумой на территории Лакан-

---

¹⁷ Ibid.

донской сельвы, в поселке Гвадалупе-Тепейяк. Во время этой встречи были выработаны процедуры и повестка дня дальнейших переговоров. Неожиданно федеральная армия по команде Президента Седильо предпринимает акцию по захвату сапатистского командования. Индейские командиры быстро уходят в горы, в то время как 20 тысяч индейцев, оказавшихся в зоне конфликта, были вынуждены бросить свои дома, пополнив ряды беженцев.

Перед лицом международной общественности, предчувствуя осуждение за выбор «вооруженного» способа урегулирования конфликта, Президент Седильо объявляет, что он готов к возвращению мирных переговоров и отзывает наступательную операцию. **11 марта 1995 г.** в знак молчаливого признания провала военной операции Конгресс Мексики принял, а Президент Седильо подписал **Закон о диалоге, примирении и достойном мире в Чиапасе**¹⁸. Целью закона было учреждение юридической базы для продвижения вперед процесса диалога и примирения, впоследствии – в форме соглашения достижение достойного, длительного и справедливого разрешения конфликта в Чиапасе. Этот закон подразумевал рассмотрение причин, вызвавших конфликт, способствовал легитимизации Сапатистской армии как политической силы, достойной участвовать в переговорах, рассмотрению требований сапатистов в интересах населения штата Чиапас, развитию социальной сферы и созданию условий, необходимых для амнистии участников конфликта. Закон также оговорил участие в процедуре переговоров Комиссии по достижению мира и примирения, (*la Comisión de Concordia y Pacificación – COCOPA*, «кокопа», вместо *CODICO*). Согласно закону, все достигнутые на переговорах Соглашения должны были поступить в парламент на дальнейшее обсуждение и создание законопроекта.

---

¹⁸ La Ley para el Dialogo, la Conciliacion y la Paz Digna en Chiapas, <http://zedillo.presidencia.gob.mx/pages/chiapas/docs/ley-dialogo.html>

10 сентября 1995 г. САНУ выдвигает свои предложения о процедурной части диалога и учреждении рабочих групп для обсуждения шести главных вопросов:

1. Право индейцев на собственный язык, традиции и культуру.
2. Демократия и справедливость на государственном уровне («justicia» – правосудие в понимании индейцев воспринимается как «справедливость»).
3. Социальное обеспечение и развитие индейских поселков.
4. Процесс примирения в Чиапасе.
5. Права индейских женщин.
6. Прекращение военных действий и попыток агрессии со стороны федеральных войск.

Переговоры Сан-Андрес

18–22 октября 1995 г. начинается первая фаза переговоров, которые проходили в обстановке продолжающегося давления на сапатистских активистов со стороны правительства в прямое нарушение Закона о диалоге. Первый Стол переговоров касался вопросов о правах индейцев на собственную культуру, язык и традиции. Законодатели, входящие в состав СОСОРА, равно как и медиаторы CONAI, имели право привлечь к обсуждению этих вопросов специалистов, экспертов и представителей гражданского общества.

16 февраля 1996 г., после продолжительных консультаций среди гражданских баз САНУ, сапатисты и федеральное правительство подписали первый раунд Соглашений – 40 страниц предложений для формирования будущего Закона об индейских правах и культуре. В это же время идет подготовка ко Второму Столу переговоров – о Демократии и Справедливости, которые должны были начаться 5 марта и которые подразумевали обсуждение демократических

реформ в государстве и предоставлении индейцам права на собственное правосудие.

21 марта 1996 г. начался второй раунд переговоров. Однако представители правительства молча игнорировали ход переговоров или сводили требования сапатистов на местный уровень. Вторая фаза переговоров началась репрессиями со стороны властей – арестами лидеров крестьянских и индейских движений, а с мая по июнь 1996 г. в Чиапасе активизировались «Белые гвардии», о которых речь шла выше.

29 августа 1996 г. после консультации среди своих баз САНО объявляет о приостановке своего участия в переговорах в связи с репрессиями и нежеланием правительства принять закон, реализующий первое подписанное Соглашение об индейской культуре, и настаивает на его выполнении.

В ноябре 1996 г., в соответствии с Законом о диалоге, учреждается контрольная комиссия COSEVER, куда входят представители САНО, федерального правительства и гражданского общества. Комиссия была призвана следить за реализацией соглашений. Одновременно с приостановкой переговоров парламентарии СОСОРА выступили с инициативой исправить положение и создать проект такого варианта Соглашений, который бы устраивал обе стороны. Этот документ был составлен таким образом, что на него нужно было дать односложный ответ «Да» или «Нет» и последующие исправления в нем не допускались. Обе стороны согласились на подобную формулировку нового проекта. Тем не менее, министр внутренних дел Мексики (SEGOB) вскоре отозвал свою поддержку проекта. СОСОРА снова берет на себя миссию посредника и обращается лично к Президенту Седильо, чтобы он вмешался и отозвал решение SEGOB. Президент соглашается и обращается к сапатистскому командованию с просьбой дать ему 15 дней на рассмотрение предложенного парламентариями проекта для консультации

со специалистами по конституционному праву. В ожидании ответа Президента процесс переговоров был приостановлен.

19 декабря 1996 г. СОСОРА получает ответ Президента и передает его сапатистскому командованию. Вместо ответов «Да» и «Нет» в предложенном парламентариями проекте Президент составил 4 собственные поправки к изначальному тексту Соглашений и фактически создал новый документ, в котором отвергались все достигнутые договоренности о сапатистской автономии, а юридические формулировки вновь сводили индейскую автономию до уровня общины, отрицая право индейских народов на создание собственных норм правосудия и на пользование природными ресурсами.

10 ноября 1997 г. Правительство конфиденциально высылает для СОСОРА новый документ, где выражает желание возобновить переговоры, но таким образом, чтобы игнорировать уже достигнутое Первое соглашение Сан-Андрес и не начинать рассмотрение других вопросов, оговоренных процедурой. Сапатисты отказываются начать переговоры с нуля и снова настаивают на возвращении к переговорному процессу только тогда, когда Правительство выполнит первое подписанное Соглашение.

За упорство сапатистов поплатились женщины и дети пацифистской общины Лас-Абехас («Пчелы») в деревне Актеаль Лакандонской сельвы. Под Рождество 22 декабря 1997 г., во время дневной мессы в местной церквушке мирная сапатистская деревня подверглась нападению вооруженных боевиков. Резня продолжалась три часа, были убиты 45 индейских женщин и детей и около 25 ранено. Это событие потрясло и ужаснуло всю Мексику, но правительство отреагировало привычным образом – усилением милитаризации зоны сельвы.

Трагедия в Актеале вызвала широкую международную огласку. В последующие два года Чиapas посетили несколько международных организаций высокого уровня, в частности Комиссия по правам человека при ООН в составе двух-

сот человек. Тем не менее, решение сапатистского вопроса было спущено на региональный уровень. Министр внутренних дел Франсиско Лабастида объявляет о «новой стратегии мира» и заявляет, что государство в одностороннем порядке проведет собственный законопроект в Конгресс вне зависимости от мнения самих сапатистов и членов комиссий СОСОРА и CONAI.

На этом этапе медиаторы решили выйти из переговорного процесса. Епископ Руис открыто обратился к обществу, где объяснил причины своего ухода и роспуска CONAI. Невыполнение достигнутых Соглашений и кризис доверия, агрессия против сапатистов, поляризация мнений в СМИ и главное – отсутствие политической воли к переговорам со стороны правительства не способствовали возобновлению процесса переговоров, поэтому медиаторы посчитали, что для медиации не существовало условий.

Сапатисты вновь закрылись в своих поселках, прекратили общение с властями, оставив широкие связи с гражданским обществом.

Принятие «Индийского закона»

В 2000 году на президентских выборах приходит конец доминированию Институционально-революционной партии (PRI), которая управляла Мексикой более семидесяти лет. К руководству страной приходит партия национально-ориентированных бизнесменов – Партия национального действия (PAN). Кандидат в президенты от этой партии Винсенте Фокс заявляет, что сможет разрешить сапатистскую проблему за 15 минут. По личной инициативе Президента из Чиапаса было выведено несколько военных подразделений; освобождены некоторые заключенные сапатисты; президент инициировал продвижение Соглашений Сан-Андрес в Конгресс для включения соответствующих поправок в Конституцию. В Парламенте страны началась подготовка

к реализации законопроекта о сохранении индейской идентичности и культуры. Соответствующие поправки были внесены в Мексиканскую конституцию (статьи 1 и 2, пункты А и В)¹⁹.

Однако вскоре стало очевидно, что законодатели практически полностью проигнорировали текст Соглашений Сан-Андрес и внесли в Конституцию изменения, определявшие индейцев как объект государственного права, а не как субъект права публичного, то есть индейская автономия оставалась в границах общины, но не получала самостоятельности ни на региональном уровне (уровне штата), ни на федеральном. Индейцы не получили также политического представительства на обоих уровнях. Но самое главное – индейские общины не получили права распоряжаться своими природными ресурсами, от которых зависит их выживание.

Фактически государство сохранило за собой право «опекать» индейцев, продолжая патерналистскую политику предыдущих времен, то есть проводить проекты финансирования индейских общин, принимать решения о запуске проектов сохранения окружающей среды, создавать полугосударственные институты индейской культуры и, в целом, сохранять за собой инициативу²⁰.

---

¹⁹ Конституция Мексики, <http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/1.pdf>

²⁰ *Jorge Alonso*, *Las contradicciones en torno a los Acuerdos de San-Andres*. В сборнике: *Autonomía y Derechos de los Pueblos Indios*, Instituto de Investigaciones Legislativas, UNAM, ISBN 968-7181. Хорхе Алонсо в статье «Противоречия вместо Соглашений Сан-Андрес» дает подробный анализ различий и несоответствий между 1) планируемыми реформами, на которые надеялись сапатисты, 2) реально достигнутыми в Сан-Андрес соглашениями, 3) новым предложением СОСОРА и 4) последующей версией Президента. Алонсо также указывает на отрицательные последствия противоречий в этих документах, так как оговоренная в подписанных Соглашениях так называемая «ремунICIPализация» подразумевала создание собственных индейских муниципалитетов и оговаривала особенности их создания в областях с неиндейским населением. Согласно подписанным Соглашениям, индейцы стали создавать в сельве новые муниципалитеты, но поскольку Соглашения так и не были реализованы, а вопрос индейской автономии не стал обсуждаться, возникновение новых муниципалитетов в сельве стало считаться нарушением, и нарушители подлежали выселению. Выселение проводили, как правило, армейские подразделения, что накаляло ситуацию в Лакандонской сельве и до сих пор создает дополнительные очаги напряжения.

Сапатисты прекратили все отношения с государством и закрылись в своих общинах, которые, как и прежде, находятся в окружении военных баз. В одностороннем порядке сапатисты создали собственные автономные муниципалитеты, куда запрещен вход посторонним. В каждом «Караколе» («Улитке» – так сапатисты называют свои муниципалитеты) они практикуют методы собственного автономного управления, развивают и совершенствуют собственное «индейское правосудие» на основе «Закона маяя». Сапатистские территории де-факто являются автономными, где индейская администрация не признает юрисдикцию государственных властей. Время от времени в зоне Лакандонской сельвы происходят случаи конфронтации сапатистов с властями, федеральной армией, «Белыми гвардиями» и жителями несапатистских индейских поселков.

В течение двух президентских сроков со стороны некоторых конгрессменов и чиновников происходит очередная попытка восстановить СОСОРА. Государство на федеральном и региональном уровнях проводит односторонние проекты по устойчивому развитию индейских народов, однако под эти проекты подпадают не сапатисты (которые категорически отказываются получать государственную помощь), а другие общины, традиционно поддерживаемые и финансируемые со стороны различных государственных структур. В минувшем 2012 г. в Мексике опять сменилась партия власти, и к руководству страной пришел Энрике Пенья-Ньето, президент от старой Институционно-революционной партии – PRI. Со вступлением в должность нового президента снова зазвучали предложения реанимировать комиссию СОСОРА, и в этом году она была переименована в Комиссию по диалогу с индейскими народами Мексики, а также вновь был назначен Координатор диалога с коренными народами – Хайме Мартинес-Велос. Разрешение «индейского вопроса» новый президент начал с «Похода против голода», который

был запущен в самом центре сапатистской территории – поселке Лас-Маргаритас²¹. Сапатисты ответили протестом – автономные муниципалитеты неплохо справляются с социальной сферой и среди сапатистов нет голода.

Усвоила ли Мексика уроки сапатистского восстания и переговоров Сан-Андрес?

После долгого молчания 23 декабря минувшего 2012 г. (именно эту дату указывали СМИ как «конец света» по календарю майя) десятки и сотни сапатистов вновь вышли на улицы Сан-Кристобаля. Они шли молча, чтобы их услышали²². Субкоманданте Маркос обратился к миру:

«Вы слышали? Это звук крушения вашего мира. Потому что вновь появились мы.

День, который был днем, оказался ночью.

А ночь обратится в день, который станет днем».

III. Диагностика конфликта в Чиапасе 1994 года и роль медиаторов

Анализ нестабильного процесса переговоров в Сан-Андрес был представлен в работах Николаса Хиггинса²³, Родольфо Ставенхагена²⁴, Хорхе Алонсо²⁵ и Института исследования мира во всем мире им. Джоан Б. Крок при Университете Нотр-Дам²⁶.

---

²¹ La Jornada, Enrique Pena Nieto y el EZLN, 2013–01–22.

²² «Мы идем в тишине, чтобы нас услышали» (<http://liva.com.ua/zapatistas-maya.html>)

²³ *Nicholas Higgins*, Mexico's Stalled Peace Process: Prospects and Challenges. *International Affairs* 77, 4 (2001), с. 885–903.

²⁴ *Rodolfo Stavenhagen*, Mexico's Unfinished Symphony: the Zapatista Movement. Chapter 6, "The Emergence of Indigenous Peoples", ISBN 978-3-642 34144-1.

²⁵ Jorge Alonso, *ibid.*

²⁶ Comprehensive Peace Agreement: How is it Defined and Why Does it Matter? Croc Institute for International Peace Studies, University of Notre Dame.

Прекращение вооруженного конфликта и построение мира

Мигель Альварес-Гандара, исполнительный секретарь CONAI (ныне SERAPAZ), дает анализ модели, разработанной медиаторами Комиссии специально для прекращения вооруженных действий и последующего построения мира в чиапасском конфликте. В этой модели особое внимание уделялось посреднической роли церкви с учетом большого вклада в этот процесс со стороны епископа Сан-Кристобалья Самюэля Руиса-Гарсия, и в целом роли католической церкви в Мексике, где большинство индейского населения исповедует синкретическую религию (католичество с инкорпорированными языческими верованиями, сохранившимися с доиспанских времен). Основное место в этой модели отводится переводу вооруженной конфронтации в политическое русло и необходимым юридическим действиям для легитимации вооруженной стороны, чтобы сделать ее равноправной стороной последующих переговоров.

Мигель Альварес Гандара считает, что конфликты раскрывают структурные недостатки в политической и социальной сферах. Вооруженные конфликты и построение мира не могут быть разрешены иначе, чем через выяснение истинных причин конфликта и через укрепление как политических, так и социальных акторов. **Медиатор утверждает, что процесс по усилиям прекращения войны кардинально отличается от процесса построения мира. Построение мира невозможно без рассмотрения и разрешения истинных причин конфликта.**

С учетом этого базового принципа задачи медиатора в урегулировании конфликта представляются следующим образом.

- 1) Процесс достижения перемирия и прекращения вооруженного противостояния кардинальным образом отличается от процесса построения мира. Медиация

должна ориентироваться на серьезную и трудную задачу – построение процесса перемен.

- 2) Медиатор должен определить свою роль как на первом, так и на втором этапе (краткосрочная и долгосрочная задачи), причем на втором этапе – построение мира – роль медиатора увеличивается, так как его задача состоит в привлечении гражданского общества к переговорам, что является базой для дальнейшего построения модели мира, которая устраивала бы все общество.

***Диагностика конфликта:
конфликт «нового поколения»***

В процессе урегулирования всех конфликтов, как правило, ведутся споры о концепциях и условиях переговорного процесса и построения мира, так как концепция желаемого мира проистекает от диагноза, который независимо друг от друга ставят стороны конфликта. Конфликты «старого поколения», по мнению Альвареса-Гандара, имеет следующие черты.

- 1) Вооруженный характер конфликта с обеих сторон.
- 2) Пути разрешения конфликта начинаются на пике вооруженного насилия, когда проблема как бы «разливается» по всему государству, прежде чем участники начинают понимать, что пора принимать решение именно на общенациональном уровне.
- 3) Стороны противостоят друг другу до тех пор, пока не наступит истощение военного потенциала.

Конфликт в Чиапасе является конфликтом «нового поколения», и он атипичен в силу многих причин:

- вооруженный конфликт в Чиапасе, с одной стороны, отражает кризис национального государства, а с другой – ищет альтернативы для развития, которое противостояло бы исключаяющему характеру процесса глобализации;

- вооруженное противостояние в Чиапасе не исчерпало своего потенциала до сих пор, так как ни федеральная армия, ни сапатисты не разоружились полностью;
- конфликт в Чиапасе не является только этническим конфликтом, хотя в составе армии в основном состоят индейцы. Он находится как бы «внутри» других различных по своему характеру и уровню конфликтов экономического, социального и культурного характера.

Родольфо Ставенхаген называет чиапасский конфликт «несистемным», так как, в отличие от других политических и военных движений, сапатисты не стремились захватить власть или свергнуть существующее правительство²⁷. По своему характеру сапатистское восстание является «структурным» конфликтом, так как отражает исторический антагонизм между завоевателями и побежденными, исторически обусловленное этническое противостояние (между правящей и угнетенной расой) и классовую борьбу между латифундистами и батраками (восстание неимущих против имущих). Многолетнее противостояние сапатистских баз правительственным структурам и вооруженным силам Мексики можно назвать «войной низкой интенсивности» (*low intensity war*).

Специалисты Института исследования мира во всем мире им. Джоан Б. Крок при Университете Нотр-Дам, изучающие и разрабатывающие «матрицу комплексных мирных соглашений», признают уникальность сапатистского конфликта и считают, что одной из причин неудачи модели переговоров является давление исполнительной власти страны на переговорную команду и политические манипуляции во время переговоров. По определению экспертов Института, Соглашения Сан-Андрес, достигнутые в результате переговоров по описанной модели, можно назвать «комплексными», но

---

²⁷ *Rodolfo Stavenhagen, ibid.*

их исполнение ввиду упомянутых выше причин можно считать неудачей²⁸.

Пути решения «индейской проблемы»

Родольфо Ставенхаген, в свою очередь, ссылается на единодушное мнение экспертов, что разрешение глубинных причин конфликта в Чиапасе невозможно путем инвестирования в различные местные проекты и простым «швырянием денег» в Чиапас – подобные намерения ведут к усилению социального неравенства и росту социальной напряженности. Инвестирование в различные социальные и экономические проекты только тогда имеет смысл, если одновременно будет проводиться планомерная работа по демократизации общества. Однако пока по вопросам демократизации, правосудия и социально-экономического развития индейских народов ведутся бесконечные дебаты, существуют более важные, глубинные темы – воспитание уважения к человеческому достоинству, коллективной идентичности индейских народов и включение индейской повестки в политическую жизнь страны²⁹.

---

²⁸ Croc Institute for International Peace Studies, University of Notre Dame, *ibid.*

²⁹ *Rodolfo Stavenhagen, ibid.*

Хайбула Магомедсалихов

**Маслаат в социальных конфликтах у горцев
Дагестана: исторический опыт и современная
прикладная актуальность**

Едва ли не все социальные феномены причинно обусловлены конкретной средой и историческими условиями, в числе которых заметно выделяются конфликты, которыми пронизана вся гамма человеческих взаимоотношений от внутрличностных и до глобальных катаклизмов, каковыми являются мировые войны. Социальные конфликты носят имманентный и перманентный характер и присущи любому типу общества.

В обыденном сознании конфликт чаще ассоциируется с деструкцией, что не лишено определенных оснований. Однако каждый социальный конфликт имеет и конструктивный эффект, то есть важной характеристикой конфликта является комплексность конструктивно-деструктивной функции. В числе конструктивной функции конфликта следует отметить социальный прогресс, обеспечивающий поступательное развитие общества.

Конфликты (их частота и острота) способствуют проявлению в социуме альтернативных социальных конструктов, адекватных остроте конфликта, чтобы сбалансировать деструктивные последствия произошедшего. Наглядный пример такого конструкта по разрешению острых социальных конфликтов представляет собой медиативный суд-маслаат в Дагестане в классический период его развития.

Маслаат (или третейский¹ суд) – универсальная и самобытная форма разрешения конфликтов, традиционно получившая распространение у некоторых народов мусульманского Востока. Эта правовая процедура соответствует традициям общественного быта и этнического менталитета, она эффективна с точки зрения социальной адекватности и демократична по содержанию формы разрешения конфликтов.

Маслаат – «маслахАат» слово арабское и в переводе означает общее благо, выгоду в интересах сторон². Близкий арабский термин «мусалихАатум» в переводе означает заключение мира, примирение³. В иных случаях всякое достижение примирения в Дагестане также называется маслаатом.

Маслаат как процедура примирения на основе посредничества в XIX веке представляла собой результат предшествующего социального опыта многих поколений и следствие общественного прогресса у народов Дагестана. «Средину между судом по адату и шариату заняло решение некоторых гражданских дел по маслаату, то есть мировую сделкою при пособии посредников»⁴.

Как правило, к маслаату прибегали при наиболее острых конфликтах, которые возникали на почве:

- земельных споров и притязаний;
- убийств и ранений;
- оскорблений женщин;
- оскорблений чести и достоинства горцев.

Для наглядности заметим, что оскорбление женщин, их кража и прелюбодеяние в 1897 году по Дагестанской обла-

---

¹ Медиация, третейство, посредничество – понятия синонимичные.

² Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1989. С. 443.

³ Там же.

⁴ Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 6.

сти зафиксировано в количестве 319 случаев, или 18,5 % от общего числа преступлений⁵.

С учетом того, что наиболее часто маслаат применялся при разрешении конфликтов на почве убийства, есть необходимость подробно остановиться на этом социальном конструкте.

В народе всегда считалось благим и богоугодным делом способствовать враждующим в примирении, и поэтому частыми были случаи, когда «...в случае несостоятельности канлы⁶ и его родственников средства на расходы по примирению давали односельцы»⁷.

Повсеместно в Дагестане в XIX веке было принято, что канлы по совершении преступления немедленно переселялся в самый отдаленный джамаат⁸ под покровительство кунака или приятеля. В противном случае его выгоняли, что было предписано в нормах обычного права – адатах. В более ранний период с убийцей уходила вся его семья, а дом его разрушался.

Немалая заслуга в искоренении обычая разрушать дом кровника принадлежит имаму Шамилю, который при имамате запретил разрушать дом убийцы. По этому поводу Шамиль выразился следующим образом: «Я думаю, что дом убийцы совсем не виноват в том, что сделал его хозяин»⁹.

Сама атмосфера, связанная с убийством, вызывала психоэмоциональную напряженность в джамаате, участниками которого потенциально оказывались все его члены. У аварцев по поводу выхода в канлы употреблялось выражение «бид виххизе», что означало «разориться на крови». Действительно, у убийцы разрушался не только дом, но и

---

⁵ Обзор о состоянии Дагестанской области за 1897 г. // ЦГА РД Ф. 21. Оп. 3. Д. 2. Л. 50.

⁶ Канлы – кровник, убийца.

⁷ Комаров А.В. Указ. соч. С. 34.

⁸ Джамаат – сельское общество.

⁹ Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989. С. 121.

поля его оставались необработанными, а если имелся сад, то деревья вырубались, то есть его хозяйство полностью приводилось в негодность, пока не состоится примирение. В законоположении закавказских аварцев еще в середине XVIII века обряд отречения от убийцы описан так: «Если кто-либо убьёт верующего мусульманина, – будь преднамеренно, будь по ошибке – то дома убийцы будут подвергнуты сожжению, его деревья будут порублены, а виноградные лозы изломаны. Сам же убийца будет отправлен (со своими близкими) на чужбину, где он обязан оставаться там вплоть до того времени, пока ему не разрешат вернуться назад и пока он не примирится с родственниками убитого, отдав им дият в сумме двенадцати туманов»¹⁰.

У горцев в каждом регионе были селения, куда могли изгонять кровников. Как правило, это были аулы, неблагополучные в географическом и природно-климатическом отношении. К числу таких аулов относился Кудутль, который был известен тем, что лучи солнца проникали сюда лишь в течение летних трех месяцев. Таким же местом ссылки кровников для некоторых джамаатов союза обществ Койсубула был аул Корода¹¹. У горцев западного Дагестана аул Томс являлся местом ссылки, куда окрестные джамааты отправляли не только канлы, но и злостных нарушителей общественного порядка¹².

Убийца в том джамаате, куда он переселялся, формально пользовался всеми правами гостя, он был неприкосновенен. К тому же имела место репутационная ответственность, и

---

¹⁰ Хрестоматия по истории права и государства Дагестана XVIII–XIX вв. / Сост. Т.М. Айтберов. Махачкала, 1999. Ч. I. С. 51.

¹¹ Маламагомедов Д.М. Исторические сочинения на аварском языке в арабграфической письменной традиции народов Дагестана XIII – начала XX вв. // Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию академика Васима Мамедалиева. Баку, 2013. С. 680.

¹² Магомедов Д.М. Характер развития союзов сельских обществ Западного Дагестана в XVIII – начале XIX вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 3. Оп. 1. Д. 6022. Л. 15.

если всё же его здесь убивали, позор ложился полностью на весь джамаат. И поэтому защита кровника от актов мести считалась делом чести всех членов джамаата.

Пока канлы находился в изгнании и по мере истечения времени после трагического события, представители джамаата по ходатайству родственников канлы и собственной инициативе начинали переговоры о примирении (маслаате). При этом прерогатива разрешения конфликта принадлежала религиозным представителям, которым исламская религия предписывала в обязанность соблюдать спокойствие и мир в джамаате.

Достижение маслаата во многом зависело от разряда убийства. Сложнее обстояло дело при «кара» (черное) убийстве, когда оно совершено при отягчающих обстоятельствах. И, напротив, при простом, а тем более случайном убийстве, сторона канлы преподносила пострадавшей стороне средства, необходимые на похоронные расходы, которые у кумыков назывались «аулум». Размер этих средств в разных обществах был различным и, как правило, состоял из материала на саван и одного быка. Аулум представлял собой только часть материальной компенсации, но его принятие означало первый и важный шаг на пути примирения.

Также обязательным условием примирения была материальная компенсация пострадавшей стороне – дият, размер которой различался в разных обществах и колебался от 100 до 300 рублей. Сумму дията могли выплачивать в различной форме: скотом, деньгами, медными котлами, земельными угодьями и т. д. Так, основная часть материальной компенсации за кровь (дият) в даргинских обществах в XIX веке была установлена в размере 100 рублей или вещами на 120 рублей¹³. Итак, аулум и дият в совокупности составляли материальную компенсацию в пользу пострадавшей сторо-

---

¹³ Адаты Даргинских обществ // ССКГ. Вып. VII. Тифлис, 1873. С. 15.

ны, и только после этого могло состояться маслаатное разрешение конфликта.

После принятия аулума в конфликте наступала временная стабилизация, когда родственники канлы, привлекая в процедуру примирения почетных представителей джамаата, искали способы сближения с родственниками убитого. Но для последних считалось предосудительным пойти на мировую ранее истечения года. Адатные нормы некоторых обществ даже запрещали родственникам пострадавшего тухума досрочно заключать мировые сделки.

Примирение могло состояться только в том случае, если все без исключения родственники убитого согласятся простить канлы. Чаще всего труднее было уговорить на это близких родственников, особенно мать убитого. Это и понятно, так как смерть человека, к тому же сына, была ощутимой психоэмоциональной травмой для матери.

В течение всего периода пребывания в изгнании канлы соблюдал траур по покойному: не брился, не стриг волос и ногтей, не появлялся в общественных местах, не выполнял хозяйственных работ и таким образом вел затворнический образ жизни, демонстрируя досаду о совершенном поступке. Эти же формальности соблюдали и близкие родственники канлы и, если кто-то из них каким-либо действием нарушал обряд, пострадавшая сторона немедленно реагировала на это и воспринимала как оскорбление. Динамика разрешения конфликта в положительном русле ставилась под угрозу.

В течение всего периода, пока велись переговоры о примирении, родственники убийцы старались не показываться на людях, а близкие родственники все ещё находились в состоянии страха за возможное возмездие с противной стороны. При удачном стечении обстоятельств и если близкие родственники не сумели отомстить кровнику, по истечении определенного времени пребывания его в изгнании проводили примирение – маслаат.

При согласии пострадавшей стороны на примирение в условленный день родственники вместе с кровником собирались в определенном месте, и процессия двигалась к дому пострадавших, где ее ожидали. Во главе процессии стояли старейшины аула и представители духовенства, туда же входили родственники канлы, а позади всех шел сам убийца. Перед собравшимися, как правило, выступал представитель духовенства – мулла-дибир. Ссылаясь на исламские заповеди и прецеденты, имевшие положительные исходы в прошлом, он убеждал собравшихся в богоугодности завершения конфликта маслаатом. При этом глава миротворческой миссии обязательно подчёркивал божественное предопределение того, что случилось, призывал к смирению перед божьей волей.

Вот как церемонию прощения канлы у кумыков представил известный русский исследователь XIX века Н. Семёнов: «Находящееся во главе депутации духовное лицо произносит обыкновенно приличествующую случаю речь; высказывает сожаление о случившемся, ... напоминает, что подобные несчастья бывали прежде, будут, вероятно, и после, и тот, над чьей головой они разражаются, не должен до такой степени ожесточиться, чтобы забывать заветы мудрых предков о примирении и прощении. Выставляется на вид, что скончавшегося не вернёшь к жизни и прочее, заканчивается речь с выражением надежды, что оскорбленные, как люди благоразумные, сумеют подчинить свои чувства рассудку»¹⁴.

По общепринятому этикету канлы должен был подходить к самому близкому родственнику убитого на коленях и вручить нож в знак того, что, мол, твоя воля лишить меня жизни или нет. Однако имелись локальные особенности обряда извинений перед пострадавшим тухумом, смысл кото-

---

¹⁴ Семёнов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 285.

рого оставался неизменным. Так, у хваршин¹⁵ родственницы убийцы ползли к месту примирения на коленях, замыкая шествие. При этом они били себя в грудь, монотонно произнося с плачем молитвы, а перед ними полз на коленях сам убийца с обнаженной головой. В селе Шабдух (Андийское наибство) кровник во время примирения являлся во двор убитого не только небритым и нестриженным, но и в чёрной бурке, в которой ложился на землю и оставался там до тех пор, пока его не поднимал самый близкий родственник убитого¹⁶.

Аналогичный обряд покаяний соблюдался также в селениях Гумбетовского союза: «Женщины со стороны убийцы становятся на колени перед женщинами со стороны убитого, мужчины – перед мужчинами и таким образом мирят убийцу с родственниками убитого»¹⁷.

У ботлихцев этот обычай имел свои особенности: «Отец или дед убийцы приводил на место примирения убийцу, накинув на его голову бурку. Остановившись перед матерью, отцом и дедом потерпевшего, он бросал его к их ногам со словами: «Делайте с ним что хотите». Убийца, завернутый в черную бурку, падал перед ними, склонив голову. Мать убитого подходила к канлы, снимала с него бурку, гладила его по голове и, прижимая к себе, произносила такие слова: «Если ты будешь вести себя как человек, будешь нам сыном, если нет, останешься душманом»¹⁸.

У лакцев подобный обряд выглядел следующим образом. «После окончания срока изгнания убийцы, иногда и раньше, члены его тухума начинали хлопотать о прощении его родными убитого. С этой целью к ним посылались тухумом

¹⁵ Хваршины – этническая группа в составе аварцев.

¹⁶ Полевой материал автора. 2008 год.

¹⁷ Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. / Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1965. С. 169.

¹⁸ *Алимова Б.М., Магомедов Д.М.* Ботлихцы XIX – нач. XXв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993. С. 141.

канлы самые влиятельные лица селения. Затем назначалось место и время примирения кровников. Все мужчины тухума двигались к назначенному месту на коленях во главе с самим убийцей. Последний нес на себе перекинутый через плечо саван в знак готовности умереть от руки тех, кого он молит о прощении»¹⁹.

Смысл этих и подобных обрядов при примирении заключался в том, чтобы компенсировать моральный ущерб, нанесенный пострадавшему тухуму в глазах общности. Представители тухума, прошедшие через унижения и оскорбления, не могли вести себя заносчиво в обществе. По этому поводу известный исследователь обычного права горцев Кавказа А.М. Ладыженский отмечал: «... материальная компенсация всегда сопровождалась и моральной компенсацией – извинениями, унижениями. Обряд извинений был очень сложен и в разных местах далеко не одинаков»²⁰. Здесь также надо учитывать, что моральные страдания и унижения были альтернативой кровной мести, когда на чашу весов ставилась жизнь и общественная репутация.

Моральная компенсация в иных случаях и в отдельных обществах была гораздо важнее, чем материальная. Были общества, где материальную компенсацию-дята вообще не брали, руководствуясь при этом принципиальным соображением, что не продают родного человека. Так, в Салатавских обществах размер дята был минимальным, а в соседних чеченских обществах он вообще не предусматривался, где горцы строго придерживались принципа: «мы кровь своих убитых не продаем»²¹.

Однако процедура примирения на этом не всегда завершалась. У многих народов Северного Кавказа, в том числе и

---

¹⁹ Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.) Махачкала, 2000. С. 297.

²⁰ Ладыженский А.М. Очерки социальной эмбриологии. Ростов-Дон, 1929. С. 181.

²¹ Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 25.

дагестанских, соблюдался обряд, когда кровник должен был прикоснуться к груди матери им убитого.

Такой обряд у горцев в отличие от других народов носил символический характер, хотя молоко матери считалось святым, чем клялись и заклинали. Обращая внимание на этот обряд относительно некоторых народов Северного Кавказа, А.М. Ладыженский отмечал: «Если пострадавший род согласен мириться, то совершается обряд усыновления путём прикосновения губами к груди матери убитого, убийца становится её приёмным сыном»²².

Наличие обряда прикасания к груди матери как одного из важных атрибутов процедуры примирения у чеченцев и ингушей наряду с некоторыми другими народами позволяет сделать вывод о его популярности на Северном Кавказе. По замечанию Б. Далгата относительно чеченцев и ингушей, «единственным средством избавиться от мести является приобщение убийцы к культу семьи убитого. Убийца тайком пробирается к матери убитого и, с ее согласия или при помощи насилия, прикладывает губами к ее груди. После этого он становится молочным братом убитого, то есть роднится с ним и таким образом избавляется от мести как член того же рода»²³.

Отныне, как породнившийся с тухумом убитого, он считался членом его и должен был разделять радость и горе с его членами. «Примирившийся убийца всегда считается кровным братом, то есть заменяет собою убитого в семействе этого последнего. Ему вменяется в обязанность как можно чаще посещать могилу убитого и оказывать всевозможные услуги его родственникам»²⁴.

---

²² Ладыженский А.М. Указ. соч. С. 166.

²³ Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 104.

²⁴ Сандрыгайло И.Я. Предисловие // Адагы Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 19.

Атрибутом мирного разрешения острого социального конфликта у горцев было угощение за счет виновного, что во многих обществах было кодифицировано в адатах. Так, адат Батлукского наибства обязывал: «По возвращении на родину убийца должен сейчас же примириться с тухумом убитого, сделав угощение»²⁵. Такой же адат мы наблюдаем в Цатанихском наибстве: «по возвращении на родину он (убийца. – Х.М.) должен также угостить тухум убитого»²⁶. На этом в основном завершались обряды по соблюдению процедуры маслаата.

Нередкими были случаи, когда маслаат закрепляли брачными союзами и по этому поводу относительно лезгин С.С. Агаширинова отмечала: «часто после примирения, кроме уплаты выкупа «къан», кровники обменивались «головами», то есть женили своих сыновей или выдавали замуж дочерей. Таких девушек называли «а руш къандай гайдиди я», что означает «она жертва кровного выкупа»²⁷.

Сила маслаатного разрешения конфликта была безусловной: «раз состоялось «маслаатное решение», оно, по обычаю, немедленно решается и не принимается на апелляцию ни адатом, ни шариатом»²⁸.

По этой причине одним из самых тяжких преступлений у всех народов Дагестана считалась месть после маслаата. Причём подобная месть рассматривалась как самостоятельное убийство, а не возмездие, после чего вражда возобновлялась с прежней силой. За нарушение условий маслаата по кодексу Умма-хана Аварского предусматривалось взыскание с убийцы «100 овец; кроме того, он обязан вернуть дият... и вся его семья осуждается на вечное изгнание без

---

²⁵ Адааты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 453.

²⁶ Там же. С. 471.

²⁷ Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – начало XX в. М., 1978. С. 149.

²⁸ Леонтович Р.И. Адааты Кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Т. I. С. 10.

права возвращения в аул»²⁹. То есть вся семья подвергалась остракизму.

У андалалцев с нарушителя маслаата предусматривалось два кровника и два дията³⁰. У кумыков за месть после примирения убийца ставился вне закона и его можно было безнаказанно убить³¹. Аналогичные меры предусматривались и у других народов Дагестана.

Не менее строго к нарушению маслаата относились и у соседних народов Северного Кавказа. Так, виновный в нарушении маслаата (у чеченцев-машар), у ауховцев и ичкерийцев «предается народом проклятию», полученное при «машаре» возвращается³².

Напротив, между примирившимися посредством маслаата устанавливались подчеркнуто доверительные отношения. Во многом типичный случай имел место в с. Гертма (Салатавия) в начале XX века, когда конфликт по кровной мести был завершён маслаатом. Через много лет сын бывшего канлы похитил девушку и упрятал ее в доме бывших кровных врагов, хотя были и более близкие родственники. Похититель посчитал, что в доме у людей, с которыми был некогда заключен маслаат, будет надежнее³³.

Из всех форм разрешения конфликтов маслаат представлял собой наиболее совершенную, в которой обе стороны относительно полно устанавливали между собой поведенческий, моральный и психологический паритет.

Маслаат представлял собой форму медиации в конфликте, в которой в равной мере сочетались адат, шариат, общественная мораль и народная дипломатия; она отточена и выверена многовековой практикой. В этом конструкте на-

---

²⁹ Памятники обычного права. .... С. 266.

³⁰ Там же. С. 66.

³¹ *Ладыженский А.М.* Указ. соч. С. 163.

³² *Леонтович Р.И.* Указ. соч. Т. I. С.130–131.

³³ Полевой материал автора. 2009 год.

глядно прослеживается «социально заданный способ конструирования социальной реальности»³⁴.

Однако не следует забывать, что разрешение острых социальных конфликтов следует воспринимать как лечение болезни. Лечение не означает абсолютного восстановления физического и духовного здоровья, а лишь даёт возможность жить, преодолевая болезнь. «Разрешение конфликта – это восстановление приемлемых отношений между конфликтующими сторонами»³⁵.

Медиация в маслеате

Важным принципом и непременным условием маслаатного разрешения конфликта является медиация (третейский, независимый суд), в основе которой лежит беспристрастность и непредвзятость. «В Гидатле для примирения враждующих фамилий собирались старики всех шести аулов. Церемония примирения состояла в следующем. Члены враждующих фамилий становятся в два ряда, на некотором расстоянии друг против друга. Между ними становятся почетные старики нейтральных фамилий...»³⁶.

По замечанию А.М. Ладыженского, «У чеченцев третейские судьи «келохой» выбирались не из кандидатов, выставленных сторонами, а из посторонних почетных лиц, обыкновенно стариков, причем истец и ответчик ... вправе были назначить по одинаковому числу судей (от 1 до 5). Предпочтение перед прочими получали жители древнейших аулов ...»³⁷.

---

³⁴ Бгожников Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 16.

³⁵ Отчет о работе Московского семинара по проблеме мирного урегулирования конфликтов. М., 1993. С. 7.

³⁶ Чурсин Г.Ф. Авары. Этнографический очерк. Махачкала, 1995. С. 18–19.

³⁷ Ладыженский А.М. Указ. соч. С. 154.

Если при межличностных конфликтах в качестве третейских судей выступали представители независимых тухумов, религиозные деятели, то при межобщинных конфликтах у горцев Дагестана было принято обращаться к соседним независимым джамаатам, снискавшим репутацию объективных и справедливых третейских судей, и такие джамааты имелись в каждом регионе. Выполнять роль третейского судьи неоднократно приходилось народному поэту Дагестана Гамзату Цадасе³⁸.

В Салатавском союзе обществ село Зубутль славилось большим количеством принципиальных и беспристрастных медиаторов, к которым обращались не только джамааты окрестных аварских и кумыкских селений, но также частные лица. Об этом может свидетельствовать следующий примечательный факт. По словам уроженца с. Зубутль А. Абдурахманова, в 60-х годах XX века в окрестности селения был обнаружен клад арабо-язычной литературы, запрятанный в годы политических репрессий. В числе других рукописей здесь был обнаружен длинный список частных лиц и целых джамаатов, обращавшихся к зубутлинцам с просьбой быть посредниками в разрешении тех или иных спорных вопросов и конфликтных ситуаций. К сожалению, эта рукопись затерялась в частных коллекциях исследователей³⁹.

Прецедент вмешательства третейских судей в разрешение конфликтов между общинами, возникавших на почве передела земли, представляет нам следующий пример, который имел место в XIX веке из-за пастбищной горы между селениями Кубачи и Калакорейш, в ходе которого были убиты 40 человек. Конфликт удалось разрешить путем посреднической помощи кайтагского уцмья, который присудил отдать пастбищную гору за кровь жителям селения Кубачи,

---

³⁸ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 51.

³⁹ Полевой материал автора. 2004 год.

присовокупив: «кубачинские женщины в одну ночь вдвойне возместят эту потерю – убито 40, а зачнут 80»⁴⁰.

Или же другой случай. В начале XIX века произошел крупный конфликт между жителями селений Голотль и Хунзах из-за приграничной лесополосы, в результате которого со стороны голотлинцев погибли два человека и со стороны хунзахцев – пять человек. Однако эскалации удалось избежать и конфликт уладить путем вмешательства жителей окрестных селений. Примирение состоялось на самых невыгодных для голотлинцев условиях и в качестве дията они уступили хунзахцам лучшие земли⁴¹.

Недаром любое письмо между горцами, даже по мало-значительному инциденту, завершалось ссылкой на влиятельных и безупречных в моральном отношении лиц в качестве гарантов и третейских судей.

Итак, медиация была атрибутом маслаатного разрешения конфликта, где беспристрастность и непредвзятость, основанные на нравственных приоритетах, были залогом конструктивного выхода из ситуации.

Корреляция маслаата с российскими законами

После окончательного присоединения Дагестана к России горцам, привыкшим веками жить по адату и шариату, сложно было адаптироваться к российскому правовому пространству. В общественном сознании горцев веками отпечаталось понятие «кисас», то есть равное возмездие по принципу талиона или маслаат. Российские же законы предусматривали наказание без компенсации ущерба пострадавшей стороне, что противоречило стереотипу горцев. Вот как комментирует автор XIX века психологическое восприятие горцами

---

⁴⁰ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. В 3-х т. М., 1996. Т. 1. С. 7.

⁴¹ Полевой материал автора. 2012 год.

российского законодательства: «Удовлетворяют ли эти наказания бывших хозяев крови и вреда? Относительно убийц можно сказать с достоверностью, что нет. Горцы смотрят на постановляемые решения по убийствам как на нечто незаконченное и временное, скорее, как на отсрочку нежели наказание. Например, закон наказывает преступника ссылкой на несколько лет; казалось бы, вынеся это наказание, он рассчитался с обиженной стороной; но нет, по понятиям этой последней, преступник не наказан, он не отомщен еще смертью, а потому остается по-прежнему кровным врагом. Кроме того, наказал виновного не он, хозяин крови, а отвлеченная идея – закон; преступник же принадлежит ему, хозяину крови, – следовательно, закон сделался похитителем его священных прав»⁴². То есть отбыванием ссылки или тюрьмы конфликт по убийству в сознании горцев не считался разрешенным, если не состоялось возмездие или примирение-маслаат.

Отношение горцев к российским законам наглядно демонстрирует также характерный для своего времени следующий сюжет. В начале XX века некий Исмаил из с. Гертма совершил убийство, за что согласно российским законам был сослан в Сибирь. По воле судьбы вместе с ним отбывали наказание Сайдир из с. Гуни, Идрис из с. Дылым и ещё двое дагестанцев. В скором времени в адрес Исмаила якобы от отца поступила посылка и все земляки, кроме Идриса, который в это время отлучился, собрались угоститься её содержимым. Урбеч, с которого началась трапеза, оказался начинён ядом, и все четверо скончались. Только по истечении значительного времени выяснилось, что отравка была послана двоюродным братом человека, убитого Исмаилом⁴³. Таким образом, был исполнен «кисас» – возмездие.

⁴² О последствиях убийств и поранений между горцами Восточного Кавказа // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 9.

⁴³ Полевой материал автора. 2007 год.

Российские власти вынуждены были учитывать местные обычаи и принимать решения, основанные на местных традициях и менталитете горцев. Наглядным будет по этому поводу пример такого решения, принятого Гунибским окружным словесным судом в 1888 г.: «...Суд признал виновником беременности Курбанай жителя с. Чох Абдуллу Маккашариф оглы, а потому по существующему на этот предмет адата по селению Чох, постановил: взыскать с него в пользу родственников убитой Курбанай 8 рублей и штрафа: в общественную сумму округа 25 рублей и в сельскую 8 рублей; кроме того, изгнать в канлы в Аварский округ сроком на три года. По истечении же срока изгнания примирить его с родственниками им обольщенной и водворить на прежнее место жительства»⁴⁴. Принятое решение не единичное во второй половине XIX века.

Случаи неприемлемости маслаата

Однако были конфликты, при которых маслаатная форма разрешения была неприемлема и кровная месть также не предусматривалась. К таким конфликтам относились:

- а) убийство в семье по восходящей линии, которое считалось ее внутренним делом, и третейские судьи в такой конфликт почти никогда не вмешивались;
- б) убийство вора на месте преступления;
- в) убийство за прелюбодеяние;
- г) убийство порочного члена тухума, объявленного врагом общества за порчу общественного имущества (например, в Гидатле позволялось безнаказанно убивать разрушившего Большой мост через Койсу); или же убийство человека, подвергнутого остракизму;

---

⁴⁴ Материалы Гунибского окружного словесного суда. 1888 г. // ЦГА РД Ф. 4. Оп. 2. Д. 3. ЛЛ. 9 – 9 (об).

- д) незаконнорожденные дети почти всегда умерщвлялись без всяких на то взысканий;
- ж) убийство похитителей женщины при преследовании родственниками похищаемой;
- з) убийство пойманных в мужеложестве;
- и) убийство сотворивших кощунство и кровосмешение (инцест);
- к) за убийство гостя также позволялось безнаказанно убить преступника⁴⁵;
- л) кровная месть засчитывалась за возмездие, после чего конфликт считался завершенным и вмешательство третейских судей не предусматривалось.

Во всех этих случаях примирение-маслаат исключалось, и происходило затухание конфликта.

Маслаат при разрешении других конфликтов

Если предметом противоречия являлась значимая ценность или социальный статус, к маслаатной форме разрешения прибегали не только при убийствах, но и в таких случаях, как ранения, кражи, похищения женщин. Однако процедура соблюдения маслаата при таких конфликтах не была столь долгой и сложной, и регуляция происходила вмешательством одного-двух авторитетных представителей джамаата.

Сказанное относится к ранениям без летального исхода. Во многих горских обществах было принято, что ранивший должен был скрываться дома или уходить из селения и не появляться на людях, пока раненый находится на излечении. Например, в Гумбетовском союзе обществ адат регламентировал такой порядок: «...если ранивший до примирения его

---

⁴⁵ Магомедсалихов Х.Г. Маслаат. Традиционные формы разрешения конфликтов у аварцев в XIX– начале XXв. Махачкала, 2003. С. 52.

с раненым выйдет из своего дома или двора хоть к соседу, и родственники раненого заметили его, то они бросаются на него и имеют право поранить его»⁴⁶, а в с. Ботлих «...если ранивший выходил из дома, за каждый выход с него следовало взыскать по 2 рубля штрафа»⁴⁷.

Обязательным атрибутом при разрешении конфликтов по ранениям, также как при убийствах, было миротворческое угощение, что в некоторых обществах было кодифицировано. Так, адат жителей Андийского округа предписывал следующую форму примирения при ранениях: «По выздоровлении раненого родственники поранителя при посредстве почетных людей общества отправляют к раненому одного барана и 3 меры хлеба, и раненого с родственниками его в числе 12 человек приглашают в свой дом для угощения и их общего примирения»⁴⁸.

Аналогичный адат можно встретить в селениях Корода и Гонода Гунибского округа и в Миатли Салатавского общества, когда поранивший должен «для окончательного примирения по выздоровлении раненого угостить последнего и несколько человек родственников его»⁴⁹.

Кроме удовлетворения пострадавшей стороны, по адатам горцев с поранителя предусматривалось взыскание отдельного штрафа за нарушение общественного порядка, и средства эти были значительными. Так, адат Цатанихского наибства «за нарушение тишины и порядка» с поранителя предусматривал взыскать штраф в размере 18 рублей⁵⁰.

Так же как при других острых социальных конфликтах, маслаат в случае ранения в отдельных обществах имел локальную специфику, обусловленную местными социально-бытовыми и ментальными особенностями горцев.

---

⁴⁶ Из истории права народов Дагестана / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 23.

⁴⁷ Там же. С. 22.

⁴⁸ Там же. С. 14.

⁴⁹ Там же. СС. 164, 166.

⁵⁰ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 478.

Маслаат в современном обществе

Основные принципы маслаатного разрешения конфликтов не потеряли своей актуальности в современном дагестанском обществе. Свидетельством тому являются случаи вмешательства религиозных представителей в миротворческий процесс при убийствах. При этом надо учитывать, что маслаат не подменяет собой официальные органы правопорядка. Однако ходатайства и мнение третейских судов принимаются в расчет правоохранительными органами, и их вердикты существенно корректируются в сторону смягчения. Например, почти во всех случаях непреднамеренных убийств, особенно вследствие автокатастроф, в Республике Дагестан наблюдается вмешательство третейских судей – маслаатов. При этом с учетом взаимных договоренностей предусматривается материальная компенсация пострадавшей стороне. Так, при автокатастрофе в конце XX века пострадал муж, а его супруга погибла. Виновник на себя взял похоронные расходы, полное лечение мужа, а также расходы по устройству в вуз сына пострадавших.

В 90-х годах прошлого века во многих горных районах Дагестана стихийно возникли советы старейшин (наподобие совета старейшин Республики Дагестан), которые вмешивались в наиболее острые социальные конфликты внутри отдельного района, что приводило к положительным эффектам.

Необходимо отметить, что принципы медиации или третейского суда в обществах классического типа во многом перекликаются с современными общественными процессами.

Известно, что официальные суды в настоящее время перегружены⁵¹, и с целью их разгрузки были созданы мировые суды, которые, в принципе, не отличаются от обычных, и в

---

⁵¹ Карнозова Л.М. Медиативный метод: классическая и восстановительная медиация // Вестник восстановительной юстиции. Вызовы и стратегии. Вып. 10. М., 2013. С. 6.

итоге проблему не решили. Поэтому обращение к традиционным практикам разрешения конфликтов вполне разумно и целесообразно. Тем более что медиация «возвращает участникам субъективность в разрешении собственной ситуации ... и исполняемость таких решений существенно выше, чем навязанное судебное решение»⁵².

Эффект от применения восстановительного правосудия с использованием практики медиации очевиден. Так, в 2010 г. посредством примирения в российском судопроизводстве прекращено уголовных дел из 208 000 случаев 144 000, что составляет 69,2 %⁵³, и эта тенденция увеличивается.

Отличие традиционного миротворчества от современного заключается в том, что принципы медиативных практик выверены веками, апробированы многими поколениями и потому более совершенны. Практики медиации успешно могут быть использованы в настоящее время, особенно в разрешении конфликтов в среде несовершеннолетних⁵⁴, для чего разрабатываются соответствующие тренинги⁵⁵.

Карательно-репрессивные меры и методы в судопроизводстве не принесли реальных положительных результатов, и поэтому страны с развитыми демократическими принципами от таких практик перешли к более гуманным и потому более эффективным способам разрешения сложных ситуаций. Этим обусловлена необходимость развития восстано-

---

⁵² Там же. С. 8.

⁵³ Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2014. С. 146.

⁵⁴ Максудов Р.Р. Концепция развития законодательства, расширяющего возможность использования восстановительного подхода в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития. Сборник материалов. М., 2013. С. 11–34.

⁵⁵ Путицьева Н.В. Программа тренинга для учащихся по обучению навыкам проведения восстановительных программ в рамках создания школьной службы примирения // Вестник восстановительной юстиции. Вызовы и стратегии. Вып. 10. М., 2013. С. 130–135.

вительной медиации, которая популярна сейчас во многих странах, так как в отличие от официальных судов в основе проведения медиации лежат морально-этические приоритеты межличностной коммуникации участников и их ответственность за принятые решения.

Традиционные формы примирения в обычаях русского народа (из истории общинного самоуправления в России)

Прежде чем говорить о традиционных формах примирения русского народа, необходимо высказать некоторые общие соображения о его морально-психологических и культурных предпосылках и о факторах социальной жизни, оказавших определяющее влияние. К таким факторам, прежде всего, следует отнести *многоукладность* социальной жизни и обусловленное данным обстоятельством разнообразие культурной жизни и народных традиций (при сохранении некой общей духовно-идеологической основы). Эта многоукладность не сводится исключительно к локальным культурно-географическим различиям между отдельными регионами («землями», губерниями и прочими местностями), естественным образом возникающим ввиду обширности территории расселения русского этноса, а также к различиям между отдельными традиционно выделяемыми крупными этнографическими зонами в ареале русского народа – северной, средней (центральной) и южной, к которым иногда добавляют и западно-славянскую; не говоря уже о различиях между обычаями славянских племен IX–XI веков (древляне, кривичи, уличи, тиверцы, вятичи и т. п.). Не следует игнорировать и культурно-бытовые различия между разными сословиями (дворянство, купечество, крестьяне и т. п.), а также естественные различия между городским и сельским образом жизни.

При всей условной этнической и культурной однородности русского народа в его составе можно выделить ряд субэтносов, обладающих определенной самобытностью и

культурной самостоятельностью либо позиционирующих себя как таковые, культурно-бытовые особенности которых часто сочетаются с их территориальной локализацией. К числу таких субэтнотетов русского народа относятся: *казачество* (потомки военно-служилого сословия со специфическим милитаризованным этосом, четкой иерархической организацией и высокоразвитым самоуправлением), *поморы* (жители Русского Севера, не испытывавшие на себе влияния татаро-монгольского ига и продолжительного действия крепостного права, а также часто придерживающиеся старообрядчества) и собственно *старообрядцы* различных направлений (толков, согласий, вероучений) с их религиозной общинной самоорганизацией. Определенным своеобразием обладают и *сибиряки* – представители русского населения Сибири, относящиеся к особой «цивилизации первопроходцев», людей с повышенной пассионарностью, оказавшихся по своей или чужой воле на новых землях, которым приходилось осваивать эти территории практически самостоятельно, при минимальной помощи государства. Ввиду удаленности сибирских земель от центральных органов власти и отсутствия крепостного права такие люди по своему положению и культурным традициям во многом приближались к обычному казачеству, а значительная их часть втягивалась в орбиту специфической «горнозаводской цивилизации»¹.

Не следует забывать и того обстоятельства, что одиннадцать веков в своей истории² русский народ существовал в условиях собственной национальной *государственности*. Государство действовало на подвластное население не толь-

¹ Проблема выделения особых субэтнических групп (национальностей) в составе русского народа (русской нации) ярко проявилась в ходе проведения Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов. Казаки и поморы добились своего признания в качестве самостоятельной национальности. Аналогичные идеи высказываются и активно поддерживаются в среде сибиряков.

² См. Указ Президента РФ «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» от 3 марта 2011 года № 267 // Российская газета, 5 марта 2011 года.

ко через своих должностных лиц, но и через феодалов – помещиков и вотчинников. Стремясь обеспечить гражданский мир и согласие в обществе и присвоить себе монопольное право легитимного насилия, государственная власть запрещала кровную месть и брала на себя юрисдикцию по наиболее тяжким и опасным преступлениям. Нельзя также недооценивать влияние на дух и нравы русского народа христианства с его проповедью миролюбия и смирения, которое на долгие века стало государственной религией России.

Истоки традиционных форм примирения русского народа следует искать в культурно-исторических и морально-этических традициях крестьянства, поскольку к этой категории принадлежало подавляющее большинство русского населения. Основной формой организации сельских жителей была *община*, но не родовая, а соседская, что обуславливалось высокой миграционной активностью населения. Община несла коллективную ответственность перед государством или землевладельцем за исполнение возложенных на нее повинностей (тягла) и распределяла между своими членами принадлежащие ей земельные угодья. Крестьяне-общинники были связаны круговой порукой.

Община состояла из дворов (домохозяйств), каждый из которых, как правило, занимала многочисленная патриархальная семья – «гнездо»³ (аналог кавказского тейпа или шотландского клана). Существованию таких семейств способствовали не только характер крестьянского труда и традиционный уклад жизни, но и существовавшая подворная система налогообложения⁴. Высшими органами само-

---

³ Это наименование сохранилось, в частности, в прозвище, под которым вошел в историю один из сыновей Юрия Долгорукого Всеволод III Большое Гнездо (1154–1212), великий князь Владимирский (с 1176), имевший 12 детей.

⁴ Подворное обложение в России было заменено подушной податью в 1724 году. См. подробнее: *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л., 1982; Именной указ «О сборе подушной подати». 18 сентября 1724 г. // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 668–669.

управления общины были сход, формируемый «по одному человеку от дыма», то есть из глав семейств, и староста, избираемый этим сходом. При старосте могло создаваться правление из должностных лиц, избираемых сходом или назначаемых вышестоящей властью (государством либо землевладельцем).

Сельская община («мир») была средой, где не только возникало, но и разрешалось подавляющее большинство крестьянских конфликтов. Недостаточное развитие законодательства и административно-судебного аппарата, а также недоверие крестьян к государственной и вотчинной юстиции вынуждали сельских жителей решать споры «в своем кругу». Этому немало способствовала и узаконенная практика «кормления» чиновников от дел за счет судебных пошлин, дополняемая широко распространенной коррупцией. Указанное обстоятельство в сочетании с печальным опытом «попавших под суд» лишь усугубляло общее негативное отношение народа к этим учреждениям. Нежелание крестьян обращаться в органы официальной юстиции было во многом обусловлено возникшим отчуждением народа от власти в лице как государственных воевод с их дьяками, так и помещичьих управляющих – бурмистров. Робость простого человека перед «властями предержажными» и малопонятными учреждениями, стоявшими вне рамок обычной повседневной жизни, сопровождалась неверием в саму возможность получения скорого, справедливого и беспристрастного решения. В то же время обращение в официальный суд могло рассматриваться односельчанами истца крайне негативно как проявление слабости, нежелания и неумения договариваться с миром. Власть воспринимала общину как единый организм, требуя от нее лишь исполнения тягла и незначительно вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь. Поэтому крестьяне во многом самостоятельно устраивали свой общинный быт на основе самоуправления и самоорганиза-

ции. Насущные потребности и опыт хозяйственной жизни, а также простонародные представления о справедливости в сочетании с утопическими крестьянскими правовыми идеалами и нормами действующего законодательства порождали социальные нормы, регулирующие различные стороны сельской жизни. Действенность этих норм обеспечивалась их освященным традицией авторитетом, убежденностью в их справедливости, их общим конвенциональным признанием и коллективным принуждением к их соблюдению. Общей задачей этих норм было поддержание мира и согласия среди односельчан. Так формировалось русское обычное право, которое, регулируя повседневные отношения между людьми, определяло юридический быт русского народа⁵. Некоторые из этих норм со временем получали признание и в официальном законодательстве, например, в Соборном Уложении 1649 года.

Одним из важнейших регуляторов, определяющих авторитет и положение человека в общине, была его репутация, складывающаяся на протяжении всей жизни из повседневного поведения человека и его отношения к действующим в общине социальным нормам⁶. Кроме того, можно отметить существование своеобразных «кругов репутации», когда

---

⁵ О сельском обычном праве см., например: *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984; *Якушкин Е.И.* Обычное право. Материалы для библиографии. Ярославль, 1875, вып. 1; Ярославль, 1896, вып. 2; М., 1908, вып. 3; М., 1909, вып. 4; *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту, свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В.Н. Тенишева. Брянск, 1907. Обширную библиографию по данному вопросу см.: *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; см. также: *Земцов Л.И.* Примирение в крестьянской юстиции России (60-е – 90-е гг. XIX века) // Вестник восстановительной юстиции. 2010. № 7. С. 41.

⁶ О значимости репутации в крестьянской среде свидетельствует, в частности, наличие многочисленных заговоров «на почёт» или «на любовь всех людей» в дополнение к заговорам «на подход» к судьям или начальству и к традиционной любовной магии. См.: *Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг.* / Под ред. В.П. Аникина. М., 1998. С. 379–381; *Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия.* Собр. М. Забылиным. М., 1992. С. 317.

поведение и репутация отдельных членов семьи определяли репутацию семьи в целом, а из репутаций отдельных семей складывалась репутация всей деревни. Из этого видно, что «добрая» или «худая» слава о человеке имела принципиальное значение для понимания его «юридической личности», в том числе и при разрешении возникающих конфликтов.

Сама возможность примирения зависела от того, насколько глубоко «обидчик» затронул «юридическую личность» пострадавшего. С этой точки зрения в составе посягательств на права и законные интересы лица обобщенно можно выделить три их основные градации, условно обозначаемые как «урок», «обида» и «насилие». *Урок* представлял собой наиболее легкую форму нарушения прав индивида. В данном случае основным объектом посягательства была не личность человека, а его имущество. Урон, причиненный таким образом лицу, определялся суммой нанесенного ущерба, а потому компенсация ущерба снимала с причинителя вреда все возможные претензии. Это обстоятельство было особенно благоприятным для примирения. Подобная ситуация возникала, например, при невозврате займа, а также при утрате или порче предмета, взятого во временное пользование⁷.

Сложнее обстояло дело при *обиде*, когда в отношении потерпевшего совершались действия, посягающие на его честь и достоинство (как при наличии реального ущерба, так и при отсутствии такового). Лицо, совершившее «позорящие действия» в отношении потерпевшего, должно было выплатить пострадавшему компенсацию за «бесчестье». Размер этой компенсации тарифицировался законодатель-

⁷ При этом идея возмещения ущерба «равной мерой» не предполагала обогащения пострадавшего. Заем носил беспроцентный характер, а в случае уплаты кредитору полной цены испорченного имущества, взятого во временное пользование, само это имущество оставалось у должника. Впрочем, желая загладить свою вину, причинитель вреда мог по собственной инициативе предоставить пострадавшему компенсацию в большем размере, чем это требовалось согласно закону и обычаю.

но или в соответствии с обычаями, главным образом, в зависимости от сословной принадлежности пострадавшего. Так, например, ст. 94 главы X «О суде» Соборного Уложения 1649 года устанавливала размер платы за обиду (бесчестье), нанесенную представителям различных категорий жителей Московского царства, от ста рублей с человека в пользу «именитых людей Строгановых» до 1 рубля – «гуляющим людям»⁸. «Бесчестье» выплачивалось пострадавшему сверх компенсации прочего причиненного ему вреда (увечий, убытков, судебных расходов и т. п.). В некоторых случаях размер этой платы мог увеличиваться кратно: от 2 раз (за травлю собаками, избиение кнутом или батогами, противоправные действия представителей власти) до 4 раз (за ложные обвинения, повлекшие пытку). За «обиду», нанесенную женщине, выплачивалось вдвое больше, а девушке – вчетверо больше, чем за обиду, нанесенную мужчине равного социального статуса⁹. При этом на практике стандартный размер «бесчестья» варьировался по сравнению с общепринятыми тарифами в зависимости от того, был ли пострадавший «добрым» или «худым» человеком, соответственно в большую или меньшую сторону. Таким образом, для примирения с лицом, в отношении которого совершены действия, расцениваемые общественным мнением как позорящие, обидчик должен был не только компенсировать причиненный ущерб, но и сверх того выплатить сумму, эквивалентную понесенным моральным страданиям.

Третья категория посягательств – *насилие* – охватывала наиболее тяжкие преступления против жизни и иму-

---

⁸ При этом если обида была нанесена одновременными действиями нескольких лиц, каждое из них выплачивало пострадавшему пеню за бесчестье в полном объеме (принцип неделимости обиды), в то время как общая сумма имущественного вреда, причиненного пострадавшему действиями нескольких причинителей, тем или иным образом распределялась между ними.

⁹ *Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб., 1999. С. 569–570. В то же время год холопского труда в отработку долга оценивался для мужчины в 5 рублей, а для женщины и ребенка старше 10 лет – 2,5 рубля.

щества. Эти действия рассматривались обществом как категорически неприемлемые нарушения всех мыслимых социальных норм и подлежали жесточайшему наказанию. К ним, в частности, относились церковная кража, конокрадство, поджог, разбой и др. В принципе государство брало на себя юрисдикцию по этим преступлениям. Однако учитывая особую общественную опасность подобных действий, власть допускала некоторое самоуправство со стороны потерпевшего и лиц, пришедших ему на помощь, в отношении преступника, особенно если последний оказывал сопротивление своим поимщикам. Дело могло дойти даже до убийства преступника «в пса место», если его застигали на месте преступления или в ходе погони по горячим следам. О происшедшем убийстве достаточно было уведомить «окольных людей» и представителей власти, что исключало ответственность лиц, его совершивших. Таким образом, в некоторых случаях непосредственная внесудебная расправа над обидчиком приобретала характер самосуда, понимаемого в древности не только как самовольное незаконное действие, но и как действия лица «в своем праве» (деле)¹⁰.

Разумеется, примирение при «насильстве» исключалось самой природой таких деяний.

В некоторых случаях оно прямо запрещалось законодателем, как, например, в отношении разбойников¹¹. Однако и в таких ситуациях возможен был элемент доброй воли. Если преступник не оказывал сопротивления и давал себя связать, поимщики лишались права его увечить. Над пойман-

---

¹⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. Т. 4. СПб., 1996. С. 135.

¹¹ В частности, ст. 31 главы XXI «О разбойных и татинных делех» Соборного Уложения 1649 года под угрозой наказания запрещала примирение потерпевших («истцов») с лицами, изобличенными или подозреваемыми в разбое, устанавливая принцип «не мирися с разбойники».

ным и связанным преступником не разрешалось совершать насильственные действия до передачи его властям¹².

Учитывая сказанное, примирение потерпевшего с обидчиком было вполне естественным выходом в случае «урока» и в принципе достижимым результатом при нанесении «обиды», но практически исключалось в случае «насильства», где дело разрешалось верховной властью. Впрочем, нормы закона и обычая определяли лишь общепризнанную меру справедливого воздаяния, служили ориентиром для примирения, но не исчерпывали его возможности в каждом конкретном случае. На практике обидчик мог «уважить» пострадавшего, предложив ему бóльшую компенсацию или стремясь иными действиями загладить причиненный вред. Стороны могли уладить конфликт и «полюбовно», если пострадавший считал возможным удовлетвориться меньшей, чем положено, компенсацией или же просто «простить вину». Если говорить о конкретных бытовых правонарушениях, порицаемых в крестьянской среде, то к их числу относились, в первую очередь, клеветнические оскорбления¹³, драка, кража (особенно у своих), посягательство на женскую или девичью честь. К числу же наиболее тяжких моральных проступков, нетерпимых в повседневной жизни, относились брань и сквернословие, пьянство, непотребное и невоздержанное поведение, нерадение к церковным обрядам, нарушение договоров и обещаний, обман, а также нарушение особо установленных «миром» запретов и правил поведения.

---

¹² Если же потерпевший, поймав татя, пытал его у себя в доме, то последний мог «доправить» на потерпевшем бесчестье и увечье и, кроме того, избавлялся от пытки по этому делу в государственных учреждениях. См. ст. 88 главы XXI Соборного Уложения 1649 года.

¹³ Так, например, если человека называли незаконнорожденным, это считалось оскорблением лишь в том случае, когда не соответствовало действительности. См. ст. 280 главы X Соборного Уложения 1649 года.

Немаловажное значение для примирения имели характер действий причинителя вреда и поведение обеих сторон при возникновении конфликтной ситуации. По общему правилу вред компенсировался лишь при наличии в действиях причинителя умысла и противоправности. В принципе он отвечал «за вину», но не «за случай». Так, например, всадник, «наскочивший» на человека, отвечал перед пострадавшим лишь в том случае, если сделал это «с похвальбы, пьянства или умыслом». Не отвечал человек по закону и за совершенное им неумышленное убийство «не нарочным делом», особенно если у него прежде не было «недружбы или вражды» с жертвой¹⁴. Противоправное поведение потерпевшего также существенно ослабляло ответственность причинителя вреда за действия, которые он совершал, «боронясь» от нападения, или даже вовсе устраняло ее, например, в случае, если потерпевший был зачинщиком драки или разбойником¹⁵. На первый взгляд, невиновный характер действий снимал с повестки дня и вопрос о необходимости примирения. Отсутствие юридической вины причинителя вреда не требовало и примирения его с пострадавшим как юридического акта. Однако на практике и в этих случаях имели место попытки примирения с пострадавшей стороной, воспринимавшиеся как моральная обязанность причинителя вреда хоть как-то помочь жертве и тем очистить свою совесть.

В некоторых случаях примирение сторон могло достигаться ограничением правомерных требований притязателя. Например, «несчастному должнику», который не мог уплатить долг по не зависящим от него причинам случайного характера (пожар, грабеж и иной форс-мажор), могла быть

¹⁴ Ст. 17, 18, 20 главы XXII «Указа за какие вины кому чинити смертная казнь и за какие вины смертью не казнити, а чинити наказание» Соборного Уложения 1649 года.

¹⁵ См. ст. 200, 201 главы X Соборного Уложения 1649 года.

предоставлена отсрочка платежа до трех лет, пока он «обможется», по известной пословице «обещанного три года ждут». Разумеется, такая льгота не распространялась на неисправных должников, пропивших, «растерявших своим безумием» или «каким-либо обычаем разворовавших» заемные деньги или взятое у других лиц для торговли¹⁶.

В целом народная культура создавала благоприятные условия для примирения потерпевшего с обидчиком, чему немало способствовала позиция христианской церкви по данному вопросу. В частности, знаменитый «Домострой»¹⁷ неоднократно предписывает обиженному сносить обиду, не помнить зла, не мстить злом за зло и прощать обиды, а обидчику – мириться с пострадавшим, добиваясь его прощения, и впредь не делать никому зла. Сам акт примирения рассматривался не только как частное дело двух лиц, но и как акт восстановления сакрального христианского миропорядка. Это явствует уже и из самой традиционной формулы примирения: «Прости меня Христа ради!» – «Бог простит!» В народе существовал и обычай ритуального «гашения» всех возникших обид в определенные календарные сроки, примером чему является знаменитое Прощеное воскресенье на Масленице¹⁸. Но в то же время в русском народе существовал и специальный суеверный обряд, имевший своей целью вызвать смерть обидчика, так называемая «обидящая свеча», суть которого состояла в том, что свеча в церкви ставилась кверху комлем. Данный обряд всячески осуждался и порицался окружающими¹⁹.

Переходя непосредственно к конкретному разговору о традиционных формах примирения и разрешения конфлик-

---

¹⁶ См. ст. 203, 206 главы X Соборного Уложения 1649 года.

¹⁷ См.: Домострой. Русский семейный устав. М., 2005.

¹⁸ Аналогичные, но менее известные обряды были приурочены ко дню Крещения (Водосвятия) и Троицы (заговения на Петров пост).

¹⁹ См.: Даль В.И. Указ. соч.: В 4 тт. Т. 2. С. 583.

тов, существовавших в обычаях русского народа, необходимо затронуть три вопроса: *месть*, *частное примирение обиженного с обидчиком* («междоусобица») и *публичное примирение* перед всем «честным миром».

1. Мечь. Как известно, выражение «смирять обидчика» имело в древнерусском языке двойной смысл. Оно означало как собственно примирение с обидчиком, так и его обуздание, усмирение²⁰ путем нанесения ему равной обиды с целью восстановления «статус-кво». Тем самым приводился в действие архаичный принцип талиона «око за око, зуб за зуб», предусматривавший воздаяние обидчику за совершенное деяние «равной мерой», поэтому, говоря о традиционных формах примирения русского народа, нельзя не коснуться вопросов мести и наиболее яркого ее проявления – *кровной мести* (мести за убийство)²¹. Впрочем, здесь (как и в других случаях мести) мы имеем дело, скорее, с формой исчерпания конфликта посредством справедливого воздаяния и наказания обидчика, со стремлением «дать волю страстям» для острой реакции на «злую обиду». А в качестве сторон кровной мести следует рассматривать не столько самих индивидов, сколько социальные коллективы, к которым они принадлежат (семья, род, община и т. п.).

Мечь, в особенности кровная, была широко распространена среди русского народа в дохристианские времена (IX–X вв.) и осуществлялась в формах, общих для всех европейских народов раннефеодального периода – славян, скандинавов и вестготов. Убийца мог быть убит на месте преступления любым человеком, включая родственников убитого, или же спастись бегством. По истечении сорока дней со дня убийства он мог вступить через своих родствен-

²⁰ См.: *Даль В.И.* Указ. соч.: В 4 тт. Т. 4. С. 235.

²¹ Разумеется, мечь как бытовое явление существовала и существует в любые времена, несмотря на ее моральное осуждение обществом. Далее речь пойдет лишь о некоторых формах мести, особо выделяемых древнерусским законом и обычаем.

ников в переговоры с родственниками убитого о выкупе за убийство. Если попытка не удавалась, она могла быть повторена по истечении года со дня убийства, а при неудаче – еще через год, после чего убийца терял всякую надежду на возможность примирения²². Аналогичным образом обстояло дело с возмездием за «меньшие вины», когда сам потерпевший или его родственники могли воздать обидчику «равным за равное».

Под влиянием христианства древнейший из отечественных правовых памятников – «Русская правда» – ограничивал кровную месть, постепенно сведя ее на нет, не говоря уже о запрете обычной мести. Древнейшая редакция этого документа, так называемая «Краткая правда» или «Правда Ярослава» (1015–1016 гг.), уже ограничила круг возможных мстителей ближайшими родственниками убитого (отец, сын, брат, дядя и племянник), предоставляя на усмотрение этих лиц выбор между кровной мстостью и выкупом за убийство, делая такой выкуп обязательным при отсутствии законных мстителей. А «Правда Ярославичей» (1072 г.) юридически запретила кровную месть²³, хотя на практике и в более позднее время можно видеть многочисленные примеры кровной мести среди представителей правящих классов – князей и бояр²⁴.

---

²² См.: *Беляев И.Д.* Указ. соч. С. 76–77.

²³ Заменителем кровной мести у многих славянских племен был сохранявшийся длительное время специальный обряд «покура», представлявший собой символическую смерть убийцы близ гроба или могилы убитого с передачей его в руки родственников жертвы и последующим «оживлением» в случае прощения // Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. *Юридическая энциклопедия.* М., 2005. С. 650.

²⁴ Об этом, в частности, свидетельствуют такие факты, как убийство в 1174 году князя Андрея Боголюбского боярами Кучковичами – сыновьями боярина С.И. Кучки, убитого отцом этого князя, князем Юрием Долгоруким; убийство князей из Московского и Тверского княжеских домов в ходе их соперничества за ярлык на великое княжение в первой половине XIV века, а также соперничество между сыновьями и внуками Дмитрия Донского за великокняжеский престол в ходе феодальной войны второй четверти XV века (где, впрочем, убийство заменили ослеплением).

Выкуп за убийство распадался на две части – «головничество» и «виру». Головничество представляло собой компенсацию родственникам убитого, а вира – штраф в княжескую казну. Но если головничество выплачивалось непосредственно самим убийцей – «головником», то виру в подавляющем большинстве случаев платила вся община²⁵. Это обстоятельство превращало виру в форму коллективной ответственности общины – «верви» за поддержание порядка и согласия среди своих членов. Самостоятельно виру платили «чужаки», не состоявшие в данной общине, а также лица, совершившие убийство «в обиду» – в целях грабежа или с иным дурным умыслом.

Другой формой узаконенной мести была месть свободного человека холопу за оскорбление действием (ударом). По «Правде Ярослава» пострадавший, получив от хозяина холопа плату за обиду, тем не менее, мог убить холопа при встрече. «Правда Ярославичей» предоставила обиженному право выбора между убийством и денежной компенсацией (с холопа), а «Пространная правда» времен Владимира Мономаха (XII век) давала потерпевшим возможность либо взять с холопа деньги, либо «бить его развязав».

Испокон веку на Руси существовала еще одна форма мести за обиду, именовавшаяся разбоем. Имея характер самочинной расправы, она рассматривалась властью как противоправное самоуправство. Желая отомстить за нанесенную ему нестерпимую обиду, человек собирал ватагу сторонников, которая силой вламывалась во двор к обидчику и начинала «разбивать» – портить, ломать и крушить все подряд, причем нападавшие в запальчивости иногда увечили, ранили или

²⁵ Община выплачивала виру в следующих случаях: когда убийство совершено явным образом – на пиру, в ссоре и т. п.; когда убийца отсутствовал или не был найден; когда община не желала выдавать убийцу властям. *Беляев И.Д.* Указ. соч. С. 218–219. О значении виры (вергельда) в культуре народов средневековой Европы см: *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 199–201.

даже убивали самого хозяина либо его домочадцев. Обычный же разбой в его современном понимании как нападение на человека с целью ограбить тогда именовался грабежом или разбоем «без вины» (то есть без повода со стороны потерпевшего)²⁶. С течением времени оба эти преступления по причине сходства образа действий преступников объединились под названием «разбой».

Бытовая месть в более мягких формах также была не редким явлением. Она осуждалась обществом, пытавшимся ввести ее в строгие рамки (например, при общем запрете драк допускалась кулачная расправа обиженного с обидчиком на базаре или в кабаке). Государственная власть также активно использовала принцип талиона – авторам ложных доносов и исков полагалось то же наказание, какое бы получил обвиненный ими человек, если бы обвинение было правдиво.

2. Частное примирение обидчика с потерпевшим. Подавляющее большинство возникающих бытовых конфликтов разрешалось людьми самостоятельно, «междоусобным» образом без привлечения «внешней силы», будь то государственная или помещичья юстиция, либо общинное самоуправление. В подобных случаях стороны спора достигали согласия между собой по взаимной договоренности, основанной на принципе справедливости, житейской мудрости и жизненном опыте.

Ребенок проходил первичную социализацию и приобретал первоначальный опыт примирения в рамках семьи, представлявшей в силу своего патриархального характера многочисленный коллектив разновозрастных людей, которым надлежало жить «в ладу и мире». Внутрисемейные конфликты разбирались самовластно главой семейства, родителями или семейным советом старших. Ни публичная власть,

---

²⁶ Беляев И.Д. Указ. соч. С. 218.

ни община не считали нужным без необходимости вмешиваться в эти дела, хотя при их рассмотрении мнение «мира», безусловно, принималось во внимание. Примечательно, что старое русское законодательство распространяло обязанность повиновения родителям и на взрослых детей. В частности, Соборное Уложение 1649 года устанавливало строгий запрет детям подавать иски против родителей, жалобщики наказывались кнутом и выдавались своим родителям. В то же время родители могли ходатайствовать перед властями о телесном наказании своих детей за непочтение к ним²⁷. Фактически у детей оставалась лишь исключительно моральная возможность в случае чрезмерной родительской суровости апеллировать к своим крестным родителям либо духовному отцу (священнику), а в исключительных случаях – к общественному мнению.

Второй этап социализации в возрасте от 10 до 20 (иногда и до 30) лет проходил в молодежной среде «на улице». По общим наблюдениям, молодые люди в этот период легко ссорились и легко мирились. Просить прощение у приятеля считалось делом незазорным, особенно если обида была нанесена сгоряча, не подумав. В дружеской компании было принято также «одернуть» или «урезонить» того, чье поведение шло вразрез с общественным мнением и сложившимися традициями поведения, выказав ему общее недовольство. Для этого использовалось какое-либо действие символического характера, например, испачкать дегтем полушубок виновного на посиделках. Иногда обидчик принуждался к примирению силой: его заставляли кланяться обиженному и просить у него прощения. Все эти действия молодежь предпринимала самостоятельно, не прибегая к помощи деревенского мира. Вообще же старшие, несмотря на признаваемый за ними авторитет, обычно вмешивались в

---

²⁷ См. ст. 4–6 главы XXII Соборного Уложения 1649 года.

жизнь молодых людей только в тех случаях, когда озорство молодежи выходило за рамки допустимых шалостей. При этом необходимо учитывать, что практически вся «уличная жизнь» и досуг молодого поколения проходили на глазах всей общины, «на миру».

Проблема примирения приобретала особую остроту в случае, если поведение «младших» каким-либо образом задевало их «степенного» односельчанина – семьянина. В подобных ситуациях «старший» мог ограничиться словесным внушением (укором) и советом больше так не делать, сопроводив его иногда «для верности» легким физическим воздействием (шлепок, затрещина и т. п.). В целом право на подобные замечания признавалось за «старшими» безоговорочно в отношении любого из представителей молодого поколения, если его поведение представлялось им неподобающим. В наиболее серьезных случаях обиженный мог учинить расправу на месте, поколотив обидчика, либо выставить его на общий позор, водя пойманного по деревне в смешном виде, символически выражающем его проступок (например, повесив на шею краденый хомут). И то и другое совершалось обычно в присутствии «окольных людей», созывавшихся потерпевшим для оказания ему помощи и свидетельства его правоты.

Но гораздо чаще пострадавший вел озорника на родительский двор либо являлся туда сам с уликами и претензиями. Тогда примирение достигалось в ходе переговоров между главами семейств. Непосредственный же обидчик подвергался «домашнему наказанию» со стороны родителей: от традиционных угла, порки и сидения в чулане до разнообразных позорящих наказаний: запрет носить праздничную одежду, выходить со двора и ходить на улицу, ездить в город и т. п., либо «отсылка в учение» или на исправление в другую деревню к родственникам или знакомым. Однако для того чтобы сам этот озорник почувствовал

тяжесть содеянного и свою вину, родители могли заставить его лично извиниться перед пострадавшим или выдать его последнему «головой» для отработки нанесенного ущерба. Взрослому сына глава семейства мог выделить (отделить) из семьи либо в воспитательных целях, либо чтобы жил своим домом, не позорил фамилию и отвечал за себя сам.

Наиболее ритуализованный характер носила процедура примирения между равными по положению «степенными односельчанами – домохозяевами». Обычно в таких делах обидчик и обиженный были хорошо известны друг другу. Если же обидчик отнесся к происшедшему несерьезно, то задетый его поведением человек при встрече давал ясно почувствовать тяжесть своей обиды. По общему правилу инициатива примирения возлагалась на обидчика как зачинщика ссоры. Для примирения было важно правильно выбрать психологический момент, когда первоначальный гнев пострадавшего утих, а обида не стала закостенелой. При этом если обида носила достаточно серьезный характер, нанесший ее не дерзал лично являться в дом пострадавшего, где ему без лишних разговоров могли указать на дверь²⁸.

Ищущий примирения обидчик стремился встретиться с обиженным на улице, например, по дороге в церковь или на базар, чтобы, обратившись к нему с внешними знаками смирения и почтения (сняв шапку, отвесив земной поклон), просить у него прощения. Если попытка не удавалась, она повторялась через некоторое время. Если же стороны достигали примирения, они часто отправлялись в кабак «выпить мировую» либо посещали дома друг друга. Нередко оби-

---

²⁸ Дом и двор традиционно рассматривались на Руси как сакральное пространство, закон и обычай серьезно ограничивали вторжение на частную территорию даже должностных лиц, обставляя это строго формализованной процедурой. Так, например, в донетровской Руси пристав мог вторгнуться в частный дом лишь в некоторых, специально оговоренных, случаях (в частности, для поимки беглеца или выемки поличного) и стерег жильцов у ворот, а еще в конце XIX века полиция в Сибири не «изымала» беглых, когда они находились на крестьянских дворах.

женный, прощая обидчика, первым приглашал его к себе в гости. Если же этого не происходило, прощение считалось неполным, и приглашение в гости делал обидчик. После взаимного обмена визитами примирение считалось достигнутым. При этом обиженный встречался в доме обидчика как дорогой гость. Обидчик же вступал на двор обиженного им человека как лицо виноватое, покаянно испрашивая у хозяев дозволения. Выражая хозяевам подчеркнутые знаки уважения и почтения, этот гость в знак своего смирения не входил в дом и не садился за стол по первому приглашению хозяев до тех пор, пока приглашение не повторят трижды. Для того чтобы задобрить хозяев, обидчик являлся на примирение с подарком.

Человек, явившийся в чужой дом с целью просить прощения, в знак серьезности своих намерений совершал определенные символические действия: садился под матицу (центральный потолочный брус), долго грел руки у печи и т. п. Молодые, женившиеся «убёгом», без согласия старших, вымаливали прощение у родителей, падая им в ноги. Прощение также часто сопровождалось символическими действиями, например, легким ударом кнутовищем или плетью по спине обидчика. В случае серьезной обиды за обиженным признавалось право некоторое время «серчать» на обидчика и после примирения, в частности, удерживать приданое дочери, вышедшей замуж без родительского благословения.

Примирения было гораздо легче достигнуть, приурочив переговоры по его поводу к какому-либо крупному церковному празднику либо радостному событию в жизни семьи. Часто обидчика прощали по обету в знак благоприятного разрешения трудной жизненной ситуации (например, выздоровление после тяжелой болезни). Особенно необходимым считалось примирение с человеком, находящимся при смерти, ему было не принято отказывать. Стремясь обеспечить успех примирения, обидчик мог обратиться к помо-

щи авторитетных уважаемых и влиятельных односельчан, прося их выступить третьей стороной в конфликте, чтобы разрешить конфликт при их посредничестве. Таких людей именовали мировщиками, мирителями, примирителями и примирительницами, а также посредниками (сводчиками). Неплохим средством для примирения считалось также свести обидчика с обиженным на нейтральной территории, «в хорошем доме», где при общей поддержке присутствующих старались «согласить» и примирить их. Хозяин дома, по общему правилу, в силу своего положения становился арбитром ссор, возникающих между его гостями, каковые ему следовало «осторожненько унимать».

3. Публичное примирение перед всем миром. Наиболее острые конфликты, которые стороны не могли разрешить самостоятельно или при посредничестве уважаемых односельчан, выносились на суд всего «мира» – общины. Обычно житейские ссоры разбирал избираемый крестьянами староста единолично либо совместно с другими выборными или назначаемыми должностными лицами, образующими правление²⁹. Но наиболее справедливым считалось решение, вынесенное от лица общины мирским сходом.

Мирские сходы бывали следующих типов: деревенские (сход жителей одной деревни), сельские (сход жителей нескольких соседних деревень, обычно расположенных в пределах одного прихода) и волостные. При этом официальная власть признавала лишь волостной уровень, наделяя волость элементарными административными и судебными функциями. Остальные уровни крестьянского самоуправления действовали неформально, но их опыт активно использовался при законодательной регламентации волостного самоуправления. Кроме того, в пределах волости могло действовать

---

²⁹ У казаков для этих целей существовало специальное должностное лицо – судья, который наряду с атаманом, есаулом, писарем и хорунжим входил в число высших чинов казацкого самоуправления.

одно или несколько сельских обществ, полномочных решать в отношении своих членов некоторые административно-хозяйственные вопросы (распределение общинных угодий, согласие на раздел семей, опека над несовершеннолетними и т. п.). Организация сельских обществ обычно совпадала с организацией низовых крестьянских сходов.

Мирской сход на подведомственной ему территории рассматривал следующие категории дел: финансовые дела общины, общие нужды ее жителей, а также разрешение бытовых и юридических конфликтов между ними. Обычно сход созывался старостой или сельским правлением по мере необходимости, самое частое – два раза в неделю. Участники оповещались о мероприятии загодя, а в случае крайней необходимости ударяли в набат. Сход обычно проходил на традиционном месте – сходне, на сельской площади или перед домом правления – «земской избой».

Председательствовал на сходе староста. Полноправными участниками деревенского схода были домохозяева, а на сходах более высокого уровня – выборные от определенного числа дворов. Именно они решали дело по существу, принимая большинством голосов «мирской приговор», который заносился в специальную книгу. Однако на сходе присутствовала многочисленная публика, активно вмешивавшаяся в ход обсуждения, если человеку было что сказать. Поэтому мирской сход представлял собой не современный «круг примирения», а скорее традиционный казацкий круг или старорусское вече. При этом старикам (мужчинам старше 60 лет), а также иным людям, чем-либо заслужившим уважение односельчан, оказывался особый почет, их мнение становилось решающим, и к нему присоединялись остальные члены схода³⁰.

---

³⁰ О сельском сходе см. подробнее, например: *Громыко М.М.* Указ. соч. С. 93–99, 105–113; *Земцов Л.И.* Указ. соч. С. 41–49. См. также: Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. 19 февраля 1861 г. // Российское законодательство X–XX веков. Документы крестьянской реформы. Т. 7. М., 1989. С. 37–77.

Человек, претерпевший обиду, мог апеллировать к мнению «мира», публично высказав свою обиду, практически на любом массовом мероприятии, от свадьбы до похорон, облакая свои претензии в приличествующую случаю ритуальную форму (частушки, вытье по покойнику и др.). Обычно «мир» не оставлял такое выказывание обиды без внимания, особенно если оно было неоднократным. Часто обе стороны конфликта выносили свой спор на сход, чтобы односельчане «разобрали» их дело. «Мир» мог и по собственной инициативе вызвать на сход участников крупной общеизвестной ссоры, которых необходимо было «согласить». Наконец, обиженный мог выдвинуть обвинение против обидчика непосредственно на сходе. В последнем случае обвинитель должен был доказать состоятельность своих обвинений или по крайней мере убедить в этом сход. Если же это не удавалось, такое обвинение считалось публичным оскорблением, и за оскорбленным признавалось право в дополнение к мирскому наказанию клеветнику собственноручно побить его. Точно так же рассматривались и дела об обидах, нанесенных непосредственно на сходе.

Стороны на сходе говорили и отвечали за себя сами, хотя существовала практика неофициальным образом просить вступить за себя опытного умелого оратора – «краснобая горлопана» (по-свойски или путем подкупа). Иногда на стороне обвиняемого мог появиться уважаемый односельчанин, который брал его на поруки, что существенно уменьшало наказание или вовсе избавляло от него. При рассмотрении спора во внимание принимались не только обстоятельства конфликта, но и репутация обеих сторон и их семей, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства. Дело могло быть решено также по результатам «крестного целования», жребия или спора – пари (побиться об заклад).

Мирской сход старался вести разбирательство к примирению сторон по одному из следующих сценариев: ра-

зобратить дело, установив права и обязанности каждого из участников спора, затем достигнуть обоюдной договоренности путем взаимных уступок спорящих или прощения обидчика пострадавшим. Во всех случаях участники схода старались добиться чистосердечного раскаяния виновного, который должен был испросить прощения не только у самого обиженного, но и у «всего честного мира за беспокойство». По завершении схода согласно обычаю виновный или обе стороны спора устраивали наиболее авторитетным односельчанам угощение – мировщину. Мирской приговор рассматривался крестьянами как акт высшей справедливости, имеющий окончательный характер, и попытки обжаловать его в официальных и вышестоящих инстанциях, как правило, не предпринимались. В то же время сельский «мир» благосклонно смотрел на то, когда после проведенного на мирском сходе примирения обиженный договаривался с обидчиком о более мягких условиях ответственности или же вовсе прощал его.

Особое внимание уделялось случаям, когда обида носилась всей общине, а не одному из односельчан. Такая ситуация возникала, в частности, при нарушении установленных общиной запретов сельскохозяйственных работ в праздничные и обетованные дни, употребления определенных овощей или фруктов ранее оговоренного срока и т. п., а также иных подобных ограничений, налагаемых на себя «всем миром»³¹. В этих случаях наказание отступников становилось особенно жестким, а когда уличенный запирался и врал, штраф увеличивался вдвое. Кроме того, если асоциальное поведение кого-либо из односельчан вызывало общее беспокойство, а увещания не помогали, старшие деревни по согласию между собой устраивали озорнику

---

³¹ О запретных решениях сельских общин см. подробнее: *Громыко М.М.* Указ. соч. С. 125–129.

«темную»), чтобы битьем научить его уму-разуму. Жалобы на такие действия мирской сход не принимал³².

Основной формой ответственности виновного перед «миром» являлся штраф, который можно было выплатить не только деньгами, но и имуществом либо отработать. Для обеспечения выплаты штрафа обычно с телеги виновного снимались колеса, а в Сибири – конфисковывали самовар. Практиковались и другие виды наказания: общественные работы, внеочередное привлечение к несению повинностей (например, отвезти старосту на подводе в город), телесные наказания, заключение на несколько дней в «холодную» (помещение для временного содержания преступников), запрет отлучаться из общины (невыдача паспорта, дабы не позорил общину на стороне) или же изгнание из нее. В давние времена такое изгнание в особо тяжких случаях сопровождалось «потоком и разграблением», когда из деревни изгонялась вся семья виновного, а оставшееся имущество «расхватывалось» односельчанами. Дополнением к наказанию за наиболее позорные дела становился общественный бойкот.

Необходимо отметить, что в сельской среде, помимо собственно мира, существовали и иные локальные сообщества, такие как приход, артель (братчина) и т. п., которые решали вопросы примирения между своими членами на сходных основаниях, но с определенной спецификой. Аналогичным образом складывались отношения и среди городского населения, в среде посадских жителей, где в рамках вечевого строя существовали вече различного уровня, подобные сельским мирским сходам (уличанские (уличные), кончанские (квартальные) и общегородское), а низовые административно-территориальные самоуправленческие структуры (слободы, сотни и т. п.) во многом походили на обычный сельский «мир».

---

³² Еремеев П.В. Обиход: Былички. М., 1990. С. 132.

К концу удельно-вечевое периода русской истории (XV–XVI вв.) органы городского самоуправления постепенно утрачивают свое влияние в пользу государственных учреждений – воевод и наместников с их «избами». В то время как на селе общинное самоуправление сохраняется практически до начала XX века, в городах, где сосредоточивались институты власти, общественное самоуправление постепенно вытесняется государственным управлением, несмотря на предпринятые в XVI–XVII веках неоднократные попытки оживить самоуправленческие начала в городской жизни. Сами же городские «миры» со временем переродились в сословно-профессиональные корпорации, а затем в сословные общества, занимавшиеся, главным образом, нуждами и делами своих членов. Эти сословные общества сохранились до начала XX века, исключение из их состава за правонарушение или порочащий поступок лишало человека «сословной чести», а также некоторых гражданских и даже политических прав³³.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что наличие неформальных институтов примирения свойственно любым традиционным обществам. Это подтверждается существованием подобных структур в современных Индии или Китае³⁴. Не являлся исключением в этом отношении и русский народ, особенно его крестьянская часть, где традиционный элемент культуры проявлялся с наибольшей силой. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что в результате всех политических и социальных катаклизмов, пережитых русским народом за последние полтора века,

---

³³ См., например, п. 7 ст. 10 Положения о выборах в Государственную думу Российской империи в редакции от 3 июня 1907 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 60.

³⁴ См.: Иностранное конституционное право / Под ред. проф. В.В. Маклакова. М., 1997. С. 307, 391.

эти традиции оказались практически полностью утрачены, и говорить о них можно преимущественно в историческом аспекте, хотя некоторые из них проявлялись и в советский период в деятельности низовых организаций и органов управления (колхозы, совхозы, сельсоветы и вообще местные советы), а также специально создаваемых органов (товарищеские суды, примирительные комиссии и т. п.). Следует учитывать и то обстоятельство, что здесь идет речь об идеальной общей модели примирения, имевшей на практике много вариантов и отклонений. Все это показывает, что проблема примирения и в целом обычного права и юридического быта, правовых традиций и правосознания русского народа требует более подробного и обстоятельного изучения.

В завершение можно высказать некоторые соображения, представляющиеся особенно актуальными применительно к реалиям нашего времени. Прежде всего, в обществе необходимо формировать культуру примирения, и шире – культуру взаимодействия и сотрудничества, основанную на неких конвенционных базисных принципах и ценностях социальной этики. Неотъемлемым элементом такой культуры является готовность к конструктивному диалогу, признанию ошибок и деятельному раскаянию, примирению, прощению и поиску компромисса. Большую помощь в этом может оказать разработка конкретных механизмов и процедур примирения. Кроме того, следует принимать во внимание, что примирительные процедуры должны существовать не сами по себе, а как некоторый элемент повседневного социального уклада, устой которого серьезно колеблются в моменты социально-политических катаклизмов. Наконец, в деятельности по примирению необходимо учитывать национальные культурные традиции, психологию и стереотипы поведения и исторический опыт, чтобы процедуры примирения органично интегрировались в современную жизнь, а также своевременно

могли отвечать на вызовы, возникающие в данной сфере. При этом многие приемы примирительной деятельности на практике уже интуитивно и неосознанно применяются людьми в их повседневной жизни. Именно обращение к историческому опыту и его осмысление позволяют надеяться, что примирение в его различных формах может стать эффективным средством разрешения конфликтов и в наши дни.

Тема примирения в фольклоре и литературе

Примирение исторически всегда выступало противоположностью либо силового, либо правового, судебного (либо иного волевого авторитетного, общеобязательного) решения, определяющего меру юридической ответственности. При условии компромиссного удовлетворения сторон без вынесения решения о юридической ответственности оно являлось одним из гуманнейших способов окончания споров и конфликтов в человеческом обществе. В толковых и энциклопедических словарях примирение определяется как мир, согласие после войны и вражды. Существует множество литературных источников, повествующих о перемирии и заключении мира в связи с окончанием войн, о примирении дуэлянтов, членов семьи, романтических влюбленных и иных случаях примирения. Об этом свидетельствуют и древние предания, пословицы, поговорки, крылатые выражения, сказки, сказания, легенды, мифы, литературные (разных эпох, видов и жанров) произведения и памятники культуры и права Древнего Востока, Античности, Средневековья и более поздних цивилизационных эпох и типов¹.

О примирении говорится и в Священных писаниях и других религиозных источниках. Так, например, Павел в Послании 2 Коринфянам (5:18–19) говорит о примирении как о сердце Евангелия: «Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с собою и давшего нам служение примирения, потому что Бог во Христе примирил с Собою Мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово прими-

---

¹ Интересное собрание сказок о суде с их классификацией представлено в книге: *Харитонов М.С.* Книга о судах и судьях. М.: Главная редакция восточной литературы, 2001.

рения». Всеобщему примирению православных посвящен и религиозный праздник Прощеное воскресенье.

В данном случае для анализа были избраны, прежде всего, сказки народов мира, а не научные (юридические и пр.) и литературно-художественные произведения; в последних названной теме было уделено немало внимания, особенно в настоящее время в связи с легализацией медиации. Однако практическое применение примирительных процедур, в частности при внесудебных, досудебных и судебных формах (стадиях) разрешения споров и конфликтов встречает разнообразные сложности психологического, нравственного, ментального и т. п., а не только профессионально-юридического характера. Учитывать и преодолевать их могут помочь примеры из истории юридического быта, юридической практики народов, почерпнуть которые можно и из фольклорных источников. Интересно, что сказания о судах, сложившиеся у народов Древнего Китая, впоследствии легли в основу нового типа прозы и литературного жанра – судебного рассказа и судебного романа.

Богатейший материал о юридическом быте как своеобразном источнике для фольклорных произведений представлен в сказках, посвященных судебным историям, в том числе и примирительному способу разрешения юридически значимых споров и конфликтов. В них сторонами, судьями или квази-судьями и другими участниками процесса могут выступать различные персонажи: вымышленные и реалистичные, животные, люди, божества². При этом решения, как правило, основываются на принципе справедливости, но иногда окончание спора или конфликта, при удовлетворении обеих сторон, достигается каким-либо хитроумным приемом, основанным на знании характеров, психологических или физиологических особенностей спорящих или

² См.: Харитонов М.С. Указ соч.

конфликтующих. В то же время примирительная процедура как в функциональном, так и институциональном, а также содержательном аспектах выбирается в соответствии и отражает нравы, традиции, юридический быт и опыт, менталитет народа – автора фольклорного произведения. Вместе с тем и сами произведения, и сентенции, содержащиеся в них, оказывают морализующее, воспитательное воздействие на адресата, слушающего или читающего, прививая ему правовое мышление, сознание и понимание. Смысл сказок обычно таков: между двумя или более персонажами возникает юридически значимый конфликт или спор, предметы которого различны. Судья как третье лицо его разрешает в примирительном порядке на основе компромисса, решение выглядит справедливым или несправедливым, судья мудрым или глупым. Персонажи различаются по виновности в содеянном, справедливости и законности деяний, своими человеческими качествами, определяющими мотивы и причины деяний.

В подобных сказках, рассказах, легендах при всем разнообразии исходных ситуаций, как правило, сообщается о судьбе, то есть третейском разрешении спора (конфликта). По внешней композиционной структуре чаще всего они включают пять элементов (стадий): 1) возникновение спора или конфликта; 2) обращение (вызов) в суд; 3) судебное разбирательство; 4) вынесение приговора, компромиссного решения в целях примирения сторон; 5) реакция на приговор³.

Эти инвариантные структурные элементы соответствуют функциям лиц, участвующих в споре (конфликте) и его судебном разрешении, «обязательный набор» их строго определен в фольклорных произведениях: не менее двоих спорящих, или конфликтующих, судья, а иногда свидетель и советчик (может быть одним лицом), в современном фоль-

---

³ См. об этом: *Харитонов М.С.* Указ соч.

клоре – адвокат. Судью избирает судьба (божество) или народ, или сами стороны, если это судья низшей инстанции. Высшие судьи – официальные должностные лица, правители. При этом не всегда вынесению решения предшествует следствие (как и в реальности, в древних и средневековых судах предварительное расследование, следственные и судебные действия совмещались в процессе – так называемый следственный, инквизиционный, или розыскной процесс). Решение выносится не всегда мотивированно, оно может основываться на догадке, внутреннем убеждении судьи или даже произвольно.

Фольклор и в этом случае отражает реальную судебную практику, поскольку в судах разных времен и народов правилами судопроизводства не устанавливалась обязательная мотивировка решения. Так, в судах Древнего Египта, согласно источникам, решение объявлялось без мотивов. Судья безмолвно прикладывал ко лбу той стороны, в чью пользу было решено дело, изображение истины, которое он носил на шее.

В фольклорных произведениях о суде ярко отражается повседневная жизнь разных эпох и народов, их права, обычаи, моральные представления, психологические особенности, правосознание и правопонимание, характер деловых и дружеских взаимоотношений. В суд приходили с разными делами: с семейными, трудовыми, имущественными тяжбами и конфликтами, с заявлениями об обиде, оскорблении и т. д. И хотя басни, легенды, сказки, саги и прочие жанры фольклора отражают реальные события в образной, а иногда фантастической формах, они содержат, как видно, немало фактических сведений об организации правосудия вообще и способах примирения в частности. Причем анализ сказочного судопроизводства позволяет увидеть общее и особенное, характерное для него в юридическом быте разных народов, разных эпох. В частности, такой способ при-

мирения (добровольного или принудительного) известен практически во всех правовых культурах. Фольклор содержит сентенции, впоследствии ставшие юридическими презумпциями, принципами права, или нравственные наставления, породившие пословицы и поговорки. Вместе с тем различие в обычаях, законах, нормах морали так велико, что принцип справедливости и законности, например, фактически содержательно выражается зачастую в полярных оценках. Причем разнообразие в соционормативном регулировании характеризует не только локальные цивилизованные общества, но присутствует и внутри этих обществ относительно отдельных социальных групп. Вместе с тем справедливость почиталась всеми народами как ценность.

Ценностью выступает также «правда» (истина), однако в сказках встречаются случаи, когда признание «правоты или неправоты ведет не к поощрению или наказанию, а к компромиссу или к примирению сторон (см., например, сказку Лоанда «Тесть и зять» (76)⁴. В ней рассказывается, как зять, бывший слепым на один глаз, и тесть, бывший лысым, встречая вместе два заката подряд, невольно обидели друг друга, приглашая идти спать под предлогом того, что: 1) «Темень такая, что имей ты хоть четыре глаза, и то ничего не увидишь», и во втором случае: 2) «Пора спать. Луна сияет как лысина. Не вредно ли нам тут сидеть?» Через три дня тесть пожаловался на обиду шести старейшинам деревни. Они, признав обоюдное оскорбление, предложили помириться, закончив свою речь словами: «Тесть и зять, помиритесь. У тебя, тесть, нет сына. Зять – твой сын. Ты первый оскорбил его, он же только ответил тебе. Будьте друзьями. Выбросите из головы злые мысли, не надо ссориться друг с другом из-за пустяков. Подайте ром, выпьем. И закончим на

---

⁴ Харитонов М.С. Указ соч. С. 45.

этом. Тесть и зять выпили и стали, как прежде, друзьями» (Лоанда, 30, 36)⁵.

О другом не менее любопытном приеме судьи говорится в ахмарской сказке «Как поссорились гиена и павиан» (187, 22.22). Эти названные персонажи обратились к судье. Выслушав их взаимные обвинения, судья задумался: «Если я вынесу приговор не в пользу павиана, он за один день уничтожит все мои посевы и у меня пропадет весь урожай, если же я вынесу приговор не в пользу госпожи гиены, она за один день уничтожит весь мой скот». Поразмыслив, он решил направить спорящих к старейшинам, чтобы они их рассудили. Старейшины, поняв, из-за чего судья не стал сам разрешать спор и убоявшись последствий, вспомнили, что в деревне есть бедный старик, у которого нет ни скота, ни поля и которому нечего терять, а потому послали спорящих к бедняку как к мудрейшему старцу.

Гиена и павиан направились к нему и рассказали о споре. Старик, отправив павиана посидеть в стороне, обратился к гиене: «Госпожа гиена, как же так? Как это ты, такая молодчина, пускаешься в спор с этакой облезлой обезьяной? Меня это удивляет и поражает! У тебя такой зычный голос! Ты такая сильная, что можешь одна унести лошадь или мула. Как ты можешь стоять рядом и разговаривать с этой мордой. Даже если он тебя обидит, не роняй своего достоинства, уступи и не ссорься, не затевай тяжбу. Лучше успокойся, помирись с ним». Гиена признала его правоту: «Когда мне не с кем говорить и я спускаюсь к нему в овраг побеседовать, ничего, кроме отвращения к нему, я не испытываю». По совету «мудреца» она решает уступить и помириться с павианом. В свою очередь, старик укорил и павиана: «Господин павиан, ты такой молодец и при всем народе пускаешься в спор с этим ничтожным пожирателем падали! Меня это очень

---

⁵ См.: Там же.

удивляет. И тебе не стыдно? Ведь у тебя такой грозный вид, как у льва... ты похож на вельможу, ты страшен как воин... А сейчас ты дошел до того, что разговариваешь с этой прожорливой, питающейся падалью трусихой, и тебе не стыдно? ...Ну ладно, что прошло, то прошло, а на будущее, если она даже обидит тебя, ты уступи и не ссорься с ней и не роняй своего достоинства!» «Конечно, – ответил павиан. – ... Я уронил свое достоинство и я виноват. Пойду лучше уступлю и помирюсь!» А бедняк, собрав их вместе, спросил: «Ну, теперь помиритесь, как я вам сказал?» «Да», – ответили они и низко поклонились ему. На прощание «мудрец» сказал: «Ну идите по домам и больше чтоб не ссориться. Когда речь идет о защите справедливости, не следует думать о своей выгоде»⁶.

Особую находчивость продемонстрировал судья в нубийской сказке «Нубийский счет» (119.107), которая повествует, как один нубиец попросил у другого в долг 1 пиастр. Кредитор выдал ему две монеты по 20 парасов, что равно 1 пиастру. Когда пришел срок, должник вернул 1 пиастр, но кредитор требовал 2 монеты по 20 парасов и не иначе. Кади (судья) долго бился с ним, пытался примирить, пока не уразумел в чем дело. Тогда он вышел из терпения, взял у должника 1 пиастр, а кредитору отдал 2 монеты по 20 парасов из своего кошелька. «Теперь ты доволен?» – спросил кади. – «Слава аллаху! – воскликнул первый нубиец. – Наш кади – золотой человек, справедливый. А главное, умеет считать!»⁷

Учитывать нравы и религиозные нормы мусульман в случае поиска условий примирения вынужден был судья и в турецкой сказке «Ходжа разбирает тяжбу красавиц» (191.25.120). Когда Ходжа был кази (судьей) в Сиврихисаре, к

⁶ См.: Харитонов М.С. Указ соч. С. 93–94.

⁷ Харитонов М.С. Указ соч. С. 93.

нему обратились две красавицы. Одна, заказчица, попросила другую сплести обыкновенную бечевку, а исполнительница стала плести «тонкую-претонкую», и женщина показала в качестве образца свои волосы, чем смутила кази. В ответ исполнительница, изображая гнев, отвечала, что уговор был о толщине бечевки с палец, а не кисти, и кокетливо показала кази эти части своего тела, приведя его тем самым в смущение. «Бедный Ходжа остановил ее и, оглядев обеих с ног до головы, сказал, улыбаясь: «Ну, девочки, столкнитесь как-нибудь между собой. Ты, – продолжал он, обращаясь к ответчице, – немного толще пряди, только не натягивай так сильно, чтобы не надорвалось сердце вашего Ходжи, как это только что было». Красавицы засмеялись и ушли»⁸.

В корейской сказке «Летающая лань» (193.161.146) рассказывается о том, как двое деревенских юношей поспорили о лани: один сказал, что лань прыгает, а другой – летает. Не договорившись между собой, пошли к судье, чтобы тот их рассудил. Судья спросил, когда они видели лань. Один сказал, что весной, а другой, что осенью, когда праздновали шестидесятилетие тестя и были веселы и хмельны.

Судья сразу все понял, но предложил друзьям осмотреть место, чтобы узнать, как все было. Придя на опушку, они действительно увидели лань, которая быстро удалялась по склону холма, покрытого кустарником, как бы взлетая над ним (как это выглядело во втором рассказе). Чтобы не портить отношений со спорящими, умный судья сказал: «Вы оба правы. Весной лань прыгает, а осенью летает». Юноши были очень довольны таким решением, уплатили судебные издержки и разошлись добрыми друзьями. А в примечании автор говорит в назидание: «В трезвом виде видишь лань прыгающей, в хмельном – летающей»⁹. В другой поучитель-

---

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Там же.

ной корейской сказке «Странный чиновник» (186.164.456) изложена история об одном бывшем высоком чиновнике по имени Хван, который был известен тем, что никогда в своей практике не говорил «нет», а только «да». Лицо же его при этом оставалось бесстрастным, а выражение – безразличным. К нему обратились двое его слуг, которые не могли прийти к согласию по спорному вопросу, чтобы он их рассудил. Первый рассказал суть спора, и хозяин дал ответ: «Твои слова справедливы, Ты прав». Но потом пришел второй слуга и на свой рассказ о том же споре получил от хозяйина ответ: «Твои слова справедливы. Ты прав». Когда жена хозяйина, бывшая случайно при его «судействе», сказала ему, что не может быть, чтобы оба были правы и нужно выносить ясное решение, он и ей ответил: «Твои слова справедливы. Ты права». С тех пор пошла поговорка: «Ты судишь, как чиновник Хван». Однако поговорка связана с приговором, а не с сутью спора, о которой сказка умалчивает.

Находчивость судьи демонстрирует японская сказка «Пусть подождет» (196.112.385). Один сват просватал пятнадцатилетнюю невесту за 35-летнего жениха, не сказав ее родителям, что тот стар. Родители, прознав, отказались выдавать дочь, сославшись на то, что жених стар. Сват обратился к судье. Судья вызвал обе стороны, выслушал и спросил у родителей девушки, по какой причине они отказываются. Те, сославшись на обман свата, сказали, что отдали бы ее, если бы жених был хотя бы только вдвое старше ее. Судья решил: пусть будет так, как вы хотите: подождите 5 лет и ваша дочь станет вдвое моложе жениха. Обе стороны с извинениями удалились, признав это решение мудрым¹⁰.

Персидская сказка «Беру на себя две очереди» (206.85.51) повествует о том, как некая красавица повела своего мужа к кадию (судье), жалуясь, что муж не справляется со свои-

---

¹⁰ См.: Там же.

ми обязанностями, а она не хочет губить свою молодость. Кадий – большой шутник – спросил у мужа, почему тот не удовлетворяет жену. Тот сказал, что старается как может, но не может более трех раз входить в этот святейший храм. Жена же упорствовала и говорила: «Если каждую ночь он не будет стучаться во врата этого серебряного дворца пять раз, то придется найти для этого дворца другого владельца». Муж на это не согласился. Тогда кадий вынес следующее решение: «Я осведомлен в делах судьбы, и мне придется отдать вам часть своего имущества, чтобы прекратить вашу тяжбу. Поэтому я беру на себя 2 очереди, чтобы округлить счет»¹¹.

Вышеприведенные сказки относятся к восточному фольклору, но подобные баллады, саги, легенды известны и западным народам, на их содержание влияют культурологические, антропологические, социологические, геополитические и прочие факторы, однако примирение и у этих народов выступает ценностной категорией. Известно мнение о том, что примирение является лучшим моментом ссоры, а справедливость и иные сущностные начала права обеспечивают универсальные способы примирения. Нельзя не согласиться с мнением Е.Н. Трубецкого, что «правовой порядок между прочим задается целью водворения мира между людьми»¹². Вместе с тем восточные сказки демонстрируют использование и иных, неправовых, средств нравственно-религиозного свойства: хитрость, смекалку, которые основаны на особенностях нрава и быта народа и других его качествах, позволяющих примирить спорящих, не прибегая к наказанию и принуждению, добиваясь удовлетворения сторон через компромисс.

---

¹¹ См.: Там же.

¹² Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 33.

Об авторах

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунст-камера) РАН, кандидат исторических наук

Афанасьев Евгений Павлович – юрист, методист центра ПМСС «Росток»

Бабич Ирина Леонидовна – ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН

Берсанова Залпа Хож-Ахмедовна – заведующая сектором этнографии Академии наук Чеченской Республики, кандидат исторических наук

Ерофеева Эльвина – независимый исследователь, специализируется по вопросам самоуправления и автономии коренных народов

Ефремова Надежда Николаевна – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ГАУГН, кандидат юридических наук, профессор

Земцов Леонид Иосифович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории ЛПГУ

Карнозова Людмила Михайловна – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории ювенальных технологий МГППУ, член коллегии общественного центра «Судебно-правовая реформа»

Кудрявцев Максим Александрович – научный сотрудник сектора теории конституционного права Института государства и права РАН, кандидат юридических наук

Магомедсалихов Хайбула Гамзатович – кандидат исторических наук Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

Новикова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, исполнительный директор ООО «Этноконсалтинг»

Традиционные практики урегулирования конфликтов

Материалы ежегодного семинара 2010–2014 гг.
(сборник)

Выпускающий и литературный редактор *Путинцева Н.В.*
Компьютерная верстка: *Фролова А.Ю.*
Корректор *Корепанова К.М.*

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Аванти»
107564, г. Москва, ул. Краснобогатырская, д. 2.

Распространяется бесплатно.